

The title 'НЕВЛЯ' is rendered in a bold, sans-serif font. A thick, grey, 3D-rendered rope forms a knot that passes through the letter 'В'. The rope extends vertically above and below the knot. The background behind the text is a light grey horizontal bar.

НЕВЛЯ

6 • 2005

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Борис Пантелеев Даст Бог, свидимся, или На все Божья воля гражданина начальника	4
Состояние преступности	13
Юрий Александров Учиться и в тюрьме не поздно	19
Андрей Савченко Помилован на пожизненное заключение	24
Виктор Хват Крик у порога	31
Виктор Хассин Письмо Джоанне	52
Александр Сидоров «Литёрки»: красные пауки пожирают друг друга	59

ЗА СТЕНОЙ. МЕДИЦИНСКИЙ СПЕЦНАЗ

Алена Арманд Бурашевские	68
Владимир Пшизов Психиатрия тронулась?	72
Владимир Пшизов Виктор Файнберг	86
Владимир Пшизов Профессиональный профиль	91
Любовь Виноградова Юрий Савенко Попытка выхлостить очередной демократический закон	97

Юрий Александров Больные или преступники?	102
Валерий Абрамкин Темные игры открытого мероприятия	107
Роман Чорный Психиатрическая зачистка	113
Наталья Горбаневская Позорное наследие	117
Эммануил Гушанский Из записок судебного психиатра	130
Трибунал Фуко	137
Вердикт трибунала Фуко	149
Томас Сас Освобождение посредством притеснения	151

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
 Людмила Альперн
 Валерий Борщев
 Владимир Буковский
 Наталия Горбаневская
 Сергей Ковалев
 Нильс Кристи
 Алексей Симонов

Финансирование

Фонд Д. и К. МакАртуров

Учредитель:

Редакция журнала
 «Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
 Наум Ним

Зам. главного редактора
 Елена Ознобкина

Ответственный секретарь
 Наталия Мальхина

Макет
 Лев Михалевский

Обложка
 Василий Валериус

Верстка
 Анна Фролова

Бухгалтер
 Наталия Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Борис Пантелеев

Даст Бог, свидимся, или На все Божья воля гражданина начальника

Вот опять стал перебирать письма из зон, поток которых не уменьшается, и сразу нахлынули воспоминания. Можно подумать – зачем все это вспоминать, да еще печатать? Кому нужны чужие тюремные воспоминания, все эти мелочи и детали тюремного быта, условности, для не сидевшего непонятные, имеющие значение разве что для сидельца? Недавно один освободивший обратился. Помогите, говорит, подать «заяву» в суд на персонал ИК. Платили за работу гроши, кипятильник отобрали. Смотрю, а отбыл он 15 лет: кража, три побега. Ему бы забыть обо всем, как о кошмаре, а не в суде ворошить воспоминания. Вот и думай, мелочь это или нет, если он столько лет жил мечтой о возмездии и отобранный в тюрьме кипятильник даже на свободе не кажется мелочью.

Парфюм

Кто не знает про условия содержания в российской тюрьме, о которых только снежный человек не слышал? Да стоит только начать про безысходность, медобслуживание, питание, вымученные свидания, вши и туберкулез, перенаселенность, прослушивания даже в комнатах свиданий, продажный персонал, оцепенение в холодном карцере, про лица соседей по камере и бараку, как наваливается такая тоска, перед которой все меркнет. Все это уже ушло, это верно, но многим еще предстоит пройти через ад застенков «правового демократического» государства. Они еще не знают, что их ждет, а ждет их та же самая картина, которая стоит сейчас у меня перед глазами иногда долгими часами. Глаза, от которых жить не хочется, серые лица, много лет не видевшие солнечного света, и запах, который чувствуешь почти на ощупь, как и

Б. Пантелеев – эксперт Общероссийского общественного движения «За права человека».

дыхание собеседника. Сколько их было за долгие годы отсидки, совершенно разных и похожих, как близнецы! От всех одинаково пахло тюрьмой, запах не выветривался и долго преследовал даже после выхода за ворота тюрьмы. Запах застигал где угодно: под душем, с водой, попавшей в нос, под одеялом, натянутым на голову. Даже за обедом, когда вид блюда вдруг напоминал другое время и место «приема пищи».

Но от некоторых собеседников, кроме табачного, исходило и давно забытое одеколонное амбрэ. Запах крепкого парфюма возникал вместе с прокурорами, периодически появлявшимися в зоне, с ними же и исчезал. Больше никто в этом месте не окутывал себя подобным ароматом. Персонал, отбывавший срок вместе с зэками, одеколон не уважал и в знак солидарности с ними не пользовался без нужды – одеколон в зоне был элементом праздника. Прокуроры же не входили в число персонала. Тюремные традиции для них ничего не значили, и хотя были им хорошо известны, не соблюдались, что являлось еще одним раздражителем для зоны. Пахли все прокуроры по-разному, но не всегда хорошо. Нахальный запах парфюма давил, иногда раздражал, отвлекал и едва не заставлял дерзить, чтобы прекратить пытку общением. Получалось то, о чем писал Питер Зюскинд в своем знаменитом «Парфюмере» – запах становился самостоятельным элементом тюремного бытия. Долгими ночами я пытался понять, зачем они приходят в зону цветущими и благоухающими, но так и не понял. Стоять в костюме от Армани и раздражающе резко благоухать перед замученным, плохо вымытым человеком – верх цинизма. Может, самоутверждались?

Один, мягкотелый, нерешительный, ненавидимый всеми зэками за отсутствие мимики на лице, на котором не отражалось ничего из того, что кто-то хотел увидеть в ответ. Он выслушивал жалобы, делал над собой видимое усилие, собираясь записать в блокнот, но тотчас менял решение и выражение лица, услышав смехок начальника зоны. Да-да, он все понимал, конечно, как и начальник: это зэк пытался его обмануть. И неторопливо уходил вдаль – блюсти закон.

Другой томно вздыхал, наклоняя голову с бородой, как у терьера. Вежливо произносил имя и отчество зэка, наклонялся, словно обнюхивал и, ласково глядя в его глаза (только что хвостом не вилял, будто сука), говорил нараспев, как батюшка. Обращался в конце встречи в клубе к зэкам: «Ну, даст Бог, мы еще свидимся». Или, на мой вопрос, дадут ли мотивированный ответ на жалобу о неправомерных действиях администрации, отвечал: «На все Божья воля». И принципиально ничего не менял.

Предъявы

«В связи с вышеизложенным прошу Вас принять меры прокурорского реагирования для предотвращения подобных нарушений в дальнейшем...»

Его помощник встретил меня как-то необычно для этой публики и с порога завопил: «Да ты нас, Пантелеев, совсем за...л своими жалобами, сколько можно п...еть» и сказал что-то ласковое про мою мать, которую, видимо, знал, но это вряд ли. «Сколько нужно, столько и можно, господин прокурор», произнес я про себя. Впрочем, сказал я это уже потом, когда обмусоливал каждую фразу того разговора, лежа на шконке, и – «остроумие на лестнице» – блистал ораторским мастерством, заочно полемизируя с этими людьми, чьи прокурорские лица, в конце концов, слились в одно, напоминающее лицо их Генерального прокурора, которого я видел как-то по ТВ не то в бане, не то в кабинете, напоминающем баню. Но встречались и тонкие натуры. Бывший спецпрокурор по надзору в Санкт-Петербурге Виталий Козяков однажды и вовсе ошалел от происходящего в зоне. Больше всего его поразило, когда он узнал от меня, что в ИК-5 (пос. Металлострой Ленинградской области) тюремный священник, отец Владимир, осененный чем-то свыше, заявил эзкам, что, мол, «кто не будет верить в Бога – отправится на этап». Впечатлительный прокурор долго смотрел то на меня, то в небо, потом кивнул: «Режим – штука тонкая». И опять долго смотрел в небо, так и забыв ответить на мой вопрос. Впрочем, мне и комментария хватило.

Вот так я разговаривал с прокурорами часто и подолгу, о чем они и не подозревали, забывая мои жалобы сразу после отписки по инстанции. Что все, мол, разобрались, но ничего не подтвердилось, естественно. Далась мне эта власть и справедливость, будь она неладна! Оставляю эту тему, чтобы не сойти с ума от бессилия.

Традиционный текст и традиционная надежда на меры «прокурорского реагирования» неизменно сопутствуют друг другу. Ты пишешь, тебе отвечают, отвечают по-разному. Чаще письменно, выждав положенный месяц, день в день. Подозреваю – им и в голову не приходит, что можно ответить раньше. Иногда ответ приходит в виде «неприятностей». Лагерная жизнь скучна и однообразна для непосвященных, но прокурор-то знает, что для обитателей зоны жизнь наполнена глубоким смыслом и постоянной борьбой за существование. Опасности организуются – со знанием дела – силами блатных, которые наряду с активистами, по существу, «держат» зону.

Зовут меня однажды на сходняк воровской. В президиуме некто Рекс (нормальный ход – у смотрящего зоны кличка милицейской овчарки),

Ваган, Ватсон. Началось с порога: «Ходят слухи, что ты обиженный». Следующие полтора часа «правилки» продолжались в таком же абсурдистско-бредовом стиле. Невооруженным взглядом было видно, как раздражает «правильных пацанов» мой спокойный тон, раскованная поза, железная логика. Закончилось все пошло: «Почему ты нас не курсуешь перед отправкой жалоб?» Вот уж действительно – чума на оба ваши дома. Роль блатных в деле поддержания в колонии «людского, человеческого» вполне очевидна. Например, в беседе с заместителем начальника колонии Едоговым И. И. слышу о том, что он мог бы «надавить» на меня, но делать этого (очевидно, из побуждений «благородного опера») не хочет. По возвращении же из штаба меня уже поджидала полублатная «шестерка», проводившая к очередному воровскому синклиту во главе с новым «авторитетом» Баржей (он же Булимия – из-за своей всепоглощающей страсти пожрать). И опять суровым голосом, не скрывая раздражения, мне, «красному» (!) стали «кидать предъявки» о том, почему я не согласовываю отправку жалоб на администрацию с ними, «смотрящими»: и подсматривающими. Вновь начались угрозы – глупые и примитивные. Баржу по освобождению «подтянули к себе» мурманские блатняки - отметить его выход из неволи. Безо всякого злорадства замечу – после этой отвальной Баржа умер.

Утонченная натура

Нет ни минуты, когда бы ты мог расслабиться и перевести дух, режим устроен так, что зэк всегда должен быть начеку. Воспитатели ищут новые формы воздействия, им надо, чтобы зэк стал на путь исправления, поэтому и шлифуют методологию, может быть, и кандидатские защищают, а почему бы и нет? Доктор Менгеле вон в таких же лагерях за время войны так продвинул науку на никем не учитываемом человеческом материале, что никто его до сих пор переплюнуть не может. Глядя на лагерных человеков в белых халатах, я иногда думаю, что они могли бы и его за пояс заткнуть, если бы не чрезмерная скромность, не позволяющая эскулапам печатать наблюдения о своих опытах и методах на людях в российских ИК, ПКТ, ЕПКТ, СУСах, тюрьмах закрытого типа и, наконец, СИЗО, этой уникальной камере пыток, в сравнении с которой прославившаяся на весь мир багдадская тюрьма «Абу-Граиб» – жалкая пародия на жестокость. Про штрафные изоляторы даже говорить не хочется. Что мои слова? Вот если бы заговорили стенки ШИЗО, люди бы ужаснулись человеческой жестокости и беспомощности. В ШИЗО всегда отправляли от бессилия. За что? Глупый вопрос. За все! Сам сидел в каменном мешке. Однажды – за то, что назвал надзирате-

ля его кликухой, полагая, что это и есть его фамилия. И дали-то всего трое суток. Второе водворение на кичу было уже на полную катушку за «необоснованную клевету» (как будто бывает клевета обоснованная?!). Смешно и грустно было видеть, как толпа офицеров специально пошла вместе с ДПНК, смотреть – с чувством глубокого удовлетворения, – как я перед водворением в камеру, раздевшись догола, приседаю. Надо ли говорить, как я, не собираясь спорить о незаконности такой новации, старался остаться в их памяти. Сложная эта вещь – физические наказания.

Но объективности ради замечу – прокурор Сотников после многочисленных моих заявлений отменил это распоряжение как незаконное – пятнашку я отсидел лишь наполовину. Непонятно, почему не отменил сразу. Впрочем, может, консультировался с кем, не все же знают и прокуроры. Тем более, что я всегда требовал извинений и компенсаций. На запрос Андрея Бабушкина мурманские надзиратели нам ответили, что компенсация и письменные извинения за незаконное водворение в ШИЗО законом не предусмотрены. А вообще-то в зонах Кольского полуострова мурманское око государево зовут не иначе как «стаканно-банные друзья». Наверно, именно там, в бане, придумываются и осуществляются акции устрашения, когда все в пару и ничего не видно.

Как-то у ярого борца с преступностью Сергея Задкова (сейчас тюрьма его потеряла, а может, направила на участок с более сложным контингентом – начальником охраны в один из питерских банков) я спросил: «Омоновцы избивают подследственных для профилактики?» – «Ну, что Вы, Борис Еремеевич, не нами это придумано, еще Маркс говорил: БИТИЕ определяет сознание». Вот такая утонченная натура (на столе – томик Марины Цветаевой, «Избранное»), претворяющая и сочетающая в тюремной практике диалектический материализм и провозглашенный Россией курс на гуманизацию пенитенциарной системы, большой знаток ее проблем и пороков общества.

А что в результате?

Маски-шоу

«Опыты показали, что если сороконожке связать половину ног, она слышит команды и двигается. Если связать все ноги, она не двигается. Вывод: если сороконожке связать все сорок ног, она перестает слышать» (из реферата студента).

Прокуроры в вузах учились, поэтому выводы умеют делать тоже. Напишешь, что кинофильмов не показывают, и ты, мол, в зоне ждешь реакции на это нарушение. Через положенный срок придет ответ, где

будет описан результат положительной реакции – разъяснение: оказывается, зря Вы, имярек, наезжали на администрацию – просто не переводят ей денег на культурное обслуживание. И невдомек недотепе-прокурору: ему-то и надо трясти федеральное казначейство, чтобы деньги в регионы поступали в полном объеме.

Литература должна быть признательна прокурорам за новый эпистолярный жанр – разъяснение. Благодаря прокурорам разъясняется все, они так увлеклись сочинением разъяснений, что на все остальное времени уже не остается. Поэтому практически все сферы жизни общества остались без надзора. Результат налицо. В стране свирепствует беззаконие.

В 1993-м указом № 1400 распустили советы, в стране началось – или усугубилось, как кому видится, – бесправие, а уж тут, в закрытой от всех зоне, и говорить нечего. Но все же некая видимость правовых процедур была. Вот тюремную тишину нарушает топот многих ног, но в коридоре питерского следственного изолятора № 4 (СПб, ул. Лебедева, 39) появляется только врач, психиатр по специальности (кличка «Психопидор») Деляков. Постучав по полу ботинками спецназа, надсаживаясь, орет сразу всем: «На галерку... бегом... живее, суки...» Крик бьет по нервам, ээки выскакивают из камер и попадают в окружение молчаливых людей в масках. Те сразу не бьют, сначала строят, приказывают раздвинуть ноги, назвать статью, а то и быстро сказать, за что сидишь. Это уж после вопросов следует реакция: «Ах, ты грабитель? На, получай! А ты что, ноги раздвинуть не можешь? На, держи... А-а-а, ты машину украл? Не у меня ли? На тебе за частную собственность!».

Получали все. Доставалось и мне. При этом спецназовцы кричали, что я – стукач (раз пишу на них жалобы, значит, стучу). Иногда маски входили в раж или их выводили из себя крики арестантов, и тогда били вообще чем попадая, перекидывая людей от одного к другому. Собственно, и перекидывать-то было не нужно – люди сами шарахались от каждой маски и почти летали по коридору. После этой медицинской процедуры, возможно профилактической, врач обходил камеры и спрашивал, есть ли жалобы на здоровье. Жалоб не было – все отдыхали после интенсивной терапии и общего массажа, молча, ощупывая себя в поисках повреждений. Ну не отвлекать же медицинское светило такими мелочами? Признаюсь, я зауважал себя, когда получил из прокуратуры ответ на свою жалобу по избиениям. Ну, конечно, в ней говорилось, что никакого массового мордобоя прокуратуры установить не смогли, то есть его не было. Но самое интересное – в другом. Оказывается, меня избивали до потери сознания за то, что я (цитирую дослов-

но) «бросился на сотрудников спецназа с кулаками, нецензурно выражался, на делающиеся ему замечания реагировал неправильно». Вот такой вот я оказался супермен!

Когда находишься в таком вот «круге», смотреть по сторонам некогда, да и какой в этом смысл? Но однажды, в том месте, где сходятся галерки, у корпусной, удалось подсмотреть ту же картину со стороны. И оказалось, что Шекспир прав, говоря, что «жизнь – это театр»: за экзекуцией наблюдали милые существа в форменных юбках, специально приехавшие для наблюдения за этой процедурой из своих кабинетов в управлении УИН на Захарьевской, 14. Они щелкали семечки и весело комментировали происходящее. Вероятно, наблюдали, чтобы не было нарушений законности, а может, женихов себе присматривали среди «настоящих воинов» в масках.

Рука Всевышнего Отечество спасла

Представляете, господа, часто мыться вредно. Но кто про это знал, пока нач. нашего отряда Чернов не поделился знаниями физиологии, иначе бы зэки так и мылись каждый день. Да, Бог в его лице нас спас. Вообще, Всевышнего в лагере вспоминают часто. Прокурор, обронивший однажды, прощаясь, свое упование на Господа увидеться еще, наверно, и не представлял, сколько людей мечтает о такой встрече много лет и после выхода из тюрьмы: В лагере после этих встреч всегда хотелось хорошенько вымыться, иначе оставалось неприятное ощущение чего-то липкого, как от прикосновения слизняка. Не буду злым, устал от всего этого. Дай, Господи, этому прокурору всего, чего он хочет, за то, что он для нас хотел сделать, но не смог по своей немощи, трусости и профессиональной непригодности. К счастью, не мог. А если б смог, да с его патологической жестокостью, ужесточил бы, наверно, правила так, что и воздух шел бы по пайке.

Или отпуска бы отменил. Мало того, что только в России родственники, которых во всем мире с радостью, как лекарство, приветствуют в тюрьмах, попадают на свидания раз в полгода или месяц, если нет к тому противопоказаний, вроде замечаний по режиму. Кстати, если у зэка появилось замечание, которое получить проще некуда, то, получается, лишаются свидания и родственники, которых уж точно наказывать не имеют права. Нет бы разрешили им через стекло посмотреть на арестанта, так сказать, в одностороннем порядке. Получается, что в отпуск даже по закону не съездишь. Боятся побега. Да и денег – ловить по России заключенных – в колонии нет, не предусмотрены на этот случай.

А вдруг бы добился прокурор, чтобы эски могли ездить в отпуск, как предусмотрено законом. Надавил бы по-своему, по-прокурорски, на законодателей, чтобы не обязывали начальников колоний ловить не вернувшихся из отпуска за счет учреждения, что почти автоматически отбивает охоту у любого из них отпускать заключенных в положенный отпуск только из опасения их невозвращения. А может, этот прокурор подумал бы о том, что здоровых мужчин оставлять без всякой работы себе дороже. И стал «бомбить» начальство всех уровней, как старый российский интеллигент, призывая заменить тюрьму отбыванием наказания на месте, может быть на общественных работах, но среди нормальных людей. А может быть, стал бы вникать во все жалобы, чем озадачил начальников всех уровней и заставил их бежать впереди паровоза, то есть до прихода прокурора в лагерь.

О эске обычном замолвите слово

Сколько раз я представлял картину приезда прокуроров в зону! Как они открывали двери камер и слушали эсков, глядя на съжившегося начальника колонии, который уже видел себя в тюремной робе. Иногда во сне их, беспомощных, заменял сам Петр, который решительно садился посреди плаца и заставлял каждого – от убийцы до начальника ИК – по очереди подходить к нему. Никто не слышал, о чем с каждым говорил самодержец, и в этом был свой смысл – никто не мог сказать ничего худого про соседа-«доносчика». Потом следовало справедливое возмездие. И это были хорошие сны, здорово укреплявшие нервную систему, которая, как ни странно, еще кое-где просвечивала в теле арестанта.

Иногда становится жалко всех, даже надзирателей, отбывающих пожизненный срок в бесконечных тюремных коридорах. Нередко таких же бесправных, как эски. Эпопея с подписанием моего заявления о предоставлении мне телефонного звонка Президенту Всея Руси в рамках ежегодного телешоу закончилась наложением на него резолюции: «Разговор с Президентом РФ разрешаю. Начальник колонии Перепечин». Ну, естественно, то на вахте не было света (!?), то вывести меня из локалки было некому. А на третью безуспешную попытку поговорить по душам с Владимиром Владимировичем ДПНК (таксофон стоял на КПП) мне ответил – дословно – следующее: «Ну дам я тебе позвонить, а после этого меня посадят?» Я отступил – не сажать же человека.

Скажу вещь, наверное, циничную, но кого в век цинизма можно чем-нибудь удивить? Когда арестовывают какого-нибудь высокого фигу-

ранта, это, наверное, полезно для общества. Ведь таким образом все больше и его (общества) внимание, и внимание государства приковывается к проблемам тюрьмы и заключения. Вот кидали меня по камерам в этой проклятой «Лебедевке». За три года – около двух десятков камер сменил. И никому до этого дела не было, самому приходилось отбрыкиваться. А незаконный перевод в общую камеру М. Ходорковского вызвал бурю протестов, и теперь все общество знает, что есть, оказывается, даже в тюрьме какие-то правила, нарушаемые не очень сознательной администрацией.

А сколько безвестных людей мыкаются и терпят беспредел тюремного персонала (сам видел человека, сменившего за месяц 40 (!) камер), понимая, что никто им не поможет! Подобная избирательность в деле защиты прав человека нелогична и неправильна. Того же МБХ хотели однажды запихнуть в карцер лишь за то, что нашли в камере самодельный ножичек, явно предназначенный для хлеба и сала. И вновь продвинутая общественность трубит во все трубы и бьет во все барабаны по поводу циничной лукавости властей. И правильно делает. Ведь положенные столовые ножи администрация в камеры не выдает, провоцируя эзков на нарушение режима. Но почему никто не озаботился подобной проблемой не известного никому осужденного Дебнева, которому отрядник, из личной неприязни, зарубил УДО, отобрал у него маленький, гнущийся ножичек с затупленным концом?! Впоследствии его все же по УДО отпустили, но старушка-мать умерла в пустой квартире, на несколько месяцев не дождавшись сына.

А сколько голодовок объявляется в зонах, сколько вен и животов вскрывается от отчаяния хоть как-то привлечь к себе внимание! Правда, стоящая на страже закона или чего-то еще Прокуратура этого не замечает, но это уже другой вопрос. Двойные стандарты в нашем обществе прижились и уже не замечаются.

Поэтому будем помнить – в тюрьму можно попасть не по делам, но странными путями Провидения. А желание гражданина начальника там по-прежнему выдается за волю Божью...

**Число зарегистрированных преступлений
в январе – августе 2005 года
(по данным МВД РФ)**

	<i>Январь – август 2005 г.</i>	<i>В % к январю – августу 2004 г.</i>
Российская Федерация	2 272 742	119,4
Центральный федеральный округ	508 946	115,3
Белгородская область	17 141	131,1
Брянская область	20 635	130,2
Владимирская область	23 741	113,4
Воронежская область	29 392	114,9
Ивановская область	17 577	111,0
Калужская область	17 558	126,0
Костромская область	11 357	107,4
Курская область	17 899	120,3
Липецкая область	12 615	138,0
Московская область	75 260	126,2
Орловская область	11 910	105,8
Рязанская область	11 319	152,9
Смоленская область	18 594	125,3
Тамбовская область	14 760	135,4
Тверская область	25 744	138,5
Тульская область	13 760	108,6
Ярославская область	29 485	127,3
г. Москва	140 199	97,9
Северо-Западный ФО	209 909	118,1
Республика Карелия	9883	97,3
Республика Коми	20 280	114,5
Архангельская область	20 400	113,2
в том числе Ненецкий авт. округ	569	111,4
Вологодская область	24 796	114,0
Калининградская область	15 347	97,3
Ленинградская область	23 187	115,2
Мурманская область	11 272	120,7
Новгородская область	9710	120,3
Псковская область	12 391	115,2
г. Санкт-Петербург	62 643	136,1

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

	<i>Январь – август 2005 г.</i>	<i>В % к январю – августу 2004 г.</i>
Южный ФО	221 455	113,6
Республика Адыгея	4199	112,1
Республика Дагестан	9535	119,6
Республика Ингушетия	1122	107,6
Кабардино-Балкарская Республика	6626	122,2
Республика Калмыкия	3883	122,5
Карачаево-Черкесская Республика	4435	117,7
Республика Северная Осетия – Алания	4852	128,3
Чеченская Республика	4443	111,2
Краснодарский край	41 944	110,7
Ставропольский край	32 989	111,3
Астраханская область	19 863	114,6
Волгоградская область	35 034	110,8
Ростовская область	52 530	115,3
Приволжский ФО	498 094	128,2
Республика Башкортостан	53 220	135,3
Республика Марий Эл	14 627	135,9
Республика Мордовия	10 904	122,9
Республика Татарстан	53 762	127,3
Удмуртская Республика	33 270	140,4
Чувашская Республика	21 051	134,3
Кировская область	25 055	117,3
Нижегородская область	61 370	132,3
Оренбургская область	32 294	129,7
Пензенская область	15 024	109,2
Пермская область	76 250	125,0
в том числе Коми-Пермяцкий авт. округ	2853	126,1
Самарская область	51 900	131,9
Саратовская область	32 115	114,1
Ульяновская область	17 252	133,5
Уральский ФО	260 831	123,7
Курганская область	24 926	125,2
Свердловская область	95 872	126,7
Тюменская область	78 374	124,0
в том числе: Ханты-Мансийский авт. округ	33 877	120,8
Ямало-Ненецкий авт. округ	8304	130,1
Челябинская область	61 659	118,5

	<i>Январь – август 2005 г.</i>	<i>В % к январю – августу 2004 г.</i>
Сибирский ФО	364 497	118,8
Республика Алтай	3553	111,1
Республика Бурятия	19 784	117,9
Республика Тыва	6797	112,9
Республика Хакасия	12 476	127,5
Алтайский край	46 782	121,0
Красноярский край	49 313	114,5
в том числе: Таймырский (Долгано-Ненецкий) авт. округ	454	102,3
Эвенкийский авт. округ	393	112,9
Иркутская область	57 675	128,4
в том числе Усть-Ордынский Бурятский авт. округ	2104	114,6
Кемеровская область	34 616	108,5
Новосибирская область	56 367	124,2
Омская область	34 342	111,6
Томская область	20 646	111,9
Читинская область	22 146	124,8
в том числе Агинский Бурятский авт.округ	879	125,2
Дальневосточный ФО	121 032	117,7
Республика Саха (Якутия)	11 765	113,9
Приморский край	38 306	124,6
Хабаровский край	33 410	114,2
Амурская область	14 749	128,7
Камчатская область	6427	123,4
в том числе Корякский авт. округ	263	134,2
Магаданская область	3059	115,6
Сахалинская область	9066	102,8
Еврейская авт. область	3653	93,9
Чукотский авт. округ	597	117,8

**Преступность в России
1992–2004**

**Число зарегистрированных преступлений
(тыс.)**

	1992	1995	2000	2001	2002	2003	2004
Зарегистрировано преступлений – всего	2761	2756	2952	2968	2526	2756	2894
в том числе:							
убийство и покушение на убийство	23,0	31,7	31,8	33,6	32,3	31,6	31,6
умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	53,9	61,7	49,8	55,7	58,5	57,1	57,4
изнасилование и покушение на изнасилование	13,7	12,5	7,9	8,2	8,1	8,1	8,8
разбой	30,4	37,7	39,4	44,8	47,1	48,7	55,4
грабеж	165	141	132	149	167	198	251
кража	1651	1368	1310	1273	927	1151	1277
преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков	29,8	79,9	244	242	190	182	150
нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств	90,1	50,0	52,7	54,5	56,8	53,6	26,5
из них повлекшие по неосторожности смерть человека	17,5	14,4	15,4	15,5	16,1	17,6	16,0

**Состав лиц, совершивших преступления,
по полу, возрасту и виду занятий
(тыс. человек)**

	1992	1995	2000	2001	2002	2003	2004
Выявлено лиц, совершивших преступления	1149	1596	1741	1644	1258	1237	1223
в том числе:							
по полу:							
мужчины	1018	1358	1457	1365	1035	1031	1059
женщины	131	238	284	279	223	206	163
по возрасту во время совершения преступления лет:							
14–15	59,3	69,2	49,3	51,9	40,1	43,2	46,0
16–17	129	139	129	121	100	102	106
18–24	252	363	465	441	348	359	348
25–29	186	231	289	273	199	200	202
30–49 ¹	523	792	676	625	463	436	425
50 и старше	...	...	133	132	108	96,1	96,3
по занятию на момент совершения преступления:							
рабочие	546	502	451	426	335	322	258
работники сельского хозяйства ²	55,1	20,8	30,4	24,6	13,9	12,4	11,3
служащие	60,5	59,6	64,8	61,3	65,1	57,2	53,5
учащиеся	104	91,1	101	94,3	77,7	82,0	85,8
лица без постоянного источника дохода	294	721	954	906	658	664	719
из них безработные	...	73,2	91,4	85,8	63,3	65,9	73,1

¹ До 2000 г. – 30 лет и старше.

² До 2000 г. – колхозники.

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Распределение осужденных по основным мерам наказания, назначенным судами (в процентах к итогу)

	1992	1995	2000	2001	2002	2003	2004
Осуждено – всего	100	100	100	100	100	100	100
в том числе:							
к лишению свободы	34,2	34,5	29,9	29,5	31,0	32,5	32,5
к исправительным работам без лишения свободы	18,3	8,9	4,3	5,0	5,1	5,2	4,6
к условному осуждению к лишению свободы и к иным мерам наказания	11,2	21,5	45,9	54,9	54,5	55,0	52,4
к штрафу	9,5	11,4	5,3	6,0	6,1	6,5	9,9
к другим мерам наказания	6,5	5,5	14,6	4,6	3,3	0,8	0,6

Состав осужденных (в процентах)

	1992	1995	2000	2001	2002	2003	2004
Осуждено – всего	100	100	100	100	100	100	100
из них в возрасте, лет:							
14–17	13,8	11,2	12,6	11,5	10,3	6,8	12,3
18–24	23,6	24,0	31,3	30,6	31,6	23,8	30,2
25–29	17,7	15,6	16,3	16,6	16,8	14,8	17,1
30–49	39,5	43,3	34,9	36,0	35,8	43,2	34,5
50 и старше	5,4	5,9	4,9	5,3	5,5	11,4	5,9
Из общей численности осужденных:							
женщины	7,2	11,7	13,0	13,7	13,0	12,7	12,9
ранее судимые ¹	38,8	33,5	35,0	36,0	37,8	23,9	25,9
трудоспособные лица без определенных занятий	26,1	44,0	50,1	50,5	49,5	51,1	55,3

Учиться и в тюрьме не поздно

Можно ли во время отсидки получить среднее, а то и высшее образование? И что для этого нужно сделать? Оказывается, ничего особенного.

Законодательством (ст. 112 УИК РФ) предусмотрено, что в исправительных учреждениях организуется обязательное получение осужденными, не достигшими возраста 30 лет, основного общего образования. Осужденным, желающим продолжить обучение в целях получения среднего (полного) общего образования, администрацией исправительного учреждения и соответствующими органами местного самоуправления создаются необходимые условия. Таким образом, даже если кто-то и не желает учиться, его заставят и складывать «дважды два» научат. От этой повинности могут быть освобождены только осужденные старше 30 лет и осужденные, являющиеся инвалидами первой или второй группы. Эти лица получают основное общее или среднее (полное) общее образование по их желанию.

Но не только общее среднее образование можно получить в колонии. Согласно ст. 108 УИК РФ, в исправительных учреждениях организуются и обязательное начальное профессиональное образование или профессиональная подготовка осужденных к лишению свободы, не имеющих профессии (специальности), по которой осужденный может работать в исправительном учреждении и после освобождения из него. Некоторые категории осужденных (осужденные, являющиеся инвалидами первой или второй группы, осужденные мужчины старше 60 лет и осужденные женщины старше 55 лет) профессиональную подготовку могут получить, как и в случае со средним образованием, только по их желанию. Получение профессии осужденными на нынешнем этапе становится одной из важнейших задач воспитательных отделов ИК (ВК) уже хотя бы потому, что число осужденных, поступающих в места лишения свободы и не имеющих вообще никакой профессии или специ-

альности, постоянно растет. По данным ФСИН количество осужденных, не имеющих специальности, составляет 10,4 % от их численности.

Помочь осужденному получить профессию является важной социальной задачей. Без профессии и, как результат, без работы освободившийся из мест заключения быстро теряет социальные ориентиры и способность адаптироваться к жизни на свободе.

Необходимо отметить, что такая забота со стороны государства вовсе не является чем-то исключительным. Подобные нормы, регламентирующие получение заключенными образования (по крайней мере начального), существуют практически во всех европейских (и не только европейских) странах.

Да и международные документы требуют того же. Например, Европейскими пенитенциарными правилами прямо предусмотрено, что в каждом месте лишения свободы разрабатывается и осуществляется разносторонняя программа обучения. Считается, что возможность получения заключенными образования будет способствовать улучшению перспектив на их успешную социальную реабилитацию, поддержание в них силы духа и повышения их уважения к самим себе.

Трудно с этим не согласиться. Ведь действительно, кто будет более конкурентоспособен на рынке труда: человек, не умеющий писать, или человек грамотный? Вопрос, безусловно, риторический. Поэтому получение российскими осужденными образования способствует не только их ресоциализации во время отбывания наказания, но и создает определенные предпосылки для более успешной адаптации к жизни на свободе.

Таким образом, как оказывается, получить среднее или профессиональное образование во время отбывания наказания несложно. Было бы, как говорится, желание. Более проблематично получить образование высшее. Но и здесь произошли определенные подвижки. В 2001 году в Уголовно-исполнительный кодекс было внесено дополнение, согласно которому администрация исправительного учреждения, с учетом имеющихся возможностей, должна создавать условия для получения осужденными высшего профессионального образования.

Почему «с учетом имеющихся возможностей»? Да потому, что, действительно, не во всех колониях получение высшего образования можно организовать. Одно дело, если колония расположена в крупном городе, и другое – если это лесная колония, куда достаточно сложно добраться не только преподавателям, но порой даже прокурору. И все же с постепенным развитием дистанционного высшего образования, думается, и этот пробел будет постепенно устранен.

В исправительных учреждениях пенитенциарной системы России имеется 291 вечерняя (сменная) общеобразовательная школа и 220 учебно-консультационных пунктов, в которых одновременно обучаются 61,5 тыс. осужденных. Кроме того, в 67 следственных изоляторах организовано общеобразовательное обучение несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. А более 80 тысяч осужденных получают различные профессии в 338 профессиональных училищах и в 152 их филиалах.

В настоящий момент почти полторы тысячи осужденных на договорной основе получают образование в высших и средних учебных заведениях. Такая практика распространена уже в 65 субъектах Российской Федерации.

Осужденные предпочитают получать образование по следующим специальностям: юриспруденция, экономика, менеджмент, маркетинг, социология и т.д. Наиболее популярна, конечно же, специальность «юриспруденция».

Безусловно, получение диплома юриста, равно как и психолога и социального работника, вовсе не гарантирует того, что по отбытии наказания освободившийся сможет устроиться работать по полученной специальности. Вряд ли какое-либо адвокатское бюро поспешит принять в свои ряды бывшего зэка. Или взять, например, специальность «социальный работник». Те же исправительные учреждения, например, весьма нуждаются в специалистах этого профиля. Но кто возьмет на себя смелость принять на работу в колонию бывшего зэка, да еще на должность, связанную с ежедневным общением с осужденными? Это все равно что принять на работу в качестве завскладом человека, пару лет назад осужденного за хищение из этого же склада. Поэтому проблемы с трудоустройством все равно возникать будут. Например, из 214 осужденных женщин из ИК-5 г. Можайска, закончивших Московский государственный социальный университет, после отбытия наказания по специальности работает только 16!

Тем не менее говорить о том, что такое обучение бессмысленно и бесполезно, нельзя уже хотя бы потому, что, как свидетельствует статистика, люди, имеющие высшее образование, реже совершают уголовно наказуемые деяния. Немаловажен и тот факт, что рецидив среди лиц, получивших во время отбывания наказания высшее образование, как свидетельствует та же статистика, более чем в 5 раз ниже, чем у осужденных, не обучавшихся в вузах.

Для того чтобы предприятия и учреждения различных форм собственности с большей охотой принимали на работу бывших осужденных, необ-

ходимо по примеру многих западных стран законодательно закрепить для таких предприятий и учреждений льготы по налогообложению.

Тюремные воспитатели и психологи небезосновательно утверждают, что заочное и дистанционное обучение осужденных в вузах и техникумах способствует улучшению среди них дисциплины, а стремление к получению знаний является одним из важнейших условий повышения их адаптационных способностей.

По состоянию на конец 2004 года высшее образование осужденные получали в 63 вузах и 29 средних профессиональных образовательных учреждениях (техникумы, колледжи, лицеи).

Так, в Современной гуманитарной академии и ее филиалах обучается более 460 осужденных, отбывающих наказание в ИК Красноярского и Хабаровского краев, Курской, Пензенской, Ульяновской и ряда других областей. В Северо-Западном заочном техническом университете учится более 80 осужденных, в Московском государственном социальном университете – более 70 человек и т.д.

А буквально на днях поступить в вуз смогли и несколько вологодских осужденных. В поселке Шексна очередной свой филиал открыла Современная гуманитарная академия.

Таким образом, «процесс пошел». Задача, стоящая перед ФСИН, – помочь осужденным поверить в свои способности приобрести знания и стать более приспособленными к жизни на свободе. И получение среднего и высшего образования – один из методов решения этой задачи. И даже если из ста человек, получивших высшее или среднее специальное образование во время отбывания наказания, по специальности смогут работать только десять, это уже хорошо.

Десять вузов, в которых обучается наибольшее число осужденных*

№№	Наименование вуза	Кол-во обучающихся осужденных
1	Современная гуманитарная академия (Москва)	461
2	Московский инженерно-физический институт	149
3	Московский государственный социальный университет	134
4	Северо-Западный заочный технический университет (Санкт-Петербург)	86
5	Владивостокский государственный университет экономики и сервиса	27
6	Уральский институт социального образования (Екатеринбург)	27
7	Амурский государственный университет (Благовещенск)	20
8	Российский финансово-экономический институт (Москва)	20
9	Международный восточноевропейский университет (Ижевск)	11
10	Саратовский социально-экономический университет	11

Десять средних профессиональных образовательных учреждений, в которых обучается наибольшее число осужденных**

№№	Наименование вуза	Кол-во обучающихся осужденных
1	Калининградский технический колледж	20
2	Саратовский индустриально-педагогический колледж	47
3	Уральский государственный колледж им. Ползунова (Свердловская обл.)	20
4	Рыбинский сельскохозяйственный техникум (Красноярский край)	9
5	Краснодарский кооперативный техникум	8
6	Краснодарский гуманитарно-технологический колледж	20
7	Красноярский строительный техникум	17
8	Каменск-Уральский экономический техникум (Свердловская обл.)	5
9	Европейская школа корреспондентского обучения (ЕШКО)	8
10	Образовательный центр им. Кирсанова Тамбовского университета	8

* По состоянию на 1 августа 2004 г.

** По состоянию на 1 августа 2004 г.

Андрей Савченко

Помилован на пожизненное заключение

В мае 1998 года В.Ф. Абрамкин предложил мне сотрудничество в Центре «Содействие». Начал я свою деятельность с недоверием к ней и к самому себе. Мне надо было читать письма заключенных и отвечать на них. Но это не обмен письмами в обычном смысле этого слова. За семь с небольшим лет переписки я написал около семи тысяч писем и ни разу не послал одинокого письма в ответ (даже родственникам осужденных) – всегда мое письмо сопровождали какие-то материалы, на худой конец, когда совсем ничего подходящего не было под рукой, посылал листы чистой бумаги, дефицит которой, как я вскоре узнал, обитатели колоний тоже постоянно ощущают.

Через несколько месяцев общения с письмами (и людьми, стоящими за ними) я увидел, что много в нашей тюрьме сидит людей, которые оступились, но, пожалуй, не меньше таких, которых в нее столкнули. Говорят, что процент судебных ошибок составляет в среднем 5–10%, по российским меркам это десятки и даже сотни тысяч людей, многие из которых готовятся выйти на волю и отомстить кому-то, пока еще неясному. Иногда они пишут об этом прямым текстом.

Эта грустная статистика распространяется и на казненных, и на пожизненно заключенных. Можно уверенно предположить, что среди заключенных навечно в тюрьму 150–200 чел. по законам РФ такого наказания не заслужили. Но в целом у государства такой подход: ну, ошибся суд, но это же не смертельно, а если и смертельно, ну, так не для всех же!

Среди тех, кто писал и пишет мне письма, особую категорию составляют люди, приговоренные к пожизненному заключению, или те, кому высшая мера наказания – смертная казнь – была заменена на пожизненное заключение – род помилования. Не на волю, но все же

на жизнь. Они составляют около 0,2% от общего числа заключенных в РФ, а среди писем, полученных мною за семь лет, примерно – 8% от пожизненно заключенных. Можно так сказать, что осужденные на пожизненное заключение примерно в сорок (!) раз больше интересуются этой перепиской, чем «средний российский зэк», хотя шансов получить от нашего Центра реальную помощь у них гораздо меньше именно потому, что они особые, для них даже статьи в Уголовно-исполнительном кодексе специально и отдельно прописаны (№ 126 и № 127).

Всего за семь лет я получил около шестисот писем примерно от ста человек из тех, которые называют себя «пыжиками». Кто-то написал одно письмо, а есть такие, кто и по 40–45 писем. Некоторые пишут мне на протяжении всех этих семи лет. Дело еще и в том, что они никуда особо не торопятся и не думают, что будут делать на свободе.

Пишут они о разном: просят о материальной помощи, просят юридические материалы (Постановление Верховного Суда такое-то, Определение Конституционного Суда сякое-то, комментарии к статье такой-то, сведения о Европейском суде и т.п.), с помощью которых обращаются во все возможные официальные места, надеясь все же на то, что кто-то и когда-то посмотрит их дело и увидит там сплошные нарушения УПК и УК. Кроме того, в своих письмах они расспрашивают буквально обо всем, рассказывают о себе, некоторые просто хотят поддерживать переписку, поскольку она помогает им упорствовать в жизни. Многие из них уверовали в Бога, к чему и меня призывают. Есть такой специальный журнальчик «Евангелие за колючей проволокой», почти половина его корреспондентов – пожизненно заключенные.

И увидел я уже не на статистическом материале, но по письмам живых людей, что среди узников этих есть люди, которые сидят с нарушением уголовного закона, а есть и вовсе невиновные. И нет у меня оснований не верить их словам. (А ведь нередко приходится слышать от знакомых: «Они тебе понапишут!»)

Большинство из тех, кто мне пишет, описывали свои уголовные деяния и по собственной инициативе, и по моей просьбе; среди моих корреспондентов есть даже известный маньяк, о котором я случайно как-то увидел документальный фильм по ТВ.

Всем «заинтересованным лицам», наверное, известен памятный и поразительный пример с С. Михайловым, который был в середине 90-х годов «пойман» в городе Вельске, что в Архангельской области, поскольку милиции нужно было срочно раскрыть изнасилование и убийство девочки.

Следствие налетело на единственную версию, как на стену, дальше не пошло. Михайлова пытали и заставили подписать самооговор.

Михайлов, которому едва минуло двадцать лет и который боялся погибнуть до суда, на предварительном следствии, думал, что суд разберется... Михайлова спасло то, что у нас не расстреливают пока еще на месте, как рекомендуют некоторые представители некоторых законодательных органов. И второе – пока он дожидался окончательного решения, бумаги ходили и ездили в Москву и обратно, в Вельске произошло точно такое же изнасилование и убийство девочки и даже в том же самом месте. Здоровые люди, в том числе из местной прессы, поняли, что маньяк не пойман, а на следствии недозволенные методы применялись, УПК не соблюдался. А при несоблюдении УПК любой может быть с большой долей вероятности обвинен в любом преступлении, нужно только дать только волю фантазии и рукам. Без рук, пожалуй, не получится. А еще вскоре с помощью оперативников из СИЗО и их «наседок», насколько мне помнится, был обнаружен и истинный виновник означенных выше злодеяний.

Скрепя сердце и скрипя зубами, начали проводить проверки по делу Михайлова. Но проверки, оказывается, были отдельно, а Михайлов – отдельно. Он продолжал сидеть, и ему приискивали новое дело. И тогда помогли «попытка изнасилования и развратные действия». Михайлов просидел лет семь.

Но среди нынешних пожизненно заключенных есть такие, которым не так повезло, как Михайлову. Среди тех, с кем я переписывался и переписываюсь, по крайней мере четверо таких, для кого пожизненное заключение – многовато будет.

Один из них (И.), 1960 г.р. – свидетель, обращенный в преступника в Москве. Имел «хорошую» прессу до суда, которая способствовала тому, что был он приговорен к смерти. Срочно требовалось раскрыть дело. Сидит с 1989 г. в Вологодской области (ОЕ-256/5). Помилованный на пожизненное заключение № 1. (Его слова.)

Второй (Д.), 1965 г.р. – жертва преступления, обращенная в преступника. Дело было в Московской области. Преступник сначала застрасал Д., а потом пошел и донес на него в милицию, то есть оболгал. Под зверскими пытками Д. признал все – что было и чего не было. Мог бы иметь срок по ст. 316 УК – укрывательство преступления – до двух лет. Сидит с 1995 г. в Мордовии.

Третий (Г.), 1968 г.р. – должен был получить 10–15 суток административного ареста. Молодой парень пристал на улице Челябинска к девушке. Был милицией задержан. Мелкое хулиганство было переделано в хулиганство (ст. 206 УК РСФСР), потом «в попытку изнасилования и убийства», а потом под пытками он «признался» еще в шести убий-

ствах и изнасилованиях. На его беду в Челябинске орудовал неуловимый маньяк, и поимка Г. оказалась большой удачей для прокуратуры, милиции и настоящего маньяка. Сидит с 1989 г., ныне в Вологодской области. Дважды (в 1998 и 2000 гг.) вопрос о возможной невинности Г. поднимал Комитет по правам человека ООН. Но прокуратурой была проведена «проверка» на местах, которая, разумеется, ничего не дала.

Четвертый (К.), 1970 г.р. – никого не убивал, должен был бы получить ст. 316 и, возможно, ст. 162 (разбой). Максимально – до пятнадцати лет. Сидит с 1997 г. в Соликамске («Белый Лебедь»).

Наверное, есть и другие, в том числе и среди моих корреспондентов, дел которых я не знаю в особых подробностях.

Ниже хочу привести выдержки из писем пожизненно заключенных, предпослав к ним эпиграфом строфу из стихотворения тоже заключенного пожизненно. Это живая боль жизни из тех мест, где, кажется, жить невозможно.

В окружении сук и подонков,
Сам привольно живешь подлецом.
Дом мой рухнул, а я на обломках
Ясен духом и светел лицом.
(С.И. К-н, 1956 г.р., Соликамск)

Кирсанов С. А.

«В преступлениях, в которых меня обвинили, я принимал то или иное участие. Когда меня арестовали, я не стал отказываться и во всем признался (явка с повинной зарегистрирована и имеется в деле). Но потом под давлением начальника УВД Центрального р-на Тольятти Башкирова, на территории которого произошли преступления, я вынужден был изменить частично показания и взять все 7 убийств по делу на себя. Тогда как я совершил одно убийство в драке с потерпевшими. Меня заставили написать явку с повинной (вторую), изменить показания. Она тоже зарегистрирована в деле. Первоначальный допрос в прокуратуре следователем Вдовиным проводился без адвоката, хотя обвинение было очень тяжким... Угрозы были реальными, Б. обещал мне 20–25 лет наказания, и я пошел на это... Следствие шло под его контролем. Во время следствия с проверкой приезжал старший криминалист областной прокуратуры Бадалов, но после первого допроса я был вынужден под давлением людей Б. отказаться от дальнейшей дачи показаний приезжему... Суд проходил в Тольятти, прокурор Мак-

симова запросила для меня 22 года и, учитывая приговор Балаковского горсуда (7 лет), в общей сложности – 25 лет. Суд же вынес ПЛС. Одно из совершенных мною убийств основано на показаниях истинного убийцы, моего сообщника Алексева. В другом случае – убийство пяти коммерсантов в гостинице – никаких доказательств прямых моей вины нет, нет и свидетелей».

Его видели в фойе, а убийство было совершено на этаже. Все были убиты из одного оружия, но его не нашли. Считает, что наказание он должен понести, но ПЛС – много. Спрашивает, на что можно рассчитывать.

Чарушин Ю.А., 1973 г.р., Соль-Илецк.

«У человека должна быть надежда на будущее, без надежды он близок к сумасшествию... Я был в зоне со сроком 5 лет. Я попал под влияние одноклассника, совершил ему кражу, сам сел, а он остался на свободе (украл 4 нутрии). Во время суда прокурор сказал, что я негодный человек – вор, лентяй, что я никому не нужен, что даже мать отказалась от меня. Это сильно врезалось в меня, последнюю надежду на мать у меня отняли. Я обезумел, я стал оскорблять всех присутствующих в суде, хотел повеситься. Плюс ко всему в тюрьме сексуально издевались. (Я был слабохарактерным, непонятливым, зашуганным, мне было 18 лет.) У меня не было надежды на будущее, не было целей, ценностей. Я ни на кого не мог положиться, не доверял ни одному человеку, я разочаровался в друзьях, в отцах, в матери и вообще в людях. Мне не хотелось жить в этом грязном мире, но и духу повеситься не хватало, хотя раза три пытался. В зоне 2 года страдал в этом состоянии, меня превратили в животное. Я прятался от людей в ШИЗО и жил там около 3 лет. За эти 3 года я обрел новую надежду на будущее. Я поверил в семью. Я поверил, что освобожусь и найду женщину с ребенком, и мы создадим истинный рай в своей семье. Я уверен был, что не полезу воровать кусок хлеба. У меня были руки, я научился ремонтировать бытовую технику... Сам я был скромным, дружелюбным парнем, даже несмотря на причиняемые мне душевные раны, я не хотел делать зла. Но зло жило во мне, и его мне постоянно приходилось подавлять, чтобы люди меня принимали. Я создал идол “семья” и надеялся, верил в это. У меня была конкретная цель, радость в жизни и надежда. Я отошел? и на лице появилась улыбка! Эта надежда помогала мне жить, помогала не проявлять зла, когда надо мною издевались. Ведь я был психопатом. Для меня ничего не значило взять кирпич, арматуру или что-то еще и 3–5 человек уложить. Но когда есть надежда на будущее, то легче переносить жизненные тяжести. Лукавый пре-

поднес мне этого идола, и я поклонялся ему... Семья это хорошо, но Бог должен быть на первом месте... Я нашел женщину с ребенком и сильно их полюбил. Я начал поклоняться женщине, которую любил, она была красива, ласкова, добра. Я верил в нее и полагался на нее, мы были одним целым, но во главе была женщина, а Господь установил, чтоб был глава мужчина, отсюда все беды, так как это не угодно Богу. Были и другие грехи. Мой идол развалился прямо на моих глазах, женщина впала в блуд, ребенок страдал, кроме того она была беременна, и я снова начал сходить с ума, так как разочаровался в идоле. Но я тогда этого не понимал, хотел своего идола назад, все это обернулось убийствами. Идол всегда требует жертв. И хотя я всю жизнь боялся убить человека, я это сделал. В Библии сказано: «Чего страшится нечестивый, то и постигнет его, а желание праведников исполнится» (Притчи: 10,24); «Ибо ужасное, чего я ужасался то и постигло меня, и чего я боялся, то и пришло ко мне» (Иов, 3:25). Это пример, какое заблуждение можно иметь».

«Не нужно считать, что сатана это какой-то черт с рогами или осязаемый он. Нет, он тоже не имеет видимости, он дух, он злой дух, который господствует в воздухе. Например, радиации, радиоволн тоже не видно, но они есть, и их можно определить по их действиям».

«Мне нравится Иисус Христос (ИХ), он реальная личность, которая помогает жить. Я совершенно никому не был нужен в этом мире, все издевались, изгалялись, превратили в животное, да я и сам себе был не нужен – грязный, лживый, никчемный, презираемый многими. И он пришел в этот грязный и вонючий сарай (душу) и сначала убрал паутину, открыл окна и впустил свет, и начал выгребать мусор, начал перестраивать сарай в храм, где Он будет жить. Человеческая душа – это храм, где должен жить ИХ... Пока вы будете искать Бога на свалке (в мирских ценностях, религиях, историях, мудростях) вы только еще больше будете разочаровываться и озлобитесь на Бога. «Ибо мудрость мира сего – есть безумие перед Богом» (1 Коринф; 3:19)».

«Моя жизнь была загублена в спецколах. Там мне сломали психику и хочется, чтобы нынешние дети этого избежали, поскольку конец их жизни будет в тюрьме или в психушке».

«Когда меня в 12-летнем возрасте насильовали, я ненавидел людей и постоянно образно их убивал. Я ненавидел учителей, которые били указкой по голове, головой об парту, ненавидел пьяниц, насильников, отчимов. Вроде бы это правильно, но я “ненавидел их”, и в глазах Бога

я уже убийца... Закон дан для того, чтобы обличить грех, показать, что все люди находятся вне закона и оказываются законопреступниками. (ИХ упразднил Закон заповедей своим учением (Эфес, 2:15). Теперь Евангелие является заповедью)».

«Я оставил очень многое во имя ИХ, но ничего не потерял, наоборот, приобрел, обрел радость, мир спасения, хорошие отношения с родителями, у меня много братьев и сестер, а раньше я был одинок, Он исцелил от туберкулеза и слабоумия. Спасибо вам, что слушаете мою болтовню».

Голубев Б.Ю., Мордовия

«Уже 10 лет я сижу в камере тюремного заключения. Работы у нас нет. За это время мое здоровье стало очень плохим. В данное время сильно простыл, все тело покрылось чирьями. Сыро у нас, стены плачут, я их постоянно вытираю, но вода все равно выступает. Не знаю, как продержался в эти морозы. Одеть мне нечего, за 10 лет все пришло в негодность. Матери у меня нет, чтобы ждать помощи. Сирота я детдомовский, родился в тюрьме, жизнь в доме малолетки, в доме ребенка, в детдоме ничего мне хорошего не дала. Сделали из меня волчонка, вот и попал в тюрьму. Глупый был дурак, но обратно жизнь не повернешь. Я к вам обращаюсь ради ИХ, Господа нашего, который любит всех, даже нас, от которых отвернулось общество. Я здесь уверовал».

Болотин Дмитрий Исаевич, Соль-Илецк.

«Я нахожусь на пожизненном заключении за преступление, которого я не совершал. 17.8.97 нас задержали в Мытищах и наглым и противозаконным способом обвинили в убийстве 7 чел., и до 2000 г. велось следствие, потом нас начали судить в Мособлсуде присяжные, и 12 апреля 2000 г. мы были полностью оправданы присяжными заседателями и были освобождены из зала суда. Но спустя год нас снова задержали по этому же делу (без каких-либо вновь открывшихся обстоятельств). Мне дали пожизненно, а подельника убили в СИЗО ИЗ-50/9. После приговора я написал кассационную жалобу в Верховный Суд, но мне пришел ответ, в котором пишется, что все правильно по УПК ст. 458 и 459».

Крик у порога

Нельзя утверждать, что все приговоры, выносимые в то время, были несправедливы. Наверняка приговаривались к смертной казне также и жестокие преступники, которые в соответствии с действующим законами заслуживали этой исключительной меры наказания, но Виктор с ними не сталкивался.

Петро был первый, с кем довелось встретиться Виктору в камере смертников. Он убил свою молодую жену на почве ревности. В доме осталась пятилетняя девочка-сирота со старой бабкой, тещей Петра.

Трудно себе представить внешне более законопослушного человека, чем Петро. Службу в армии он вспоминал, как самое счастливое время жизни, офицеров-начальников боготворил. После службы в армии вернулся Петро в свое родное село в Харьковской области, женился, родилась дочка. Он не ладил с тещей, у которой они жили, и мечтал построить свой дом. Нужны были деньги, и Петро поступил на работу с постоянными командировками. Вот тут все и началось.

Однажды в очередной приезд не застал Петро жену дома. Кто-то сказал, что видел его жену с местным ветеринаром. С тех пор решил Петро, что он наконец определил виновника всех его бед. И решил Петро, если слухи подтвердятся, убить жену.

Во время очередной сцены ревности выхватил Петро из-под матраса заранее спрятанный нож и ударил жену в сердце. Налицо было заранее задуманное умышленное убийство.

Раскаивался ли Петро в содеянном, жалел ли жену, ребенка-сироту? Наверное да, но в его спокойном рассказе Виктор это не почувствовал.

Как ни странным может показаться, но Виктор не встречал среди своих сокамерников никого, кто бы выражал в разговоре жалость и

раскаяние именно по отношению к жертве своего преступления. Наверное, это не было случайным совпадением. Особенностью людей, совершивших тяжкое преступление, является именно душевная черствость, даже жестокость, невосприятие чужих страданий, боли.

В камере с Петром Кишко он пробыл почти два месяца. Под конец Петро стал совсем плохой. Целыми днями он лежал, отвернувшись к стене, и постоянно о чем-то думал, вспоминал, на вопросы Виктора почти не реагировал. Оживлялся только, если речь шла об автомашинах, тракторах и вообще колхозной технике.

Петро как-то объяснил Виктору, что первые три-четыре месяца он может не волноваться. Раньше этого срока никого не расстреливают. Однако Виктор слышал, что кассационную жалобу в Верховном Суде могут рассмотреть достаточно быстро, даже раньше этого срока.

Он постоянно прислушивался ко всему, что происходило в коридоре.

Вообще, за время пребывания в камере смертников, как ему казалось, у него развился фантастический слух. По малейшим шорохам, шарканью сапог, поворотам ключей в замочной скважине, лязганью решеток, обрывкам разговоров он совершенно четко представлял, какая камера открывается, что происходит в коридоре. Особенно он прислушивался к голосам заключенных, когда их выводили из камер на «оправку» в туалет. Он на некоторое время «успокаивался», когда узнавал голоса Залесского или Бобрыжного.

По-видимому, тюрьма на Холодной Горе была главной среди тюрем Восточной Украины. Периодически сюда свозили приговоренных к расстрелу из Сум, Полтавы, других городов и казнили сразу по несколько человек.

Как правило, этим людям еще на месте до отъезда объявляли об утверждении приговоров Верховным Судом Украины. Они уже наверняка знали, для чего их привезли. В таких случаях в камеру помещали по три, иногда даже по четыре человека.

Людей этих держали недолго, максимум два дня. Обычно в пятницу, во второй половине дня для надзирателей начиналась тяжелая работа. Одного за другим из разных камер они выводили в подвал накануне доставленных людей и, очевидно, расстреливали. На каждого уходило, как Виктору казалось, совсем немного времени, двадцать-тридцать минут.

Виктор запомнил, как дико закричал один из этих людей, бывший недолго с ним в камере. Он увидел в открывшейся неожиданно кормушке изучающе смотрящую на него красную, полупьяную физионо-

мию одного из надзирателей по кличке Держиморда. В тюрьме, наверное, не без оснований, ходили слухи, что этот надзиратель является одним из исполнителей приговоров. Вот уж действительно: жертва чувствует своего палача.

Однажды с визитом в камеру пришел начальник тюрьмы, он задал несколько совершенно незначительных вопросов, поговорил сочувственно с Петром, посетовал, что он дочку осиротил, поговорил о возможной отправке на этап. Петро к этому времени уже практически уверен был, что приговор ему утвержден. Но, Боже, как странно устроен человек, надежда в нем сохраняется, наверное, даже под дулом пистолета, до самого последнего момента.

Петро стоял перед начальником тюрьмы навытяжку, буквально смотрел ему в рот, поддакивал каждому слову, даже улыбался, словно надеялся, что этот алкоголик с отмороженными глазами может его пожалеть или даже помиловать.

Это было в среду, а в пятницу во второй половине дня целая свора надзирателей навсегда увела Петра. Он был какой-то суетливый, рассеянный и даже не очень испуганный. Может, он думал, что его действительно отправляют куда-то на этап. Когда надзиратели вывели Петра, услышал Виктор топот ног по деревянному щиту. Дальше была дверь, которая вела только в одно место, в небытие.

* * *

Виктор вздрогнул от громкого стука ключа в дверцу кормушки и резкого голоса надзирателя:

– В баню собирайтесь.

Для обитателей камеры смертников это был радостный, желанный и одновременно очень тягостный момент, прерывавший их однообразную жизнь.

Виктор со своим новым сокамерником в сопровождении нескольких надзирателей вышли из тюремного корпуса во двор. До здания, где помещались душевые, было метров сто.

После душа Виктор чувствовал облегчение во всем теле и не только потому, что смывалась грязь. Вода частично смывала также какой-то острый нематериальный налет тления, который обволакивал человека во время его пребывания в камере смертников. Это налет формировался из концентрата человеческих страданий, постоянно стоявшего в камере, мертвящей сырости промозглых тюремных стен, мрачного грязно-зеленого цвета облупленных панелей, вони из стоявшей в углу парашаи.

Налет тления сначала покрывал одежду и кожу, потом проникал в тело, кости, а затем, самое страшное, в душу. В результате человек, длительное время пребывающий в камере смертников, превращался в живой труп. У человека, находящегося в камере смертников, постепенно притупляются все ощущения, связанные с жизнью, не говоря уже о восприятии радостей жизни.

Самым болезненным для смертника в этих условиях был неожиданный выход из «погреба», в котором он находился, и восприятие блеска и ярких красок окружающей жизни.

Таким событием всегда было посещение тюремных душевых. Как правило, после таких походов в камере стояла гробовая тишина, сокамерники впадали на какое-то время в депрессию.

Вторым сокамерником был цыган Николай.

Нельзя было иногда удержаться от смеха, даже в камере смертников, слушая рассказы Николая о его приключениях.

Далеко не всегда все сходило с рук. Однажды разъяренные мужики схватили Николая на станции и сунули его голову под кран с кипятком. Раньше почти на каждой станции имелись такие краны. Соплеменникам удалось отбить и спасти Николая, но шрамы остались на всю жизнь.

Такова была цыганская жизнь.

Закончилась она трагически. Однажды увели этого забубенного парня навсегда, и отлетела его душа. Последнее, что осталось в памяти Виктора о цыгане, это отчаянный прощальный крик у порога.

В конце декабря 1962 года в камеры смертников харьковской тюрьмы привезли сразу шесть евреев, приговоренных к высшей мере наказания – расстрелу.

Это были валютчики. В стране проводилась начатая Хрущевым кампания по борьбе с валютчиками и хозяйственными преступлениями. При Хрущеве стала использоваться так называемая «обратимость закона». Что это такое, можно объяснить на примере известного дела московских валютчиков Рокотова, Файбишенко и Яковлева.

До их ареста максимальный срок наказания за спекуляцию валютой составлял от 3 до 8 лет заключения. По требованию Хрущева, после ареста валютчиков был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о максимальной мере наказания за валютную спекуляцию – 15 лет лишения свободы. Московский областной суд, в котором слушалось это дело, резонно не применил обратимость закона, и валютчики получили 8 лет в соответствии с действовавшим ранее законом.

Этот приговор не удовлетворил Хрущева. По его требованию был издан еще один Указ о применении за валютную спекуляционную высшей меры наказания – расстрела. Генеральная прокуратура опротестовала приговор Московского Областного Суда, состоялся новый суд, и валютчики были приговорены к расстрелу. В 1961 году эти люди были расстреляны. Председатель Московского областного суда за вынесение мягкого приговора был снят с должности.

С легкой руки Н.С. Хрущева обратимость закона вошла в практику советского судопроизводства, а по стране прокатились громкие суды. Как правило, следствие по таким делам вело КГБ.

В камеру к Виктору был помещен один из шести приговоренных, Борис Пикельный. После войны он освоил редкую профессию гравера-модельщика и специализировался на изготовлении штампов. В то время вошел в моду различный ширпотреб из пласмассы, от подделок под хрустальную посуду до различных безделушек. Народ хотел украшать свой быт. Как обычно, государству было не до таких мелочей, и это производство налаживали и запускали предприимчивые и энергичные люди при различных артелях, райпромкомбинатах и тому подобных предприятиях, как тогда говорили, «местной промышленности».

Предприимчивые люди – их позже стали называть «цеховиками» – привлекали для налаживания производства талантливых умельцев с золотыми руками. Как специалист, Боря пользовался большой популярностью среди этих людей. Так он однажды познакомился с легендарной личностью в мире теневого бизнеса советских времен, неким Ганьшу. В то время этому человеку было под семьдесят.

По словам Бори, старый Ганьшу был прирожденный аферист, талантливый коммерсант и страстный карточный игрок. Он даже жену свою выиграл в карты у своего ближайшего друга и прожил с ней счастливо всю жизнь. После войны Ганьшу работал в артели, занимающейся утилизацией или сбором и подготовкой к утилизации различных видов бумажного и текстильного сырья.

Мало кто знает о такой сугубо советской отрасли промышленности, как «концирвальное» производство. Это всего-навсего производство обтирочных концов. При работе на устаревшем и постоянно выходящем из строя оборудовании, требующем бесконечных ремонтов, советская промышленность поглощала сотни тонн обтирочных концов. Эту продукцию изготавливают из отходов текстиля. Десятки тонн обтирочных концов из неучтенного вторсырья реализовывалось по всей стране.

Сразу после войны Ганьшу едет в командировку в Германию и договаривается с армейскими снабженцами о поставке для переработки в

качестве вторсырья различного трофейного обмундирования. Это обмундирование вагонами отправлялось в Харьков. Вместе с хламом поступали и ценные вещи, которые, естественно, реализовались. В это время на базаре можно было приобрести великолепные немецкие кожаные летные куртки на меху, перчатки и другие нужные вещи из трофейного обмундирования.

В пятидесятых годах увлекла Ганьшу очередная авантюра. Как говорил Остап Бендер, если в стране ходят денежные знаки, то обязательно есть люди, у которых этих знаков много.

Да, такие люди действительно в стране были. Они прекрасно знали советские порядки и понимали, что в любой момент при очередной денежной реформе все их богатство скорей всего превратится в прах. В те годы в условиях «железного занавеса» достать в провинции иностранную валюту (доллары, марки и др.) практически было невозможно. Деловые люди скупали крупные бриллианты, изумруды, уникальные ювелирные изделия и самые надежные золотые червонцы царской чеканки. Настоящий червонец царской чеканки на черном рынке стоил до 2500 рублей.

Ганьшу решил наладить собственное монетное производство. Для этих целей он и привлек Борю Пикельного и других специалистов. Валютчики стали скупать золотой лом и делать золотые монеты. Бизнес процветал.

Но грянул гром. Прогремело по всей стране дело Рокотова и других. Компания Ганьшу тут же прекратила свою деятельность.

Боря на своем «Москвиче» поехал по Белгородскому шоссе в сторону Белгорода и разбросал как можно дальше все «железки», которые имели отношение к изготовлению монет. Не знал он тогда, сколько крови ему будет потом стоить сбор всего разбросанного.

КГБ уже следило за ними, и через некоторое время все участники изготовления и продажи монет были арестованы и доставлены в следственный изолятор КГБ на Чернышевской улице. Следствие велось очень долго, больше года. Следователи КГБ не торопились, в это время у них совсем не было работы. Получить санкцию на продление срока пребывания подследственного под стражей для КГБ не было проблемой. Кто посмеет отказать в ходатайстве такой солидной организации? Ведь это ни какая-нибудь районная прокуратура.

В следственном изоляторе КГБ, где находились валютчики, условия содержания, обращение с арестованными было несравненно лучше, чем в обычной тюрьме на Холодной Горе. В камерах на двух чело-

век были установлены кровати с постельными принадлежностями, сносно кормили, родственники могли довольно часто передавать продуктовые передачи. На допросах следователи вели себя достаточно корректно, не били, не кричали.

Но то изуверство, с которым следователи КГБ обошлись со своими подследственными, стоило многого. С самого начала им было предъявлено обвинение по старой статье. По этой статье максимум восемь лет лишения свободы. При чистосердечном признании и оказании содействия следствию этот срок обещано было сократить.

Следствие шло как по маслу, и, за исключением старого ювелира Гроссмана, никто не запирался.

Самое страшное случилось в конце следствия. Учитывая тяжесть содеянного преступления, было предъявлено уже новое обвинение и применена обратимость закона и, в соответствии с этим, последний, недавно изданный по требованию Хрущева Указ. Затем был показательный процесс в большом зале клуба «Строитель» и бесчеловечный приговор. К расстрелу были приговорены сразу шесть человек, среди них два уже глубоких старика, Ганьшу и Гроссман.

Может, это не совсем удачное выражение, но Виктору повезло, что на самом тяжелом этапе его испытаний, под конец пребывания в камере смертников он встретил Бориса Пикельного. Общение с ним помогло Виктору как-то продержаться, не сойти с ума и не покончить с собой.

Новый 1963 год ничего не принес нового, кроме суровой январской стужи. Тонкое застиранное одеяло не согревало, а теплых вещей у Виктора просто не было. Старый потертый пиджак, подарок «наседки» Попова, черная хлопчатобумажная рубашка, пара маек, пара носков, легкие брюки – вот и весь гардероб.

Пошел пятый месяц пребывания Виктора в камере смертников. С каждым днем таяли надежды на отмену приговора в Верховном Суде УССР. Он уже знал, что обычно «за Верховным Судом» люди сидят в камере смертников три-четыре месяца, не больше. Затем дело отправляется в Комиссию по помилованию при Президиуме Верховного Совета УССР или по жалобе адвоката в Прокуратуру СССР уже для рассмотрения в порядке надзора. Но в подавляющем большинстве случаев на этих стадиях приговоры отменяются крайне редко.

Постепенно паническое отчаяние овладело Виктором. Он постойно прислушивался к коридорным шумам. По пятницам в конце дня – в это время обычно забирали для исполнения приговора его бывших сокамерников – напряжение достигало своего пика.

Он проснулся от стука ключа надзирателя. Нужно выходить в туалет на opravку.

Выводил его и Бориса самый молодой из дежуривших здесь надзирателей, он давно отсутствовал. Наверное, был в отпуске или дежурил в другом месте. Он как-то странно, с удивлением посмотрел на Виктора и сказал:

– Как? Ты еще здесь?..

Что хотел сказать ему надзиратель?

Примерно через час надзиратель неожиданно открывает кормушку. Подзывает Виктора и говорит:

– Я не знаю, почему ты тут еще сидишь. Я точно видел в канцелярии телеграмму об отмене Верховным Судом всем вам троим смертного приговора. Вас должны уже давно наверх поднять...

Дверца кормушки захлопывается, и лицо надзирателя исчезает. Виктор стоит в полной растерянности. Борис очень обрадовался и стал обнимать Виктора. Но Виктор думал совсем о другом, он не поверил. Он вспомнил, как приходил начальник тюрьмы незадолго до вывода на расстрел Петра и цыгана и рассказывал им, не глядя в глаза, какие-то басни, только чтобы спокойно вывести их из камеры.

Прошел январь, наступил февраль, но никто Виктора не трогал. Уже и Боря перестал верить в сказанное надзирателем. После нервного напряжения, связанного с постоянным ожиданием чего-то страшного, у Виктора началась полная апатия.

9 февраля 1963-го, после обеда Виктор, как обычно, лежал на нарах. Читал и одновременно прислушивался к звукам в коридоре. Неожиданно он услышал какой-то шум и разговор в коридоре. По голосам понял, что пришло всего два человека. Это были старшина и офицер, соответственно дежурный по корпусу и по тюрьме. Без этих людей нельзя было открыть какую-либо из камер смертников и вывести оттуда заключенного.

– Инженер, на выход с вещами... быстро... – насмешливо крикнул, обращаясь к Виктору, дежурный по корпусу. С легкой руки этого всегда куда-то спешившего старшины у Виктора в тюрьме появилась кличка.

Через пять минут Виктор находился уже на четвертом этаже в буквально ледяной камере, но с шикарным видом на город. Виктора трясло, его била дрожь, то ли от холода, то ли от пережитого волнения.

Верховный Суд УССР, рассмотрев кассационную жалобу осужденных, действительно отменил приговор всем троим и отправил дело на следствие.

Верховный Суд УССР отменил приговор еще 18 января 1963 года. В соответствии с установленным в те времена порядком Верховный Суд в этот же день отправил официальную телеграмму в тюрьму с уведомлением об отмене приговора. Именно эту телеграмму и видел надзиратель в канцелярии тюрьмы.

Начальник тюрьмы уже в день получения телеграммы обязан был перевести Виктора и его товарищей из камер для лиц, приговоренных к расстрелу, в обычные камеры следственного изолятора. Однако он этого не сделал, и ребята пробыли в камере смертников еще двадцать один день.

Через несколько месяцев после отмены приговора, когда следствие зашло в тупик, в тюрьму пришло из Прокуратуры УССР постановление об освобождении из-под стражи всех трех подсудимых.

Но начальник тюрьмы опять нарушает все инструкции и никого не освобождает.

В Киев срочно отправляется по согласованию с обкомом партии прокурор Харьковской области и добивается отмены постановления. Он уверяет прокурора УССР, что Хват и его товарищи – преступники и их нельзя отпускать. Со своей стороны, харьковские правоохранительные органы обязуются в ходе доследования все сделать для доказательства вины.

Уговоры подействовали, и постановление об освобождении подсудимых, ранее подписанное заместителем прокурора УССР Самеевым, было не отменено, а просто уничтожено.

Но это все будет впереди, а пока Виктор сидел замерзший в ледяной камере и надеялся на лучшее. Он уже был несказанно рад, что не надо постоянно со страхом прислушиваться к звукам за дверью и напряженно ждать своего конца. Можно было хоть спокойно почитать книгу и выспаться, ни о чем не думая. Это уже было счастьем.

Пошел второй месяц после перевода Виктора в обычную камеру. Жизнь остановилась, никто его не вызывал, даже официально не объявил об отмене приговора. Казалось, о нем забыли, он был никому не нужен. Последнее было похоже на правду. В Прокуратуре УССР никто не хотел связываться с этим делом. Возникла проблема с подбором следователей.

В начале апреля 1963 года наконец Виктора вызвали на допрос. В следственном кабинете тюрьмы он впервые увидел следователя Ревиса. У Ревиса было много общего с предыдущим следователем Эмом. Маленького роста, он даже на стул подкладывал какие-то папки с делами, что бы казаться выше и удобнее сидеть за столом, носил туфли явно с необычно высокими каблуками.

Как и Эм, он уже на первом допросе непонятно для чего заверил Виктора, что он очень физически крепкий человек, умеет хорошо стрелять и носит постоянно пистолет. В доказательство этого он продемонстрировал пустую кобуру от пистолета.

– Боже мой, кажется, еще один ущербный...

Ревис стал просто лгать Виктору. Он не дал ему ознакомиться с содержательной частью постановления Верховного Суда УССР по их делу. Он просто скрыл от Виктора этот документ. Ревис утверждал, что Верховный Суд ни в коей мере не усомнился в виновности Хвата и его товарищей. Причиной возвращения дела на доследование является необходимость разграничения вины всех трех участников преступления, что позволило бы дифференцировать меру наказания.

Иными словами, основной задачей нового следствия является помощь суду в решении, кого надо расстрелять, а кого из трех оставить жить, и здесь все зависит от поведения каждого подследственного.

В действительности постановление Верховного Суда ничего общего не имело с трактовкой, изложенной Ревисом и позже Коваленко.

Коллегия тщательно проанализировала признательные показания всех трех подсудимых, описывающие их действия при изнасилования и последующем убийстве. Было отмечено множество несоответствий в этих показаниях объективным данным, установленным на месте преступления (месторасположение и следы перемещения трупа, наличие ранений), и невозможность осуществления в некоторых случаях самих описанных подсудимыми действий.

Иными словами, фальсификаторы толком не смогли сами сочинить и вложить в уста подследственных правдоподобную картину совершения самого преступления.

Верховный Суд указал на необходимость проверки заявления подсудимых о применении к ним незаконных методов следствия с целью принуждения к самооговору, а также необходимость проверки других версий преступления.

Основная задача нового следствия была заставить подследственных вновь вернуться к самооговору. Для этого их надо держать в условиях полнейшей изоляции и постоянно убеждать в полной безнадёжности занятой ими позиции.

На первом допросе Ревиса Виктор сделал ряд ходатайств. Среди них самым существенным была просьба найти подлинный протокол судебно-медицинской экспертизы, составленный судмедэкспертом Туниной. Виктор продолжал утверждать, что в этом протоколе было описание следов побоев на его теле.

Ревис, недолго думая, записал это ходатайство и начал издеваться над Виктором, убеждая его, что этих описаний просто не может быть, так как под протоколом стоит подпись Виктора. Конечно, Ревис не сомневался, что Хвата на допросах били. Но даже ему не могло в голову прийти, что менты могли так грубо работать.

С другой стороны, он был заинтересован в том, чтобы выполнить ходатайство Хвата. Подтвердив подлинность имевшегося в деле протокола без следов побоев и укрепив это личными показаниями Туниной, Ревис полностью опровергал «лживые» утверждения Хвата о применении по отношению к нему недозволенных методов следствия. Это так понравилось Ревису, что он, не откладывая дела в долгий ящик, буквально через несколько дней после своего визита к Виктору вызвал и допросил Тунину о протоколе.

Каково же было огорчение Ревиса, когда Тунина полностью подтвердила показания Хвата. После этого она передала хранившийся у нее подлинник следователю Ревису для приобщения к делу. Собственно говоря, это был единственный случай, когда новое следствие, само того не желая, установило истину. Вся остальная работа была четко направлена на выполнение заказа.

***

Вскоре второе обвинительное заключение было окончательно состряпано, и Виктора привели в следственный кабинет тюрьмы для ознакомления с материалами дела. В кабинете он увидел незнакомого человека. Это был будущий защитник Виктора – адвокат Белгородской коллегии адвокатов Прокопенко Георгий Федорович.

Нашел Жору и рекомендовал родителям Виктора Борис Соломонович Капушевский. Прокопенко работал и жил в Белгороде. Белгород находится всего в семидесяти километрах от Харькова, но это была уже другая республика, и харьковскому начальству «давить» на белгородских адвокатов было значительно сложнее.

На первом свидании с Прокопенко Виктор заметил, что в его присутствии следователи заметно нервничали. Напротив, адвокат вел себя уверенно, улыбался, шутил, рассказывал какие-то прибаутки. Но за всеми этими шутками ощущалась четкая и целенаправленная линия поведения.

Благодаря Капушевскому еще до появления в тюрьме Прокопенко уже был знаком с делом. Это дело было лебединой песней старого адвоката. Капушевский в тяжелейших условиях абсолютно неправого суда блестяще выполнил свою задачу. Он надколол этот гнилой орех, приговор областного суда был отменен.

Перед Прокопенко стояла сложная не только юридическая, но и психологическая задача. До встречи с ним Виктор все еще был в депрессивном состоянии жертвы. Он был измучен пятью месяцами пребывания в камере смертников и совершенно не надеялся на свои силы. Виктор потерял надежду на доброго дядю-следователя, который во всем разберется и правда восторжествует, и перешел в состояние полного безнадежного отчаяния. Его можно было снова сломить в любой момент. Конечно, работать с таким подзащитным было очень сложно.

Не только великолепный юрист, но и тонкий психолог Прокопенко сразу понял, что для успеха дела прежде всего нужно вывести Виктора из этого состояния и сделать из него мужественного и уверенного бойца за свою жизнь и свободу. Вся собранная Прокопенко до этого информация свидетельствовала, что его клиент в принципе был неглупый парень.

Вначале адвокат освободил Виктора от всех иллюзий насчет судьбы, которую уготовили ему следователи. И они начали работать. Как правило, Виктору давали свидание с адвокатом после обеда, во второй половине дня. Они читали дело и обменивались мнениями иногда почти до полуночи. Георгий Федорович приносил с собой громадные вкусные бутерброды. Он делил их на двоих, они делали перерывы, не торопясь ели и обсуждали материалы дела.

Через несколько дней свидания в тюрьме с адвокатом стали предоставляться только в присутствии по очереди дежуривших оперуполномоченных Дзержинского РОМа. Эти люди наглым образом записывали все разговоры, которые вел Прокопенко.

Прошли годы. Выездная бригада Генеральной прокуратуры СССР в Харькове вела следствие о нарушении законности по делу Хвата. Были востребованы все оперативные материалы и среди них записки оперов в тюрьме во время свидания Виктора с защитником. Виктор среди всякой чуши прочитал корявую записку:

– Прокопенко сказал Хвату, что Иван имя еврейское...

Но тогда было совсем не смешно. Прокопенко срочно подготовил и отправил от себя и Виктора жалобу на имя прокурора Украины об

ущемлении прав и подготовке провокации для устранения неугодного адвоката.

Через несколько недель начался второй суд.

Ежедневный подъем в четыре часа утра, косоглазый по-азиатски непроницаемый конвой, мрачное здание областного суда, та же публика. Ему и его товарищам предъявлено прежнее обвинение. Но, в отличие от прошлого суда, не было уже прежнего ажиотажа. Новый председательствующий, заместитель председателя харьковского областного суда Ключко производил впечатление человека действительно пытающегося разобраться в сути дела. С первого заседания ход процесса заметно отличался от прошлогоднего спектакля. Ключко жестко допрашивал подсудимых, свидетелей обвинения и защиты, достаточно часто удовлетворял действительно нужные ходатайства адвокатов и подсудимых.

Уже через несколько дней стало заметно, что дело разваливается. Все чаще и чаще Ключко делал перерывы и переносил заседания. Он регулярно ездил в харьковский обком. Чувствовалось, что идет лихорадочная закулисная борьба вокруг этого дела. В ходе судебного расследования наметился резкий перелом. Ключко удовлетворил ходатайство защиты о предоставлении доступа к оперативным материалам дела и вызове в суд и допросе ментов, избивавших ребят. Начался настоящий обвал.

Присутствующие были просто шокированы допросом судмедэксперта Туниной и майора Васильева. Тунина чистосердечно рассказала историю с подменой акта с описанием побоев на теле Хвата и, естественно, сообщила, что сделала это по просьбе майора Васильева. Последний стал беззастенчиво утверждать, что она лжет и его оговаривает. На вопрос Прокопенко о возможной причине такого оговора Васильев ничего вразумительного ответить не мог.

В итоге Ключко вынес решение отправить дело на очередное доследование. Вынести оправдательный приговор и освободить явно невиновных людей ему не позволили. По завершении суда многим, как и самим подсудимым, казалось, что свалившийся на них ужас вот-вот должен закончиться. Но это было заблуждение.

***

Суд продолжался. День за днем тянулась обыденная тюремная жизнь, и конца ей не было видно. Виктор уже почти два года был в тюрьме. «Инженер» – уважительно обращались к нему дежурные надзиратели.

Историю Инженера уже знало большинство обитателей холодного-ской тюрьмы, от рядовой obsługi до самых крутых уголовников, приговоренных к «крытке», то есть отбывавших срок заключения непосредственно в тюрьме. Все были на стороне невинных ребят, относились к ним сочувственно и жаждали победы над «позорными ментами».

По-прежнему Виктор находился в «Тройниках». Последнее время сокамерниками Виктора были достаточно уважаемые в тюрьме люди, проходившие по крупным хозяйственным делам.

По своему составу это была довольно пестрая публика. Много было просто примитивных жуликов, использовавших недостатки существовавшей системы учета и контроля, действовавших при производстве какого-нибудь продукта, по принципу «недовложил», «недоделал», «подменил». В результате такого производства образовывались излишки продукции или сырья, которые реализовывались, а вырученные деньги распределялись по карманам.

Но встречались очень изобретательные в хорошем смысле слова, энергичные и предприимчивые люди, которым было тесно в рамках поставленной с ног на голову советской экономики. Где-нибудь в другой стране эти люди и сами были бы состоятельными, и пользу приносили бы государству немалую.

Они ухитрялись делать деньги там, где государство было неспособно ничего создать, кроме убытков. Из бросовых отходов пластмассы, трикотажных отходов, цветных металлов производились пользующиеся большим спросом у населения, в то время дефицитные изделия.

* * *

Следствие шло по третьему кругу. Вновь появились знакомые лица – Коваленко и Ревис. Редкие встречи с ними завершались угрозами с их стороны и заверениями, что скоро Виктор вернется в камеру смертников.

Виктор уже позабыл все подробности этого очередного липового доследования, но одну очную ставку, организованную Коваленко, он запомнил на всю жизнь.

Надзиратель привел Виктора в следственный кабинет на первом этаже тюрьмы. При встрече из-за стола встал улыбающийся Коваленко и радостно, с нескрываемой издевкой воскликнул, обращаясь к кому-то сидящему напротив:

– А вот и наш Витя пришел!..

С металлического табурета поднялся «наседка» Попов.

– Ну что, Витя, все темнишь? Девку убили, отвечать не хочется, а?

Началась очная ставка.

Попов объяснил, что в июне 1962 года вместе с Виктором находил-ся какое-то время в одной камере КПЗ. При знакомстве Попов спро-сил сокамерника о совершенном им преступлении. Виктор ему под-робно рассказал, что вместе со своими приятелями они изнасиловали и убили несовершеннолетнюю девушку. Узнав об этом, Попов был так возмущен этим омерзительным преступлением, что не выдержал и жестоко избил Хвата.

Попов подробным образом описал, что бил он Хвата кулаками и ногами в область груди, почек, поясницы. Последнее точно соответ-ствовало описанию следов побоев, установленных судмедэкспертом Туниной при освидетельствовании Хвата.

Доследование шло к концу.

Весной 1964 года при ознакомлении с делом Виктор снова встре-тился со своим защитником. Раздолбать всю ту новую липу, которой дополнили дело следователи, для опытных адвокатов, казалось, не составляло труда. Но будет ли кто-нибудь их слушать? Несмотря на проявляемый Жорой внешний оптимизм, по всему чувствовалось, что настроение у него плохое.

Когда в следственном кабинете никого не было, Георгий Федоро-вич начал тяжелый разговор:

– Витя, дела наши не очень хорошие. Мне стало доподлинно изве-стно, что харьковский обком партии дал жесткую установку вас осу-дить и таким образом закрыть и забыть это дело. Поэтому шансов до-биться справедливого разбирательства абсолютно нет. Они хотят ослабить защиту и расколоть союз между вами, подсудимыми, и между тремя адвокатами. Планируется Залесского приговорить к пятнадцати годам, а вас с Бобрыжным к высшей мере... У нас осталась одна на-дежда на Верховный Суд УССР.

Вернувшись в камеру, Виктор начал искать выход из сложившейся ситуации.

Ясно, что их ждет знакомый спектакль для народа. Они уже зара-нее осуждены и приговорены, их ходатайство о недоверии к суду бу-дет отклонено. Нужно попытаться сорвать этот судебный фарс. И Вик-тор решает: нужно, чтобы подсудимые не давали показания суду, ко-торому не доверяют. Другого способа протеста против готовящегося убийства он не мог придумать. Остается только убедить в этом ребят и защитников.

На следующей день при встрече с Прокопенко Виктор изложил ему свое предложение.

– Это сильное решение. Но выдержите ли вы? Суд будет продолжаться, может быть, месяца полтора, и все это время нужно будет молчать и не отвечать на любую гадость, любую провокацию.

Ребята и их адвокаты поддержали предложение Виктора, их даже не пришлось уговаривать.

* * *

В конце апреля начался третий суд. Харьковскими властями в бой была брошена тяжелая артиллерия. Председательствовала на суде областной судья Тарарака, обвинение поддерживал областной прокурор Щербинский. Они были настроены решительно, а обстановка была еще более мрачной, чем на первом суде. По распоряжению судьи охрана не подпускала к ребятам даже адвокатов. Хорошо, что все было решено и обговорено заранее.

Председательствующая Тарарака была уже немолодая, обрюзгшая тетка с грубоватыми, рано увядшими чертами лица. Вела она себя, как типичная женщина с базара.

В начале первого заседания подсудимые и адвокаты заявили ходатайство о недоверии суду. Тарарака восприняла это ходатайство довольно спокойно. Она была готова к нему и, возможно, имела домашнюю заготовку, так как очень быстро дала ответ. Как и следовало ожидать, ходатайство было отклонено.

Тогда подсудимые заявили об отказе давать показания суду, которому они не доверяют. Вот этого Тарарака определенно не ожидала. Услышав вначале от Хвата, потом от Залесского и Бобрыжного заявления, она растерялась и какое-то мгновение не знала, что предпринять. Затем с яростью посмотрела на защитников и попросила их воздействовать на подсудимых, так как отказ от дачи показаний может только повредить им, стать препятствием для объективного и полного расследования по делу. Однако адвокаты пожалы плечами и объяснили, что это право подзащитных. После этого началась «ломание комедии» по уговариванию подсудимых. Уговаривали все – Тарарака, заседатели, прокурор.

Во время уговоров подсудимые уже молчали. Как говорят, отсчет пошел. Тарарака объявила перерыв до следующего дня. На следующий день процесс был продолжен. Он продолжался больше месяца.

Рано или поздно все кончается, пришел к концу и третий суд. Подсудимые и присутствующие в зале ждали появления судьи и заседате-

лей для объявления приговора. Подсудимые молчали в течение всего суда и от последнего слова отказались.

Выступления адвокатов были столь яркими и убедительными, что многие присутствовавшие в зале и даже охрана стали откровенно сочувствовать ребятам.

Появился суд, и Тарарака стала торжественно зачитывать приговор. Виктор уже давно знал, что его ожидает. Хват и Бобрыжный приговаривались к расстрелу, Залесский к пятнадцати годам пребывания в колонии строгого режима.

Но Тарарака просто озверела. Суд вынес восемь частных определений в адрес адвокатов и всех неугодных обвинению свидетелей.

Слушая приговор и частные определения, вынесенные Тараракой, Виктор только утвердился в правильности принятого решения – не участвовать в этом позорном спектакле. Его охватила какая-то мальчишеская злость на эту бабу, и после зачтения приговора он вдруг закричал, обращаясь к уже покидающей зал судье:

– До свидания, Надежда Кирилловна, я с вами не прощаюсь! Мы с вами обязательно встретимся...

* * *

И вот Виктор снова в той же самой камере холодногорской тюрьмы, где он ранее провел уже почти полгода в ожидании исполнения приговора. Все было вроде то же, сырой асфальтовый пол, три решетки на окне, облупленные панели грязно-зеленого цвета.

Только Виктор был другой.

Виктору дали свидание с адвокатом для ознакомления с кассационной жалобой.

Жора не успокаивал Виктора, в этом не было смысла. Разговор был только по делу. Адвокат отметил, что Тарарака сделала большой тактический просчет, вынеся столько частных определений в адрес свидетелей защиты. Она обвинила их в лжесвидетельстве. В то же время она не привела ни малейшего серьезного доказательства, ставящего под сомнение показания этих людей. Теперь Верховный Суд вынужден по жалобам этих людей давать оценку правдивости их свидетельских показаний, и, конечно, это будет не в пользу Тарараки. Они распрощались спокойно, хотя в глубине души каждый из них вполне мог полагать, что эта встреча была последней. Ведь никто не мог исключить, что вынесенный приговор согласован не только в Харькове, но и в Киеве.

Жизнь в камерах смертников текла по уже знакомым Виктору законам. Каждое движение, приглушенный шорох за дверью воспринимались с тревожным напряжением. Со страхом переживали каждую пятницу. Привозили и через день, два уводили каких-то людей, приговоренных в других городах. Когда-то запущенный смертельный конвейер делал свое дело.

Через три с половиной месяца после приговора, 14 сентября 1964 года, после обеда Виктор услышал лязг и грохот открывающейся двери, решетки и последовавшую команду:

– На выход, с вещами!... Быстро!.. Быстро!..

Впервые в истории советского судопроизводства людей, приговоренных к высшей мере наказания, нужно было доставить в Верховный Суд для участия в рассмотрении их кассационной жалобы.

И вот они уже втроем в «воронке» под усиленным конвоем едут на железнодорожную станцию Харьков-Сортировочная. Здесь их грузят в вагонзак, идущий в Киев. Каждого помещают в отдельное купе. Такое впечатление, что вагон полупустой. Во всяком случае в первой половине вагона из заключенных, кроме них, никого нет.

Утром вагон отцепили на каком-то незаметном необустроенном полустанке. Охрана погрузила ребят в «воронок», и вскоре они въезжали во двор знаменитой Лукьяновской тюрьмы. На вахте молодой надзиратель весело воскликнул, обращаясь к сопровождающей охране:

– Что?... На размен привезли? – и сделал выразительный жест рукой, нажимая пальцами воображаемый курок.

– Отведите их в разные боксы, – скомандовал надзиратель.

Через час за Виктором пришла целая компания мрачных, неразговорчивых надзирателей, надели наручники и, окружив плотным кольцом, отвели в камеру. Они вошли в перегороденный решеткой и дверью коридор, а затем в камеру с дверью и решеткой. Конечно, это была камера смертников.

Запомнившейся особенностью камер смертников в лукавской тюрьме была физически ощущаемая гробовая тишина. Пол в коридоре был устлан половиками, все петли и замки были хорошо смазаны, за дверью и даже за окном ничего не было слышно.

Следующий день Виктор запомнил на всю жизнь.

Долгое время Виктора никто не беспокоил. Он прилег на нары лицом к дверям и слегка задремал. И вдруг у него глаза широко открылись от ужаса. Дверь совершенно бесшумно открылась, и в камеру тихо вошли четыре или пять человек. Офицер вполголоса приказал:

– Встать! Фамилия, год рождения, срок?... С вещами на выход!

Вещи у Виктора надзиратели забрали, надели наручники, плотно окружили и повели. И вдруг среди сопровождавших его он увидел человека в белом халате.

Врач!.. Все! Это конец!

Трезвые мысли о предстоящем кассационном рассмотрении, реальных сроках этого рассмотрения буквально выскочили из головы, и там остался один панический страх.

– Налево, вниз...

Кровь ударила Виктору в голову, перед глазами все поплыло, два надзирателя крепко подхватили его с двух сторон и стали помогать ему спускаться по лестнице.

Они очутились еще на одной лестничной площадке, впереди идущий офицер открыл дверь...

Яркий дневной свет ослепил Виктора. Вся группа оказалась в тюремном дворе. Виктора завели в транспортный бокс. Долго там держали, потом пришел парикмахер, побрил, и через некоторое время уже с заметно меньшей помпезностью отвели назад в камеру.

Эта странная прогулка отняла у Виктора хороший кусок жизни. Позже он узнал у Володи, что такая же «шутка» была проделана и с ним.

На следующий день всех троих погрузили в «воронок» и доставили в здание Верховного Суда на улице Чекистов. Виктора ввели в большой зал. Среди массы незнакомых молодых людей Виктор заметил в первых рядах мать потерпевшей, ее родственников, общественного обвинителя Покроева. Они с неприязнью смотрели в сторону подсудимых и отпускали какие-то угрозы.

И вдруг Виктор увидел свою мать, родителей Бобрыжного и Залеского, его сестер, коллег по работе. Виктору это было очень приятно, но он был несколько удивлен их поведением. Они впервые по-настоящему радостно улыбались, приветственно махали руками и вообще чувствовали себя довольно раскованно.

Позже Виктор узнал, что большинство молодых людей в зале были не праздными любопытными. Это были студенты-юристы, которым посчастливилось присутствовать на одном из самых необычных процессов в истории юриспруденции. Приговоренные к высшей мере наказания были доставлены в высшую кассационную инстанцию для дачи показаний.

В зале появился прокурор и трое защитников. Вид у Жоры был очень торжественный, его традиционная улыбка сегодня была шире, чем обычно.

В зал вошли судьи. Это была Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда УССР в составе председательствующего Кузовкина А. С. и членов суда Загороднюка В. М. и Ярославского В.Д.

Суд начался довольно оперативно, прямо с допроса осужденных. Первым давал показания Виктор. Как ни старался Виктор рассказывать спокойно, что с ним произошло и как его сделали преступником, но у него ничего не получалось. Голос дрожал, срывался.

Необычным было то, что в зале стояла гробовая тишина и никто его не перебивал. Видно было, как судьи постоянно делают заметки. После этого они начали задавать вопросы. На Виктора буквально обрушился шквал вопросов.

Отвечать Виктору было несложно. То, что он говорил, было действительно правдой и только правдой.

На следующий день их снова привезли в суд. Их больше не допрашивали. Станным Виктору показалось, что защитники выступали раньше прокурора, поддерживающего обвинение. Может быть, так принято в кассационных инстанциях?

Защитники выступили блестяще, особенно Прокопенко. Он шел, если можно так сказать, паровозом в тройке адвокатов. Он буквально уничтожил доводы обвинения. После окончания его выступления Виктор с удивлением услышал в зале сначала редкие хлопки, а потом настоящие аплодисменты. Это аплодировали присутствующие на процессе студенты. Гулкий бас Кузовкина призвал присутствующих к порядку.

Виктор обратил внимание, что, в отличие от харьковского суда, здесь судьи слушали адвокатов очень внимательно и постоянно делали какие-то заметки.

Как и в Харькове, адвокаты требовали прекращения дела за недоказанностью и освобождения осужденных из-под стражи.

Совершенно иная картина была в зале, когда выступал прокурор. Это был относительно молодой еще человек. Выступал он без малейшего энтузиазма, с каким-то отстраненным видом. Судьи его чуть ли демонстративно не слушали и разговаривали о каких-то своих проблемах. Кузовкин неожиданно прервал прокурора и, глядя на часы, задал ему вопрос:

– Сколько еще времени нужно вам для выступления? Если можно, пожалуйста, покороче...

После этой просьбы прокурор быстро, буквально скороговоркой, закончил свое выступление. Только он сказал последнее слово, председательствующий объявил время следующего заседания, и судьи мгно-

венно исчезли. Столь же быстро ребят отвели в «воронок» и отвезли в тюрьму. Они не могли понять, чем вызвана такая поспешность. Узнали они об этом несколько позже. В шесть часов была очень важная кубковая игра киевского «Динамо», и весь город спешил на стадион. Судьи и присутствовавшие в зале не составляли исключения.

На следующий день с утра Виктора никто не беспокоил. Он уже настроился на этап в Харьков. Об этом именно он и думал, когда дверь опять бесшумно открылась и в камеру вошел какой-то веселый старшина. Стоя перед Виктором в небрежной позе, вращая на пальцах ключи, он приказал:

– Собирай свои пожитки и постель сложи...

Старшина позвал его, и они быстро пошли на выход. Во дворе тюрьмы сопровождающий с нескрываемой насмешкой стал приставать к Виктору с расспросами:

– Ну, может, ты расскажешь, как девку трахнули?.. – и неожиданно рассмеялся.

Он завел Виктора в транспортный бокс и попрощался.

Пришел еще один надзиратель и отвел его в комнату для обысков. Там сидело несколько чело век. Появление Виктора вызвало у всех веселое оживление:

– Вот еще один герой.

Раздался смех присутствовавших, и один из них заявил:

– Ты сейчас выходишь на волю... Только не падай. Не веришь? Вот посмотри предписание на обыск.

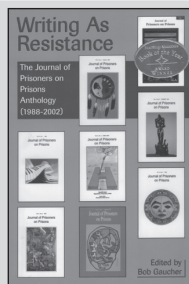
Виктор недоверчиво посмотрел на подсунутый листок и увидел: «Обыск на освобождение»...

***

Руководствуясь ст. ст. 363, 364, 379 УПК УССР судебная коллегия по уголовным делам УССР определила:

Приговор Харьковского Областного суда от 30-31 мая 1964 года в отношении Бобрыжного В.Э., Хвата В. М. и Залесского В. Н. – отменить, а дело в отношении их прекратить за недоказанностью их участия в совершении преступления...

Бобрыжного В. Э., Хвата В.М., Залесского В. Н. – немедленно из под стражи освободить...

Writing as Resistance. Edited by Bob Gaucher. Canadian Scholars' Press Inc. Toronto. 2002. 538 p. / Антология материалов, написанных заключенными, нынешними и бывшими, и опубликованных в *Journal of Prisoners on Prisons* с 1998 по 2002 г./

Виктор Хассин¹

Письмо Джоанне²

Дорогая Джоанна,

Я постараюсь ответить на вопросы, которые ты задала в своем письме, хотя эти вопросы куда труднее, чем ты думаешь (например, «Почему Вы это делаете (пишете) и с какими трудностями Вы сталкиваетесь...»). Я так долго не отвечал на твое письмо, потому что мне пришлось немало поразмышлять над тем, «почему» я пишу. Вообще-то писатели-заключенные вынуждены преодолевать невероятные препятствия, чтобы, во-первых, обрести голос и, во-вторых, заставить людей их услышать.

Понимаешь, в отличие от узников прошлого, которые с полным основанием могли назвать себя «политическими заключенными» из-за институционального расизма, или социально-экономической несправедливости, или потому, что условия тюремного содержания были настолько бесчеловечны, что большинство узников и впрямь оказывались меньшими преступниками, чем их тюремщики, я считаю себя всего лишь

¹ Вскоре после окончания юридического колледжа, в 1981 году Виктор Хассин был приговорен к пожизненному заключению без права помилования в Пенсильвании. Он является автором книги «Жизнь без права помилования: тюрьма сегодня». Его деятельность оказала большое влияние на кардинальные перемены в пенсильванских тюрьмах.

² Джоанна – студентка, член специального семинара по изучению тюремного опыта на основе личных свидетельств заключенных. Виктор регулярно участвовал в работе семинара, направляя туда письма, статьи, аудиозаписи, а весной 1999 года – и в ходе прямой телевизионной конференции. Это письмо является его ответом на коллективные вопросы членов семинара.

самым обычным преступником. Я – заключенный, живущий в относительно человеческих условиях, учитывая, что я осужден за насильственное преступление. Поскольку обычные преступники лишены высоких моральных убеждений, нам трудно заставить себя услышать.

Хотя общество, которое многих своих граждан бросает за решетку и навешивает на них ярлык «обычный преступник», рискует превратить их в будущих мучеников в глазах революционно настроенного слоя дезориентированных и антисоциальных мятежников, тем не менее голоса этих диссидентов могут восприниматься всего лишь как невнятный шум озлобленной толпы. Давай взглянем фактам в лицо: если против невыносимых несправедливостей системы уголовного правосудия станет протестовать Аль Капоне, представляющий тысячи членов мафиозных семей, то такой протест можно назвать несерьезным и лицемерным, особенно если сравнить его с протестом Нельсона Манделы против той же самой системы.

Всякие попытки понять, почему это так, несомненно, вызвали бы большие споры, но такова печальная реальность и от нее нельзя просто отмахнуться (не Торо ли сказал: «Да кто ты такой, что говоришь так громко? Я тебя не слышу!»). Так что одно из больших препятствий, с которыми сталкиваются сегодня писатели-заключенные, это их статус обычных преступников, потому что из-за этого их голос заглушается вязкой атмосферой недоверия.

Впрочем, можно не без оснований заявить, что наши законы о наркотиках и иные законы социальной инженерии превращают бедняков и наркоманов в преступников исключительно с целью обезопасить положение высших классов, но этот спор мне как писателю-заключенному не интересен. Реальность такова, что избранная обществом тактика называть произведения писателей-заключенных писаниной обычных преступников, похоже, является весьма эффективной, и к голосам современных узников нет доверия не только у их тюремщиков, но также и у собратьев по перу.

Чтобы ты лучше поняла, о чем я говорю, расскажу тебе историю из моего писательского опыта. Когда я попал в тюрьму, я был хорошо образованным человеком, особенно по сравнению с моими новыми соседями, чье образование в основном исчерпывалось шестью классами начальной школы. Еще я отличался от них тем, что не боялся и не ненавидел бюрократов, которые мной командовали. Я ведь закончил юридический колледж, где меня научили понимать бюрократию и общаться с чиновниками, поэтому я и был способен воспринимать/уважать своих тюремщиков как чиновников при исполнении своей работы.

Несмотря на это преимущество, меня жутко угнетало чувство стыда за то, что я оказался за решеткой, и этот стыд лишил меня смелости выска-

зывать несогласие и протест. Джоанна, я не могу описать тебе, как сильно чувство стыда может изуродовать человека, лишить его зрения, слуха и речи. В течение многих лет, проведенных в заключении, я отказывался принимать посетителей, кроме ближайших родственников и адвокатов. Я не писал домой и боялся получать почту. Я ощущал ужасный стыд, когда внешний мир проникал сквозь тюремные стены, стыд от того, что меня считали обычным преступником, – и поэтому я изменил свой голос, чтобы его никто не услышал, чтобы никто не узнал о моей никчемности и не сделал меня объектом пристального публичного изучения. Изоляция от общества была для меня намного более мучительной, чем физические условия существования в тюремном изгнании.

Итак, я находился в тюрьме, где меня обеспечили сносным кровом и пищей и иными удобствами, при этом сгорая от стыда и испытывая страх за свое будущее. Страх и стыд омрачали мою повседневную жизнь в первые несколько лет заключения, и все мои мысли и поступки в то время были нацелены лишь на то, чтобы выжить и сохранить анонимность.

Я испытал первый «позыв» писать в 1983 году после того, как стал свидетелем страшной попытки самоубийства. Однажды ранним утром, часа в два ночи, когда я возвращался к себе в камеру со смены в тюремном лазарете, я заметил на полу под дверью соседней камеры окровавленный палец. Оказалось, что сидящий там заключенный нанес себе жуткие увечья бритвой, буквально исполосовав свое тело. Кровь хлестала из порезов, нанесенных им самим, и куски окровавленного мяса свисали с его туловища, точно их ободрали, как шкурку с апельсина.

Тут же прибежали санитары, положили искромсанного человека на носилки для мусора и понесли в лазарет. Он беспомощно лежал на куче мусора, отрывая от себя клочья мяса и умоляя дать ему возможность умереть. Как только его унесли, в нашем отсеке быстро восстановился привычный порядок, и большинство заключенных преспокойно заснули, забыв о только что увиденном. Охранник вернулся на свой пост. Никто не выразил ни малейшего сочувствия или сожаления. А какой-то предприимчивый заключенный даже попросил перевести его утром в освободившуюся камеру, потому что в нашем отсеке, оказывается, радиотелевизионная антенна принимала передачи без помех.

Я был так потрясен этим происшествием, что на какое-то время избавился от своего стыда и страха и написал стихотворение о жуткой сцене самоубийства и всеобщем равнодушии. Это стихотворение написалось само собой, без малейшего усилия, и у меня даже мысли не возникло, что его надо куда-то отправить. Оно получилось очень кровавым, это стихотворение, с натуралистическим описанием того, что я видел, и было про-

никнуто гневом против системы, которая порождала такую безнадежность и такое равнодушие. И самое неожиданное, этот гнев был также обращен и на меня самого – молчаливого соучастника этого зверства.

Спустя несколько месяцев я – сам не знаю, почему – показал это стихотворение тюремному служащему-волонтеру, и он посоветовал мне связаться с комиссией писателей-заключенных американского ПЕН-центра – нью-йоркской организации, которая оказывает моральное и материальное содействие заключенным, описывающим свой тюремный опыт. Что я и сделал, хотя тогда еще я не был готов к роли писателя-заключенного и продолжал вести невидимую жизнь, исполненную страха и стыда. Тем не менее я начал читать сочинения других заключенных и позавидовал их таланту и мужеству.

Год спустя я решил сделать своему брату необычный подарок ко дню рождения. К тому моменту я уже более трех лет провел за решеткой, и, описывая в письмах свой тюремный быт, познакомил брата с богатым жаргоном, который повседневно использовался в моей тюрьме. Меня тогда – да и потом – не могла оставить равнодушным грубая откровенность обыденной речи заключенных, которая чем-то привлекла и моего брата, поэтому я написал вымышленные воспоминания молодого парня о его приключениях в тюрьме.

Рассказ назывался «Приключения Слима». Я сочинил его, используя тюремный жаргон для описания реальных событий и трагедий, и в конце поместил маленький словарь жаргонных слов и выражений с примерами их употребления. Рассказ этот получился страшным, жестоким, агрессивным и местами пересыпанным похабными шуточками. В комической форме я попытался воссоздать разные моменты выпавшего на мою долю тяжелого испытания. По сути дела, я дал своему брату и себе возможность отстраненно, без лишних эмоций взглянуть на реальность моего положения, что и позволило нам обоим посмеяться сквозь слезы над моей трагедией.

Этот рассказ стал поворотным моментом в моей судьбе, потому что теперь я обрел способ занять себя делом, но не утрачивая при этом анонимности и стыда. В конце концов, ведь меня зовут Виктор, а не Слим. Моему брату рассказ понравился, и он постоянно просил меня «рассказать, что случилось со Слимом дальше», и это подвигло меня раскрыть в этих рассказах свою душу. Скоро объем рукописи «Приключений Слима» дошел до 35 тысяч слов. Разумеется, ее никто не читал, кроме нас с братом, потому что ни он, ни я еще не набрались мужества вынести нашу боль на суд публики.

Много лет я удовлетворял свои «попытки» к писательству, добавляя все новые и новые главы к «Слиму», а потом давал читать написанное

брату, и мы с ним получали взаимное удовольствие от этих тайных исповедей. Я не знаю, отчего мой брат решил оставаться в тени моей анонимности, но я оставался в ее тени, потому что страх и стыд, порожденные моим тюремным опытом, не оставили во мне ничего, кроме животного инстинкта самосохранения и привычки к существованию в одиночку (как в эмоциональном, так и в физическом смысле), которые и стали моими путеводными звездами.

В тюрьме сталкиваешься с тиранией разного рода: с тиранией этого социального института, наказания, страха, равнодушия, авторитета власти, самоуничужения, одиночества и стыда. Эти тираны не только ограничили мои возможности для самовыражения, но и всегда держали меня в состоянии гнева. Все мои поступки – хорошие и плохие – были продиктованы гневом. Вот почему я безоглядно нырял в опасный (иногда смертельно опасный) омут тюремной политики и тюремных реформ, не заботясь о личной безопасности, так как в глубине души мне было наплевать, выживу я или погибну. Существование под гнетом тирании порождает бесшабашное равнодушие к собственной жизни, потому что главным твоим врагом является будущее.

Так продолжалось по крайней мере десять лет, и хотя я, несомненно, многого добился (в смысле осуществления положительных перемен в стенах моей тюрьмы), духовно и эмоционально я умирал, потому что я подчинился своему гневу, который обесценивал любую мою победу: одно лишь самокопание не может смягчить озлобленное сердце, а гнев никогда не перерождается в чувство глубокого удовлетворения или гордости. Я подал на тюремные власти в суд и выиграл дело, я построил синагогу и гостиницу для посетителей, я спас бесчисленное число жизней и душ, но не сумел спасти себя от стыда и страха. Для меня лично это было тяжкое время. Время, когда я думал, надеялся, желал и жил как заключенный – и не более того.

Осенью 1986 года меня перевели в другую тюрьму. Этот перевод оторвал меня от друзей и родных. Казалось, меня отправили в другую страну. И это усилило мое гнев, еще более ожесточило меня, поэтому, едва очутившись на новом месте, я стал строить в голове планы новых судебных исков и новых конфликтов с системой. При том, что мои цели были благородны, мною двигали отнюдь не благородные мотивы, ибо я прежде всего хотел возвыситься над своим гневом, чтобы придать высокий смысл всему тому, что я затевал.

Спустя месяц после прибытия в новую тюрьму (это была «Вестерн пенитеншиери»), я оказался невольнo втянут в тюремный бунт. Раньше я уже участвовал в нескольких бунтах, но этот отличался исключи-

тельной жестокостью (которая отражала условия содержания заключенных в этой тюрьме). Помню, как поначалу я ни во что не вмешивался, глядя, как бунтовщики крушили все подряд, и испытывал сладкое чувство удовлетворения. С жестокой радостью наблюдал пожар в тюрьме, акты чудовищной жестокости и зверства.

И вот для того, чтобы изжить в себе гнев, мне потребовалось стать свидетелем вопиющих проявлений жестокости, потому что я вдруг воочию увидел, во что этот гнев может когда-нибудь превратить меня самого. После бунта я понял, что мне нужно снова раздуть искру человечности в своей душе и что для этого есть лишь один способ. Мне нужно кого-то полюбить.

Понимаешь ли, тюрьма превратила меня в высохший стебель и серезного мужчину, я избегал эмоциональных привязанностей и проявления чувств точно так же, как избегал случайных сексуальных связей. Просто если бы я позволил себе не быть равнодушным к другим людям, мне бы пришлось также не быть равнодушным по отношению к самому себе, и тогда, в конце концов, я был бы вынужден вступить в схватку с демонами своего стыда. Кроме того, в тюрьме проявление добрых человеческих чувств часто воспринимается как признак слабости и провоцирует физическое насилие со стороны других заключенных. Но теперь страх стать похожим на выживших бунтовщиков, которых я увидел в этой тюрьме, оказался сильнее страха стать человеком.

Вскоре после тюремного бунта я познакомился с волонтеркой, влюбился в нее, и именно благодаря этой любовной страсти мне удалось вновь оживить всю гамму своих эмоций. И только тогда я оказался способен стать заключенным-писателем. Естественно, моим первыми пробами пера были любовные письма и стихи, но что может быть лучше для обретения утраченного самовыражения! Моя любовь к Деборе позволила мне постепенно преодолеть свой страх и стыд. Я перестал быть просто заключенным и вновь стал человеком. Вот когда я и сумел написать о разыгрывающихся вокруг меня трагедиях, потому что я наконец смог осознать их не просто как «дело житейское». И чем больше я любил Дебору и чем больше она любила меня, тем больше я писал о своем тюремном опыте.

Именно в тот период я перестал хранить в тайне свои произведения. Я принял участие в объявленном ПЕН-центром конкурсе среди заключенных-писателей, и мое стихотворение удостоилось специальной награды. Это достижение, которого я добился, движимый отнюдь не гневом, стало для меня источником большой гордости. И я стал писать уже регулярно. Вскоре я начал рассылать свои произведения людям, которым, как мне казалось, они не будут безразличны (друзья-

ям, родственникам, университетским преподавателям, волонтерам – работникам тюремной системы и тюремному начальству).

В 1989 году меня опять перевели в другую тюрьму, но теперь я не был ни пришибленным, ни озлобленным, я просто писал, писал, писал...

В 1990 году я написал пьесу («Круги Сна»), в которой протестовал против смертной казни, потому что в моей новой тюрьме приводились в исполнение смертные приговоры, вынесенные в штате Пенсильвания. Эта пьеса также была отмечена на конкурсе писателей-заключенных ПЕН-центра, а самое главное, начальник моей тюрьмы разрешил поставить ее силами тюремной самодеятельности. И вот однажды вечером, в ста метрах от того самого места, где власти штата казнили сотни осужденных, дюжина заключенных разыграли перед пятьюстами заключенными и представителями местной общественности спектакль – акцию протеста против санкционированного властями убийства.

Мы не устроили ни поджогов, ни беспорядков, ни актов насилия – это был всего лишь спектакль, в котором заключенные заявили свою позицию. И когда зрители встали и устроили овацию актерам и моей пьесе, я понял, что не смогу позволить себе снова стать заложником своего страха и стыда. И теперь я пишу не потому, что испытываю гнев, но потому, что я хочу воссоединиться с обществом – как созидающий человек. В конце концов, разве в этом мы не едины?

Словом, самое серьезное препятствие для писателей-заключенных сегодня – это их статус обычных преступников, их стыд, насилие и равнодушие, царящие в современных тюрьмах, а также отсутствие поддержки со стороны литературных кругов (печальный пример Джека Эббота³ к сожалению, заставил литературный истеблишмент повернуться спиной ко всем обычным преступникам, а ведь деятельность комиссии американских заключенных-писателей нуждается в признании, поддержке и расширении).

Не знаю, насколько помогут тебе эти заметки, и если что-то для тебя еще остается неясным, я постараюсь в дальнейшем дать более исчерпывающий ответ.

Искренне твой,
Виктор

³ Джек Эббот – убийца, автор написанного в заключении романа, который привлек внимание американского писателя Нормана Мейлера. После развернутой Мейлером кампании был выпущен условно-досрочно из тюрьмы, но вскоре совершил еще одно убийство и получил пожизненный срок.

«Литёрки»: красные пауки пожирают друг друга

Диву даешься иногда, сколь много скрывает какое-нибудь маленькое, незначительное на первый взгляд словечко. Впитало оно в себя и мучения людские, и ужас нравственного падения, и судьбы малых мира сего... Человек может врать, подтасовывать факты, изворачиваться, надеясь, что за далью лет истлели документы, отошли в мир иной свидетели. Не то – Слово. Оно – высший судия. Надо только уметь прочесть его свидетельства.

О картежных играх арестантов, о различных «вольтах» и «примочках» можно рассказывать долго. Но сейчас для нас интересен только один факт. Дело в том, что на уголовном жаргоне валет, дама, король и туз именуются «картинками», остальные же карты – «литёрками». И ни один арестант не объяснит вам толком, откуда пошло это название. А история его начинается еще в далеких 30-х...

Слово «литёрка» происходит от латинского «литера» – буква. Но почему «буква»? Ведь на картах-литёрках (в отличие от «картинок») никаких букв нет – одни цифры! Дело в том, что изначально литёрка к игральным картам не имела никакого отношения. Родилось слово в конце 30-х, в самый разгар сталинского террора, когда репрессии обрушились в основном на представителей партийного и советского аппарата, видных руководителей, военачальников, деятелей культуры, интеллигенции. Именно в ту пору безобидное слово «литера», или «буква», обрело зловещий смысл. Человек, обвинявшийся в политическом преступлении, не проходил через суд. Его судьбу решало так называемое особое совещание при НКВД СССР (созданное в 1934 году). В приговоре фигурировала не статья уголовного кодекса, а аббревиатура, обозначающая преступление, которое инкриминировалось обвиняемому. Например, АСА (антисоветская агитация), АСВЗ (антисоветский военный заговор), ЖВН (жена врага народа), ЖИР (жена измен-

ника родины), КРА (контрреволюционная агитация), КРТД (контрреволюционная троцкистская деятельность) и т.д. Разумеется, большинство этих «литер» были, мягко говоря, «липовыми». Но сейчас мы о другом. Те, кого судили по «литерной» статье, на арестантском жаргоне получали нейтральное прозвище «литерники». Среди «блатарей» и «уркаганов», правда, более популярны были эпитеты «контрик», «враг народа», «политик» и проч. Но основная масса «сидельцев», повторяем, на первых порах ограничивалась нейтральным «литерник» (или «литерный»).

Так почему слово вдруг изменило свою форму? И велика ли разница между «литерным» и «литёркой»? Это даже не разница – пропасть. Но чтобы понять, насколько она глубока, для начала хотя бы представим, насколько глубока была пропасть между обычными людьми – работягами, крестьянами, мелкими служащими – и руководящей элитой. В том числе и интеллигенцией, приближенной к «кормушке».

Да, 30-е годы – это не только «лишенцы», крестьяне, десятками тысяч умиравшие от голода, расстрелы «спецов-вредителей», серые толпы безликих обывателей. Все это было типичной средой типичного гражданина Советской республики. Но в этой республике существовала и элита. Сытая. Шикарно одетая. Не знающая ни в чем отказа. Элита, которая свысока глядела на все эти «чистки», коллективизацию, голод, грабеж населения, нищету... Многие не только смотрели, но и сами проводили такую политику в жизнь. Пропагандировали ее и славили. Мы говорим о партийно-советской номенклатуре.

Членство в партии в 20–30-е годы было необходимостью для человека, который хотел достичь «степеней известных». Противопоставление «партийный – беспартийный» было выражено как никогда после. Беспартийный имел меньшую зарплату и меньше шансов на выдвижение, первым увольнялся при сокращении, последним получал комнату или путевку в санаторий и пр. Нормой общения между партийными и беспартийными были кастовая замкнутость и высокомерие, с одной стороны, заискивание и приниженность – с другой.

В некоторых анкетах по изучению половой жизни спрашивалось: «Удовлетворяете вы свои половые потребности с коммунисткой, проституткой или беспартийной?» («беспартийная» идет **после проститутки!**) У Виталия Федоровича в очерке о Турксибе секретарь парторганизации рассуждает: «Если ты грамоту произвел хорошо... даже в гимназии и высше учился... но не партийный ты, не большевик... а живешь с нами... – то и не человек ты есть!»

Старый гулаговский зэк, интеллигент Олег Васильевич Волков очень точно – хотя и зло – нарисовал портрет новых хозяев жизни: *«Эта уже в те годы достаточно четко выделившаяся общественная формация успела приобрести черты, которые отличали ее от всех когда- и где-либо складывавшихся аппаратов управления и бюрократии. Чтобы попасть в эту элиту, не требуется знаний, тем более умения самому работать. Пригодность кандидата определяется в первую очередь его готовностью беспрекословно выполнять любые указания и требования “вышестоящего” и заставлять подчиненных работать не рассуждая. Само собой исключаются умствования, нравственная брезгливость: все, что на жаргоне советских сановников презрительно отнесено к разряду “эмоций”. Зато безоговорочная исполнительность, рвение в стиле аракчеевского девиза “усердие все превозмогает” и льстивость обеспечивали подчиненным полную безответственность...»* («Погружение во тьму»).

А теперь представьте этих людей вырванными из сытой жизни и брошенными в самую гущу того народа, за счет которого они жировали. В одну камеру, в один барак с ним... Как должен был этот самый народ взирать на вчерашних царьков? На тех, по чьей вине он голодал, а может, лишился крова и свободы. Жалел ли он их, этот народ? Сочувствовал ли? Как бы не так... И дело даже не в «блатных», которых чекисты натравливали на «политиков». Дело в том, что «воров» и уголовников молчаливо поддерживало большинство арестантов. Обратимся к уже цитированным мемуарам Олега Волкова, который так оценивал «партийцев»:

«Большинство расходившихся по лагерю новичков переживало внезапное и крутое ниспровержение, тем более горькое для многих, что этому резкому переходу предшествовало длинное и упорное, унижительное выкарабкивание из низов.

...Потрясение, о котором я упомянул выше, не было тем ужасом и отчаянием, что охватывают человека, вдруг уразумевшего мерзость и непоправимость совершенных им злых дел. Не было началом раскаяния при виде причиненных людям страданий, а лишь возмущением обстоятельствами, швырнувшими их на одни нары с тем бессловесным и безликим “быдлом”, что служило им дешевым материалом для безответственных социальных экспериментов и политической игры. Они не только не протянули руку братьям, с которыми их соединило несчастье, но злобились и обособливались, как могли отгораживались от лагерников прежних наборов. Всякое соприкосновение с ними пятнало, унижало этих безупречных, стопроцентно преданных слуг режима.

Все это, считали отставные советские партдеятели, происки врагов, агентов капитализма...»

Арестанты из простого народа смотрели на этих ниспровергнутых нуворишей как на заморские диковины, и уж явно не с одобрением. Вот как описывает в своих мемуарах Ольга Слюзберг отношение раскулаченной крестьянки Моти к «начальничкам», попавшим на нары: *«Мотя... целые дни лежала с закрытыми глазами и слушала разговоры Нины и Вали. Обе они были красивы и молоды, не старше 30 лет. Нина – жена крупного военного работника, Валя – жена секретаря обкома. Они очень подружились и целыми днями вспоминали о своей прежней жизни... Им казалось, что Мотя спит, а она жадно прислушивалась и время от времени, обернувшись ко мне, шепотом сообщала свои наблюдения:*

– А у Вали-то домработница была; свекровь дома сидела, и домработницу держали.

– Так ведь она работала, а дома ребенок.

– Ну, парню восемь лет, и бабка дома. Нет, просто избалованные!

В другой раз Валя рассказала какой-то смешной случай, как к ним пришел важный, но не желанный гость. Она спряталась от него в детской, а муж заперся и заснул в кабинете. Гость пил со свекровью чай... Мотя... мне сообщила на ухо:

– Четыре комнаты было.

– Почему четыре – детская, кабинет и общая, всего три.

– Нет, у свекрови отдельная была. Нинке она рассказывала... У Нинки три шубы было: котиковая, белая меховая и с собой здесь бостоновая с лисой... Жили начальники!

– Да что ты всех начальниками зовешь? Может, я тоже начальником была?

– Нет, твой муж учитель. Это рабочий человек. А ихние – начальники.

Не любила она начальников! Надо сказать, что некоторые основания для этого у нее были: за свои восемнадцать лет она не раз сталкивалась с начальниками, и каждый раз эти столкновения приносили ей немало горя».

В другом месте Слюзберг рассказывает о десятнике Колмогорском, к которому пришла просить за свою женскую бригаду, за три дня выполнившую лишь три процента дневной нормы. Десятник угощает ее спиртом и говорит: *«Плохо, очень плохо... Ну, сделали бы полноремы, а то три процента. Согласитесь, маловато. Признавайтесь, бегают ваши дамы к мужчинам?»*

– Нет, нет! Разве вы не видите, какие это люди? Как они стараются изо всех сил. Ведь это же все бывшие члены партии...

И вдруг с лица Колмогорского кто-то сдернул маску любезного собеседника, и я увидела звериный оскал.

– Ах, бывшие члены партии? Вот если бы вы были проститутки, я дал бы вам мыть окошечки и вы делали бы по три нормы. Когда эти члены партии в 1929 году раскулачивали меня, выгоняли из дома с шестью детьми, я им говорил: “Чем же дети-то виноваты?” Они мне отвечали: “Таков советский закон”. Так вот, соблюдайте советский закон, выбрасывайте по 9 кубометров грунта! – Он хохотал... – Подождите-ка, дамочка! Я вас могу перевести бригадиром к девушкам в дом. Ведь вы-то не были членом партии? Я видел ваше дело» («Путь»).

Следует вспомнить и о последствиях широкомасштабной травли интеллигенции, которую развернула Советская власть накануне и в период индустриализации. Эта кампания тоже не прошла бесследно. Многие «бытовики» и большинство «блатных» воспринимали «образованных», «культурных» арестантов как людей второго, а то и третьего сорта.

Но вернемся к проблемам лингвистическим. Очень скоро нейтральный эпитет «литерник» по отношению к «политикам» сменяется презрительным – «литёрка». В этом слове чувствуется явное пренебрежение. «Литёрка» подразумевала не просто арестанта, осужденного по «буквам». «Литёрка» – это холуй, прислужник, мелкий, ничтожный человек. Появилось и производное от него «литерить»: быть на побегушках, угождать. Ясно, что метаморфоза произошла под влиянием жаргонных «шестерка», «шестерить» (в тех же значениях). Но почему? Прежде чем ответить, отметим, что обидное прозвище прилипло далеко не ко всем «литерным», «контрикам». Заводские и фабричные работники, крестьяне, осужденные «по букве» (а таких тоже было немало) в лагерях становились «мужиками» (словечко, возникшее в период коллективизации), «фраерами» – но не «литёрками»! Клеймо приставало обычно только к чиновникам партийно-советского аппарата, руководителям разного ранга, интеллигенции, «прикормленной» верхами, родственникам всех этих «изменников родине»... И не случайно. В лагерях многочисленное племя «литерных» находилось на положении изгоев. «Политических» разрешалось использовать только на ТФТ – работах, связанных с тяжелым физическим трудом: лесоповал, кайление камней, угле- и золотодобыча и пр. Показателен в этой связи эпизод из рассказа Варлама Шаламова:

«Крист стал лебедчиком... А потом приехал какой-то бытовик-механик, и Крист опять был послан на шахту, катал вагонетку, на-

сыпал уголь и размышлял, что механик-бытовик не останется и сам на такой ничтожной, без наvara, работе, как шахтный лебедчик – что только для “литёрок” вроде Криста – шахтная лебедка – рай...» («Лида»). Для людей, на свободе привыкших к нелегкому повседневному труду, лагерные общие работы были изнурительными, тяжелыми, но у «мужиков» все-таки была возможность справиться, выжить. Для бывших «начальничков», «образованных» испытание оказывалось губительным. Многие из них, не знавшие физических нагрузок и голода, быстро деградировали, становились «доходягами», «огнями» (оборванцами), шарили по помойкам в поисках объедков, вылизывали чужие миски... В ГУЛАГе в это время появляется «арестантская этимология» известного слова «бич» (заимствованного из английского морского сленга, где оно означает «матрос, списанный на берег»). В советских лагерях «бичами» стали называть опустившихся арестантов – грязных, оборванных, с потухшим взглядом, ради подачки готовых на любые унижения. А расшифровывалось это слово так – «бывший интеллигентный человек»...

Однако превращению «литерных» в «литёрок» способствовала не только их деградация до уровня «бичей», но и другие признаки морального падения. Да, многие не выдерживали испытания неволей. Но не выдержать можно по-разному. Можно гордо умереть. Можно умереть тихо – от непосильных нагрузок и голода. А можно стать униженным и презираемым холуем. «Литёрки» выбирали последний вариант. И многие – выживали. Некоторым из них выпадало «счастье» оказаться в «шестерках» у «блатарей» или у «бугров» – зэков-бригадиров, живших посытнее и поспокойнее. Они развлекали «почтенную публику», «тискали романы» (пересказывали сюжеты известных авантюрных романов или сочиняли собственные истории), а нередко просто выступали в роли клоунов. Такого «интеллигента» выводит Шаламов в рассказе «Артист лопаты». Заместитель бригадира Оська развлекает своего пьяного начальника: *«Оська... послушно пошел в пляс, приговаривая:*

Я купила два корыта,

И жена моя Розита...

– Наша, одесская, бригадир. Называется “От моста до бойни”. – И преподаватель истории в каком-то столичном институте, отец четверых детей, Оська снова пошел в пляс».

Другим «литёркам» везло больше. Им удавалось пристроиться на ЛФТ – легкий физический труд: в лагерные больницы фельдшерами, санитарями, писарями или на другие должности, требовавшие грамот-

ных исполнителей. Правда, приказами и инструкциями было категорически запрещено использовать на этих должностях «политиков». Но запреты эти нарушались. Среди «блатарей» грамотных было мало, а желающих работать где бы то ни было – еще меньше. Поэтому поневоле начальство привлекало «контриков». Легкий труд был, конечно, несказанным счастьем для «литерников». Но счастье было зыбким. Чтобы удержаться, надо было постоянно угождать, подстраиваться, угадывать и исполнять малейшие желания руководства. Что многие «литерники» и делали. Разумеется, это не могло укрыться от зоркого арестантского взора. Так вскоре «литерники» превратились в «литёрок» – отпетых холуев.

Мне приходилось беседовать со многими людьми, прошедшими ГУЛАГ. И, как ни прискорбно, большинство из них утверждало: «политиков» нередко отличали жадность, нелюдимость, кастовая замкнутость, подозрительность... Общались они зачастую только с себе подобными, нередко в камерах и на этапе предпочитали не делиться ничем с остальными «сидельцами» (в которых видели только представителей «дна», уголовников и «врагов социализма»). Все это отталкивало от них остальных заключенных. В таком поведении «литерных» сказывалась их особая психология, мировоззрение. В той, прошлой «вольной» жизни «литёрки» были все-таки элитой. В смутное время раскулачивания, голода, изматывающей работы и продовольственных карточек они стояли в стороне от этих бурь и потрясений. Довольство и достаток они считали нормой жизни. На этапе, в камере свой «сидор», или «кешарь» (как тогда называли вещевой мешок), они считали только своим. Личным. В крайнем случае делились с ближайшим товарищем-партийцем. Делить на всех им казалось диким. А вдруг ты подкармливаешь бандита или кулака – злейшего врага родной республики?! Считая себя осужденным несправедливо, «литёрка» в то же время воспринимал остальных как «настоящих преступников» и вел себя соответственно. Читая воспоминания бывших политических лагерниц и лагерников, не устаешь удивляться чванству, недоброжелательности «политиков» даже к себе подобным. Попадавшие впервые в камеру не желали разговаривать с остальными, не верили ни единому их слову, даже оскорбляли камерных «аборигенов». Одна из «литерных» вспоминала, например, что в пересыльной камере несколько женщин-заключенных отказались с ней общаться только потому, что у них срок подходил к концу, а ей оставалось сидеть еще семь лет. Значит, она на семь лет виновнее! Конечно, было бы несправедливо давать такую оценку всем «политическим». Но ведь далеко не всех из них и называ-

ли «литёрками»... Хотя, к сожалению, позже это прозвище стало распространяться на основную массу «контриков». Ушел в прошлое ГУ-ЛАГ, а жаргон сохранил и донес до нас обидное и постыдное словечко «литёрка» – мелкая картишка, которую так легко побить и отбросить в сторону...

Итак, всеилие «блатных» в сталинских лагерях основывалось не только на поощрении со стороны начальства. Их презрение и ненависть к «политическим», «образованным» находили поддержку и в рядах «мужицкой» арестантской массы. Потому крестьянские парни и тянулись к «блатному братству». Потому и бытовало определенное различие между «мужиками» и «фраерами». «Босьяк» и «мужик» легче понимали друг друга, нежели «фраерюгу». Он был не их круга. У него была другая психология. Это сказывалось во всем. Шаламов, например, в рассказе «На представку» поведал жуткую историю, как «блатарь» хотел расплатиться за карточный долг свитером, который увидел на «фраере». Тот не пожелал расстаться с дорогим для него подарком жены – и его зарезали. Жестокость. Зверство. Но, может, разумнее все же было отдать?

В общем, все зависело от того, мог ли человек играть по новым правилам. Ведь, в конце концов, «блатной» мир вполне лояльно относился к так называемым «битым фраерам» – тем, кто умел постоять за себя, легко адаптировался в арестантской среде.

Но о «фраерах» – рассказ отдельный...

ЗА СТЕНОЙ

МЕДИЦИНСКИЙ СПЕЦНАЗ

Алена Арманд

Бурашевские

«От желтых таблеток блюешь, от белых – слюни до полу и башка отлетает. Есть такие, что сплющит губы или шею завернет на весь день. Если в жопу всех поколют, то вся палата ползает и ноет – ни спать, ни сидеть спокойно не могут. Кто убегает, того колют в пятку...» Это рассказы моих ребят. Я работала воспитателем в школе-интернате для сирот-олигофренов в селе Хотилицы. Все они побывали в областной психиатрической лечебнице в Бурашево.

Бурашево – место, знаменитое на всю Тверскую область. В городах и деревнях, в глухих медвежьих углах встречаются бурашевские – те, кто побывал там. А уж таких ребят, как мои тогдашние воспитанники, эта чаша никак не миновала.

Дело в том, что сирот в нашем государстве хватает, и с ними хватает хлопот. От них же бывает доход. В инвалидных домах персоналу платят больше, чем в неинвалидных. И еще преимущества с отпусками и пенсиями. Но со слепыми, глухими, с даунами, дэцэпэшниками много возни – с ложки кормить, горшки выносить. С олигофренами легче, правда, они подвижней и способны на всякие пакости. Они балуются (или еще не балуются, но, возможно, будут баловаться), поэтому их нужно подкорректировать, и они станут понимать дисциплину.

Записывают в олигофрены легко. Делят на три категории: дебилы, имбецилы, идиоты. Так сказать – путевка в жизнь. Из роддома, через дом малютки, дом ребенка, детдом попадают они в школу-интернат. Здесь начинается их девятилетнее образование в объеме начальной массовой школы. И вот обнаруживается, что они разные, как и мы с вами. Кто-то глупый, а кто-то не очень, кто заторможенный, кто расторможенный, а кто и нормальный. И разные они по понятным причинам. Один может быть недокормыш еще с материнской утробы, а у другого стресс – папа с мамой убивали друг друга прямо на глазах, один – дитя алкоголиков, другой –

наркоманов, этот родился от четырнадцатилетней матери или болел энцефалитом, а того ни разу в жизни на руки не взяли.

Чтобы процесс обучения шел плавно, чтобы учащиеся были спокойными и педагогам чтоб жилось спокойно, регулярно и планомерно учеников школ-интернатов отправляют «подлечиться» в Бурашевскую психбольницу. Профилактический курс – четыре месяца. Если у воспитанника наблюдаются симптомы – например, разбил стекло, украл, пойман с куревом, обозвал директора, – этот воспитанник едет вне очереди. И многие не помнят, сколько раз были там. Похоже, что и школа, и больница рассчитывают на то, что учащиеся не запомнят, просто не могут помнить, что было в их жизни. Что в школе получали ключами по голове, каблуком в висок, лбом об радиатор. И еще всякое, вроде отправки на колхозные работы к председателю-педофилу. Больница же надеется, что дети не вспомнят сульфазин, аминазин, галоперидол. А если вспомнят, то кому расскажут? Да и кто им, дуракам, поверит? Это узаконенные будничные дела. Это было и при одном директоре, и при другом директоре, и до, и после перестройки. Система отлажена.

Ну, кто, скажите, будет слушать Власова из 6-го, что его по наущению директора была вся школа, а директор со свитой наблюдал с крыльца? А потом он три недели жил голый под замком. Это за кражу. После чего был отправлен в Бурашево и там забыт на год. Главврач ругался: «Мы его держим, но здесь не дом отдыха. У него нет диагноза, но раз он у нас, мы его лечим. И мы ему впишем диагноз! Заберет его когда-нибудь школа или нет?»

Власов вернулся. Отечный, синюшный, медлительный и отъединенный ото всех и всего. Говорил, что его пригласили сюда работать замдиректора. Но недолго лето летовал: через месяц или два был снова отправлен в Бурашево.

А Лилька Александрова из 4-го класса по возвращении из Бурашева лишилась речи (а раньше болтала лишнее) и пряталась на шкафу. Через несколько месяцев речь вернулась. Узнали мы, что плюс ко всему ей еще делали и «купалку». Это когда человека туго завертывают в мокрую простыню и кладут на пружинную сетку. Несколько часов он дрожит от холода. Потом простыня высыхает, сжимается и душит. Если не исправился – могут намочить еще раз, не распеленывая. Лилька, конечно, врушка, но про эту «купалку» и другие говорили.

По возвращении страдала Лилька простуженными почками. Но смирной не стала. За свой неумный нрав была она со своей бурашевской подружкой посажена за парту носом к стене – спиной к доске на целый учебный год. Бита бывала – это уж само собой. На следующую

зиму обеих перевезли в Кошарово – заведение для тяжелых инвалидов, таких, которых никому не показывают. «Мы с ними сидели, когда ночные пьяные. Дети легко умирают: рот раскроют и душа вылетит. Их под лестницей складывали», – рассказывала Лилька-имбецилка.

Этих двух подружек удалось забрать из крепких объятий собеса. Писать-читать они так и не освоили, зато в деревенском быту всемоу неплохо научились. Но Лилька и через несколько лет не подходила ко взрослым людям ближе, чем на вытянутую руку...

Судьба двух девочек сложилась так, что Маринка гугнивая (почти не говорит) родила трех детей. Двух растит сама, и при муже. Кстати, нормальные, хорошие дети. А Лильки больше нет. Умерла от пиелонефрита. Лечение почек – дело дорогое. В областной больнице не лечат «неперспективных» больных. Умерла злой смертью, страшно мучилась.

В то время, когда приезжала в школу психиатриня отобрать очередную партию в Бурашево (3–5 минут на человека), ребята мои бледнели и трепетали. Кто сам еще не был – знал от бывалых. Не только мучительство в самой психушке пугало их. Не дураки – понимали, что в будущем эта напасть уже потом не оставит: «С ихним диагнозом потом с тобой дружить никто не станет и жениться тоже. Права водительские не дадут даже на мопед».

Вот уже 15 лет я всматриваюсь в жизни тех своих воспитанников – наблюдаю следы и последствия перенесенного ими в детстве. Они уже взрослые – все трудоспособные и обучаемые, вопреки диагнозу трех степеней. Все по-разному. Но дело в том, что почти с полного ноля после девятилетнего обучения в домашней обстановке они стали читать и писать, и многие неплохо. Но вот общая (бурашевская?) черта – мышление их конкретно. Абстрактное и непостижимое начинается для них уже с таблицы умножения. Сложение-вычитание – в уме ли, на пальцах, на половицах – это достижимо. Но умножение – непреодолимый барьер. И этот их общий низкий потолок – одно из достижений карательной педиатрии.

Есть у них еще одна общая беда. «Бурашевский» – самая обидная кликуха, обзываловка. Вот они уже взрослые, а к кому-то она пристала вместо имени. Так и умирают с ней спившиеся мужики...

Мои не обижают этим прозвищем друг друга почти никогда, но все равно они унижены и глубоко уязвлены на всю жизнь.

«А нам по фигу, мы дураки, дебилы...» Это общее у них – приниженность, неверие в свои силы и страх выйти из своего мирка, из своей деревни.

Уже не дети: зарабатывают, ведут свое хозяйство и все в быту умеют. Вот и семьи, и дети родились. Хорошие, кстати, дети, ничуть не

отсталые, красивые, общительные. Но это так уж повезло. По мнению психиатров, этого не может быть. А родители их отличаются мрачным взглядом на жизнь. Если появляется новый человек, они постараются повернуться спиной, не поздороваться, спрятаться. У них общая убежденность в подлости мира...

Портал «Ювенальная юстиция в России»

(<http://www.juvenilejustice.ru>) –

удобный инструмент для накопления и обмена информацией о процессе становления в России системы ювенальной юстиции.

Для кого создан портал?

- для судей, специализирующиеся по делам несовершеннолетних,
- социальных работников при судах,
- преподавателей и слушателей юридических дисциплин и психологии в вузах,
- представителей социальных служб по профилактике безнадзорности и правонарушений среди подростков,
- всех, кому небезразлична судьба наших детей.

В разделе **Пилотные проекты** аккумулирован **опыт применения ювенальных технологий в России**.

Раздел **Документы** содержит международное и российское законодательство, постановления пленумов Верховного суда РФ, **обобщения судебной практики и сборники методических рекомендаций**, статьи специалистов в области ювенальной юстиции.

В разделе **Мероприятия** – сведения о научно-практических мероприятиях (с 2000 г.), включая и запланированные на ближайшее время.

Раздел **Сетевое сообщество** – это **удобный инструмент для обмена информацией между его участниками**.

Чтобы стать членом сетевого сообщества, достаточно иметь электронный почтовый ящик (E-mail). Пройдя процесс регистрации и подписки на интересующую Вас тему, Вы можете работать в сетевом сообществе, стать **постоянным собеседником** большого количества **профессионалов-единомышленников**.

Рабочая группа портала создана при Ростовском филиале Российской академии правосудия.

Владимир Пшизов

Психиатрия тронулась?

В 1983 году советская психиатрия была удалена из ВПА (Всемирной психиатрической ассоциации) за «преступление против человечности». В истории были прецеденты, когда по этой статье международные трибуналы судили целые государства и системы, и здесь аналогии прямые. Номенклатурное руководство психиатрией советского времени утверждает, что ушли, мол, сами... За 6 лет до этого ухода-изгнания результаты голосования на Всемирном съезде психиатров позволили советской психиатрии удержаться в ВПА с баскетбольным счетом в свою пользу – 86:84. В 1983 году сборная СССР по психиатрии, составленная исключительно из номенклатурных работников (в ней не было ни одного реального врача-психиатра, то есть лечащего врача) под мудрым руководством тогдашнего ее наставника Модеста Кабанова верно определила прогноз предстоящего голосования и ретировалась, чтобы избежать гарантированного поражения.

И, действительно, в 1983 году силы были не равны. На Западе стали известны многочисленные случаи применения психиатрической изоляции к свободомыслящим, дискриминации их ярлыком психиатрического диагноза с целью поражения в правах. В руки западных юристов и специалистов попали оригиналы «экспертиз» из краснознаменного ЦНИИСП им. В.П. Сербского, не тех экспертных актов, сутками переписывавшихся в отделении Даниила Романовича Лунца в ожидании приезда иностранных комиссий, а оригиналов. К тому времени многие действующие лица, персонажи этих шедевров экспертного творчества, оказались за пределами СССР. В сопровождении правозащитников и юристов они поджидали советскую психиатрическую

В. Пшизов – врач-психиатр, кандидат медицинских наук (участковый психиатр, судебный психиатр в спецбольнице, психиатр «Скорой помощи»).

номенклатуру на Всемирном съезде психиатров в 1983 году. По настоятельной рекомендации сверху номенклатурному руководству психиатрией пришлось нажать на таймере кнопку «исход» из ВПА, провозглашая при этом, что мы, мол, все равно правы, чему никто не поверил, да они и сами не верили.

Always verify your reference, как говорят новые интеллектуалы. Обратимся и мы к первоисточникам, к «Комментарию» к законодательству Российской Федерации в области психиатрии¹, авторство которого принадлежит Институту государства и права Российской академии наук, а также Государственному научному центру социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. Так вот, на стр. 19–21 в пунктах 3–4 мы читаем: *«В бывшем Советском Союзе имели место факты использования психиатрии в немедицинских, в том числе политических целях – для подавления или избавления от неугодных некоторым должностным лицам людей. Отрицание этих фактов, отказ от их расследования и гласного обсуждения привели к тому, что отечественная психиатрия на протяжении нескольких лет была лишена возможности участвовать в деятельности международного профессионального сообщества – Всемирной психиатрической ассоциации. Определенный урон был нанесен и престижу государства на международной арене. В Российской Федерации признано, что помещение на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения применялось государством по политическим мотивам, то есть являлось политической репрессией»*. В скобках за этой цитатой в тексте Комментария перечисляются статьи закона, регламентирующие статус и порядок реабилитации «жертв политических репрессий». Пункт 4 на стр. 20 начинается с фразы: *«Среди многочисленных причин злоупотреблений психиатрией, и прежде всего в политических целях, было отсутствие должного законодательного регулирования оказания психиатрической помощи»*. И далее: *«Слишком общие и недостаточно определенные формулировки ведомственных подзаконных актов в сочетании с отсутствием вневедомственного контроля за деятельностью врачей-психиатров и отсутствием права на судебное обжалование в сферах оказания психиатрической помощи создавали почву для вольных или невольных злоупотреблений. Наложившись на вышеупомянутые стереотипы общественного сознания, они привели к распространению в обществе антипсихиатрических на-*

¹ Москва, издательство «Спарк», 1997, под общей редакцией министра здравоохранения РФ, доктора медицинских наук, профессора Т.Б. Дмитриевой.

строений, падению престижа профессии психиатра, а главное – к ущемлению прав лиц, страдающих психическими расстройствами. Нет нужды цитировать далее этот «Комментарий» общим объемом 363 страницы, в котором приводится и текст Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»².

Отредактировав этот «Комментарий», Т.Б. Дмитриева дала разъяснения по телевидению, каковы должны быть структурные и кадровые реформы в психиатрии (я видел как минимум три ее выступления и ссылаясь на них в передачах по «Радио Свобода», «Эхо Москвы в Санкт-Петербурге» в связи с 35-летием вступления наших войск в Чехословакию, а также в передачах питерской радиостанции «Открытый город»). Мои комментарии полностью совпадали с перспективной программой, которую нарисовала Т.Б. Дмитриева. Вот некоторые из этих пунктов в свободном пересказе.

1. Современные большие психиатрические больницы малоуправляемы и своим видом зачастую отпугивают как больных, так и их родственников.

2. Специалистов, которые именуются психиатрами, в стране избыток, их количество должно быть существенно меньше. В то же время должно быть увеличено число психотерапевтов различных профилей (психоаналитиков и т.п.), с которыми человек может просто поговорить, а не приобрести ярлык психического заболевания.

3. Должно быть расширено число небольших частных психиатрических клиник. Предполагается значительное очеловечивание условий пребывания в них, в том числе и доступность такого рода услуг для лиц со средним (по реальным российским стандартам) достатком.

4. Акцент оказания психиатрической помощи должен быть перенесен на различные виды амбулаторных услуг.

Я считаю, что на этот текст, настоящим автором которого является проф. Т.Б. Дмитриева, правозащитники должны подыскать музыку и сделать его своим гимном.

И еще фрагмент из небольшого выступления Дмитриевой: для широкой аудитории телезрителей было сказано, что психиатрические репрессии применялись в тех случаях, когда у властей не хватало аргументов...

Один из всемирно известных исторических персонажей как-то сказал: «Кадры решают все». Не знаю, кто на самом деле был автором

---

² Закон был принят 2 июля 1992 года Верховным Советом, а затем подписан Президентом РФ.

этого афоризма, но в нем что-то есть. Представим себе, что некоей организованной структуре, построенной по принципу государственности, в каком-нибудь иностранном городе (возьмем первое случайно пришедшее на ум название, допустим, Нюрнберг) международный трибунал предъявил обвинение в «преступлении против человечности», а потом, оставив ее руководящие кадры на своих должностях, в качестве наказания предложил бы нечто историческое, то есть высечь самих себя: покаяться и перейти на работу в новом демократическом режиме, а именно в режиме доброты и человечности. Что произошло бы?! Все верно – то, что и происходит. Ведущие функционеры такой организации (все, как один, партайгеноссе, бывшие главврачи, директора институтов психиатрии, главные специалисты, никогда не работавшие врачами, то есть неспециалисты) продолжали бы действовать на основе привитых им рефлексов практики и диагностики, именно рефлексов, поскольку признать за ними способность к относительно свободному и независимому мыслительному процессу нельзя...

Поэтому, после того как в 1988 году с использованием наработанных заграничных психиатрических связей «обновленческая» российская психиатрия совершила тихую инвазию в ВПА, затем в 1989 году не то объявив, не то не объявив полубормотанием где-то на чьей-то странице об этом факте, психиатрические партайгеноссе стали на минутку вдруг являться в каком-нибудь из углов голубого экрана. С амимическими и непроницаемыми выражениями физиономий они своими маломодулированными голосами стали изрекать стереотипию, достойную серьезного психиатрического диагноза: «В Советском Союзе в психиатрических больницах не содержалось ни одного диссидента, у которого не было бы психиатрического диагноза». А один умник с московской пропиской и психиатрической профессорской ксивой в кармане как-то изрек: «Психиатрия – наука точная». Среди «партайгеноссе нелечащих врачей» дружно прошелестело: да, мол, очень точная, и никакой принцип относительности на нее распространен быть не может.

В начале 60-х годов, когда я был молодым психиатром, я как-то услышал по радио концепцию новой психиатрии, которую одной фразой проверещал на весь мир «Наш Никита Сергеевич» – шел тогда фильм с таким названием – «Против социализма может выступить только сумасшедший». Форма этого визга и явилась новой психиатрической доктриной, а разработкой «концепта» занялся Снежневский, который почти все психозы для удобства или по недомыслию перевел в рубрику шизофрении. Мы, молодые психиатры, тогда сразу поняли: тому, кто

не согласен с предписаниями «ума, чести и совести эпохи» предстоит непростой профессиональный путь, если не хочешь измазаться в за-казах партийной власти и психиатрической номенклатуры на установление «паранояльной психопатии», «паранояльной шизофрении», «паранояльного развития личности» и «вялотекущей шизофрении».

Мы, практические психиатры, редко встречаемся со случаями, когда мог бы быть установлен один из перечисленных диагнозов. Эти диагнозы относятся к регистру личностных особенностей, что является не формой болезни с неизменным привлечением психиатра, а проблемой самого человека, его родственников, сослуживцев и, в конце концов, суда, который обладает множеством правовых механизмов приведения к порядку любого гражданина и может не вспоминать при этом об аминазине, галоперидоле, инсулиновых или электрошоках... Так было с достойнейшими гражданами Малороссии, Иваном Ивановичем и Иваном Никифоровичем, страстность натуры которых привела к развитию у них выраженного паранояльного развития личности. Им все сочувствовали, проводили с ними психотерапию в меру своей квалификации, но никто не проводил в отношении их никакой психиатрической экспертизы и максимум мер явилось лишь соболезнующе-сочувственное отношение автора, который, несомненно, находился с ними в самых дружеских отношениях: «Скучно на этом свете, господа»...

Что касается вялотекущей шизофрении, то эта клиническая форма в новой классификации психических расстройств 10-го пересмотра (МКБ³ или ISD – 10) перекочевала в группу личностных девиаций под названием «шизоаффективное расстройство личности», то есть была отнесена к регистру расстройств характера, идентичных психопатии.

Каждая цивилизация имеет свое понимание психической нормы, когда дело касается личностного регистра. Социально-психологический норматив личностной неполноценности в общемировом представлении можно выразить кратко: неспособность к протесту – первый и главный признак психической неполноценности. Это атрибут рабской общности, интересы которой учитывать бесполезно, поскольку у такой общности нет перспективы к выживанию. Я не хочу развивать эту тему, поскольку она выходит за пределы темы настоящего эссе, и, к тому же, ничего нового в ней нет, постулат-то аксиоматичный...

Тот, кто знаком со штампами экспертных заключений ЦНИИСП им. Сербского советского периода, помнит, что существовал и такой: гр-н (к примеру, Липутин – я беру нейтральный персонаж из «Бесов» Дос-

товского) психическим заболеванием не страдает, а обнаруживает признаки психопатии (указывается форма). Следовательно, может отдавать отчет в своих действиях, руководить ими и в отношении содеянного является вменяемым. Об этой формулировке в 1960–1970 годах мечтал Виктор Файнберг с сотоварищами, с которыми мне пришлось общаться в специальной психиатрической больнице бывшего Ленинграда (на ул. Арсенальной, 9). Для диссидентов такая формулировка означала получение определенного срока заключения, перевода в колонию-лагерь, в среду, возможно, единомышленников, во всяком случае, людей без психоза, а также гарантий некоторых прав бытового характера, юридических процедур в минимальном объеме. В психиатрии же эти процедуры осуществлялись на основе «целесообразности» и отдавались «на усмотрение». Более подробно ситуация бытия диссидентов в среде пациентов спецбольницы описана в моей книге «Синдром замкнутого пространства. Записки судебного психиатра» (2002 г.), а к особенностям судебно-психиатрических экспертиз 70-х годов прошлого столетия я возвращаюсь в более поздней книге «Психиатру ум не нужен. Записки психиатра скорой помощи» (2005 г.). В этих книгах я привожу очень малую часть документальных зарисовок из моей 42-летней работы в качестве практического психиатра...

Сторонники возникшего в 60-е годы в США общественного течения, объединенные идеологией «антипсихиатрии», и ряд психиатрических авторитетов отказывают психиатрии в праве называться наукой. Если представители общественных течений мотивируют свои декларации социально-юридическими аргументами, то психиатры основываются на том, что у проблемных психических расстройств отсутствуют главные критерии научности (этиология и патогенез), то есть неизвестны причины и механизм развития болезни. Знаменитый немецкий психиатр и философ середины XX века Карл Ясперс подчеркивал, что психиатрия – эмпирическая, феноменологическая отрасль медицины, накопившая много фактов, но не досрочая до того качества, чтобы называться наукой в истинном значении слова.

Для подтверждения обратимся к двум обстоятельствам. Известно, что как только становится известной причина психического расстройства, оно уходит от психиатров к другим специалистам и даже исчезает из классификации психических расстройств, что произошло с эпилепсией; а ранее, лишь только открыли бледную спирохету, исчез из поля зрения психиатров сифилис головного мозга, знаменитый прогрессивный паралич (в советское время определяемый студентами-медиками так: «советский паралич – самый прогрессивный в мире»).

Несколько слов о психиатрических диспансерах и системе учета, основанных на личном опыте работы в качестве участкового психиатра во Фрунзенском районе г. Ленинграда с 1964 по 1967 год. Если бы психиатрические диспансеры не отпугивали клиентов-пациентов ярлыком диагноза и зачастую дискриминирующей личностью формой учета, их деятельность была бы более полезной. Что касается причин возникновения и существования психоневрологических диспансеров, то приведу слова одного из инициаторов создания диспансерной системы учета психически больных в СССР профессора Георгия Викторовича Зеневица, который в период моей работы в диспансере был у нас консультантом. Профессор Г.В. Зеневиц в 1965 году только что вернулся из далекой империалистической Финляндии, где он находился в командировке с несколькими советскими психиатрессами. Профессор поведал нам об условиях содержания финских пациентов в психиатрических стационарах: больные содержатся в двухместных палатах (в одноместных международное право людей держать не разрешает, воплотив в жизнь идею темпераментного У. Черчилля, который заявил, что тех, кто держит людей в одиночках, он сам в них и содержал бы), на каждого приходится персональный телевизор и видеотелефон, по которому в любое время можно вызвать медперсонал (это в начале 60-х годов XX столетия), а внизу, рядом с десятиэтажным зданием психиатрической лечебницы стоит пара сотен личных автомобилей больных, которыми они могут воспользоваться в любое время суток, кроме глубокой ночи, а также упомянул, что сопровождавшие его психиатрессы изъявили желание обменять свои кооперативные квартиры на палаты для финских психически больных и что быть финским сумасшедшим не страшно и не позорно... В процессе этой диспансерной конференции авторитетный профессор сообщил нам, двум десяткам в основном молодых психиатров, следующее: «Диспансерный учет психически больных существует только в СССР. Вам это доподлинно известно, а кто не знает, можете мне поверить, я это все тут, в СССР, и затевал, ну, не совсем один, конечно. У американцев, к примеру, в Нью-Йорке, никаких диспансеров нет и в помине, и если кто из пациентов нарушил закон, то это проблема полиции. Психиатры уже потом разбираются, к кому с какими мерками подойти. В Нью-Йорке по приблизительным подсчетам сейчас около 50 тысяч психически больных живут где придется, в том числе и в метро. А вы знаете, что явилось причиной возникновения психиатрического диспансерного учета?» Мы в ответ промямлили что-то насчет того, что за душевнобольными нужно гуманистическое наблюдение. «Причиной возникновения психиатрических диспансеров

и системы наблюдения за психически больными стало появление в СССР коммунальных квартир. Вы приходите в такую квартиру на 10 или 15 семей и сразу же получаете все сведения о больном, который там живет. Чтобы его госпитализировать, вам его и видеть-то необязательно, достаточно убедиться, что он за дверью, услышать его голос. Как только все получают отдельные квартиры, что у нас провозгласили партия и правительство, диспансеры умрут, ну, не так уж совсем, но от них останутся рудименты». Тогда я почти дословно записал эти слова одного из основоположников организации психиатрических диспансеров в СССР, но процесса умирания своего детища Георгий Викторович не увидел. В быстро строившемся в то время новом районе Ленинграда – Купчине – больные из нашего диспансера стали получать отдельные квартиры, и если психиатра никто не вызывал, а ты являлся с целью профилактического наблюдения, то на звонок в квартиру или никто не отвечал, или из-за двери доносилось неизвестно кому принадлежавшее: «Врача не вызывали». Больше эту квартиру посещать не было смысла. По данным санкт-петербургского депутата Томчина в 2004 году в городе еще существуют 18% процентов коммунальных квартир, которые, согласно основателю психиатрического диспансерного учета покойному проф. Г.В. Зеневичу, поддерживают жизнедеятельность этой формы амбулаторной помощи психически больным.

Возвращаясь к истокам и особенностям советской репрессивной психиатрической практики, следует заметить, что вся диагностическая доказательность психиатрии как эмпирической науки держится на иллюстрациях, убедительности описания (нет физической возможности перечислить тех, кто, не являясь официально психиатрами, лучше всех описали психические расстройства: Ф. Достоевский, Л. Толстой, А. Чехов, В. Гаршин, Ф. Сологуб, Ф. Кафка, В. Набоков, Н. Гоголь, Агутагава Рюноске и так до бесконечности). Кстати, из психиатров лучшие клинические описания мы находим у людей с явным художественным талантом, таких, как П.Б. Ганнушкин и В.П. Бруханский.

А вот и скромная попытка поделиться своим личным наблюдением. В Санкт-Петербурге (бывшем Ленинграде) работал некий психиатр из очень обеспеченной – по советским меркам – семьи, некто Борис Маркович (я не называю его фамилии). Борис Маркович не прощал администрации ни одного неправомерного действия в свой адрес, и каждое замечание или выговор обжаловал в суде. В 70-е годы у него был личный адвокат, некто Елисеев, входивший, как поговаривали, в пятерку самых успешных адвокатов Ленинграда. В судах Борис Маркович следовал всем рекомендациям адвоката Елисеева, сидел

молча, позволяя себе лишь в заключительном слове выплеснуть на администрацию все, что в виде слухов и сплетен разносилось по психиатрическому учреждению, причем во время такого не менее чем 50-минутного выступления Борису Марковичу с молчаливым сладострастием внимал коллектив учреждения, с администрацией которого судился Борис Маркович. Когда-то, в 1974–75 годах, Борис Маркович был ординатором в отделении, которым я заведовал в спецбольнице. В общем, это был не очень конформный и коммуникабельный врач среднего уровня, исполнительный и без вредных пристрастий.

На моих глазах администрация спецбольницы решила от него избавиться, но когда увидели, что выдуманный компромат на Бориса Марковича я не подпишу, то во время моего очередного отпуска его уволили по статье с тремя довольно глупыми выговорами. В суде, где Борис Маркович оспаривал свое увольнение, я сказал, что считаю это увольнение несправедливым, после чего моя работа в спецбольнице утратила перспективу... Далее Борис Маркович судился в других местах с другим начальством, и наконец психиатрическая номенклатура города, организовав негласную комиссию, поставила ему диагноз «шизофрения», уволила с последнего места работы, принудительно установила инвалидность 2-й группы по психовТЭК и направила на экспертизу в ЦНИИСП судебной психиатрии им. Сербского. Врач-психиатр Борис Маркович пробыл на стационарном обследовании в институте 4,5 месяца (дело было в конце 70-х – начале 80-х годов), где с него сняли диагноз психического заболевания, инвалидность, и он был восстановлен в должности врача-психиатра в той больнице, которая инициировала всю указанную процедуру.

Борис Маркович доработал до пенсии по возрасту на прежнем месте и сразу же уволился. Как-то, году в 1986 или 1987, я случайно встретил его и спросил: «Расскажи-ка, Боря, чего там интересного с тобой в институте Сербского было? Ведь я в нем в 1972 году защитил диссертацию по тюремным психозам, повадки-то их знаю». Мне Борис Маркович доверял, поскольку, как он говорил с удивлением, еще никто ни разу не дал в его пользу показаний на суде, поэтому он сообщил мне буквально следующее: «Ты знаешь, с врачами я разговаривал пару раз, и то поверхностно, да и о чем говорить-то. Жил в психиатрическом отделении для тихих больных, читал книги, смотрел телевизор, ходил на прогулки». – «И все?» Он подумал и добавил: «Еще перед выпиской ко мне заходил один мужик, не простой, серьезный такой... Потом мне сказали, что это куратор психиатрии от КГБ. Этот мужик сказал мне, чтобы я постарался вести себя потише, а то в следующий раз даже их

организация меня не спасет... "На ваших профессоров даже у нас сил не хватит", – вот буквально его слова».

Борис не был диссидентом, он был не политическим, а бытовым борцом за свои права, таких было много, и о них никто ничего не знал. Они вели себя так, как по среднестатистической норме ведут себя американцы, придерживаясь принципа Цицерона «Если люди не могут между собой договориться, в силу вступает конституция», и решают споры в суде. Это не укладывалось в гомосоветическую норму.

В период работы на скорой психиатрической помощи однажды я привез какого-то страждущего в приемный покой психиатрической больницы, где работал Борис Маркович. В эти сутки дежурным врачом была дама, заведовавшая одним из отделений больницы. Я спросил ее: «Как там мой дружок Борис Маркович поживает?» Она сообщила доверительным тоном: «Все пишет. Опять на администрацию жалобу настроил, руководству города. Как вы считаете, нормальный он?» – «А о чем написал-то, что-нибудь бредовое?» – попытался я выяснить. «Ну, как обычно, что кругом непорядки, медперсонал больных обворовывает, с пищеблока администрация мясо сумками носит», – сказала дежурный врач. «Конечно, все это ненормально, – согласился я. – А ваш главный врач пробовала у больных мясо не воровать?» Я удостоился взгляда, каким смотрят на ненашего, иного, пришельца, представляющего опасность для воровского патриотического социума, и мы с бригадой убыли на линию.

Пафос и практика любой партии, в особенности КПСС, всегда мне представлялись неприемлемыми, я не делал карьеру, и моя позиция независимости ограничивала мои карьерные возможности. Моим потолком в СССР как беспартийного были должность заведующего отделением и ученая степень кандидата наук. Все выше этого назывались номенклатурой райкома, горкома, обкома КПСС. Почему я упоминаю об этом? Несколько раз за последние годы, выступая в судах в качестве специалиста-психиатра или эксперта, из разговоров с молодыми адвокатами я убедился, что они не знают, чем в наше время был статус «номенклатуры», определявший границы карьерных притязаний беспартийного. Нужно ли это знать? Думаю, да, чтобы понимать, что в советское время все заведующие кафедрами психиатрии, все директора психиатрических НИИ, все главврачи психиатрических больниц являлись номенклатурой КПСС, каковыми остаются до сих пор.

Схема карьеры номенклатурщика от психиатрии проста и стереотипна: один-два года побегал в ординаторах, вступил в партию и стал партгруппоргом. Младшие по должности коллеги (обычно беспартий-

ные) собирают и обрабатывают материал для кандидатской диссертации. Обзор литературы, в частности в НИИ по психиатрии, нередко писали пациенты, поскольку лишь они знали иностранные языки, а партийным товарищам было не до этого, да и природный ресурс не способствовал овладению иностранным. После защиты кандидатской диссертации с докторской все шло веселее, чему напрямую способствовал к этому времени административный пост.

В 1969 году во время прохождения усовершенствования по судебной психиатрии в ЦНИИСП им. Сербского я получил научного руководителя – профессора Н.И. Фелинскую, заведующую 3-м отделением. Она предложила мне не терять времени, идти в библиотеку института и писать обзор литературы. При обсуждении списка литературных источников профессор Фелинская вычеркнула диссертацию директора ЦНИИСП проф. Г.В. Морозова «Психогенный ступор». «Это можно не читать, все по этой теме вы найдете в моих работах. Диссертацию Георгию Васильевичу написала я, он ведь директор института, человек занятый, ему некогда», – пояснила Нина Игнатьевна. Н.И. Фелинская была блестящим клиницистом, она рассказала мне, что один дед у нее был генералом царской армии, а другой написал гимн шляхетской Польши. Ее другом был Ганс Селье, родоначальник «концепции стресса», который в одной из публикаций подразделял администраторов, пристраивавшихся в соавторы к ученым-подчиненным, на «шакалов», «акул» и т.д., в зависимости от ранга. Эту информацию я получил от своего высокоцитируемого учителя Нины Игнатьевны Фелинской, которая вела себя сообразно своему происхождению и на предложение участвовать в заказной экспертизе одного из братьев Медведевых (сейчас точно не помню, Роя или Жореса) ответила с легкой брезгливостью: «Не хватало, чтобы еще я была замешана в возне с этими психопатами». На нашем языке это означало, что психоза там нет и подписи под невменяемостью от нее заказчики не получат..

Кое-какое представление о Г.В. Морозове, всемирно известном директоре ЦНИИСП им. Сербского времен генерала Григоренко, писателя Буковского, художника Шемякина и интеллигента Файнберга можно получить в моей книге «Синдром замкнутого пространства», где я описываю Георгия Васильевича как человека со здоровым коньячным румянцем на лице и приятным, покладистым характером, с которым всегда и обо всем можно было договориться, не впадая в коллизии паранояльного регистра...

Не будучи в силах покончить с неприличной манерой в качестве первоисточника ссылаться на собственные публикации (страшно, ви-

димо, что кроме тебя самого о тебе никто и не вспомнит), приведу еще одно клиническое описание карьеры номенклатурщика от психиатрии: некто Роман Матвеевич Болденко (фамилия чуть изменена), будучи членом КПСС, написал вначале кандидатскую диссертацию, в качестве клинического эксперимента взяв для нее 200 больных спецбольницы. 100 больных были с диагнозом «затяжной реактивный психоз» и 100 – с шизофренией. Диссертант ввел этим двум сотням больных препарат ДЛК (диэтиламид лизергиновой кислоты), известный в остальном мире под аббревиатурой ЛСД, вызвав тем самым обострение заболевания (психоза) и обобщил этот научный материал. В Высшей аттестационной комиссии отказались было утверждать диссертацию, зная, что международное право запрещает такие эксперименты на людях, однако бывший Главный психиатр Советской Армии, добрейший Николай Николаевич Тимофеев лично посетил ВАК, имел там беседу, и диссертация партайгеноссе Романа Матвеевича была утверждена. Теперь проф. Болденко заведует кафедрой психологии и психиатрии, является Заслуженным врачом РФ, недавно отпраздновал 70-летний юбилей и на покой не собирается, потому что сердца у них, бывших партайгеноссе, такие вечно беспокойные...

Это выборочные портреты тех, кто сохранил свои посты и влияние, превратив отечественную психиатрию из политически ангажированной в уголовно ангажированную, поскольку сфера интересов этой публики свелась к психофармакобизнесу и жилплощади больных. Для отечественной психиатрии является фактором бедствия, что совершившим «преступление против человечности» было позволено досиживать на своих должностях до того времени, когда они естественным порядком смогут, как выразился один молодой человек, покинуть этот мир «толпой угрюмою и скоро позабытой»...

Несколько слов о неумирающей проблеме психической нормы и патологии. Следует напомнить, что определения психической нормы не существует. Неслучайно знаменитый немецкий психиатр Карл Ясперс как-то произнес: «Что такое психическая норма? Это легкая дебильность». Ну, это в Германии, возможно, она такая облегченная... В современной международной классификации психических расстройств 10-го пересмотра (МКБ или ISD – 10), построенной по принципу смешения медицинских, психологических, бихевиористских, социологических терминов (критериев) для любого движения души или поведенческого акта сыщется диагностический ярлык.

Однако принятое в 1962 году группой экспертов ВОЗ определение психического заболевания остается наиболее внятным до настоящего

времени, и звучит оно так: «Выраженное расстройство психической деятельности, достаточно специфическое по своему характеру, чтобы его всегда можно было распознать и сравнить с типичным и четко определенным симптомокомплексом, а также достаточно тяжелое, чтобы вызвать потерю работоспособности, длительное отсутствие на работе или необходимость предпринять юридические или другие социальные действия». Другими словами, если нет четкого симптомокомплекса (синдрома – параноидного, галлюцинаторного, депрессивного и т.п.), а если он есть, но не потеряна работоспособность, не наступила инвалидизация, не определена невменяемость, недееспособность или не наложена опека, то нет и психического заболевания в медико-социально-юридическом смысле этого определения. В таких случаях современная эклектичная международная классификация психических расстройств позволяет установить нечто текучее и несколько аморфное, вроде «преходящего психического расстройства» без вечных ярлыков психического диагноза и дискриминирующих личность последствий.

В настоящем эссе всех аспектов затронутой темы не охватить, разве что тезисно, с приглашением высказаться тем, кто считает, что ему есть, что сказать. Несколько слов о деятельности и усилиях правозащитников в области психиатрии. Я не знаю, кто финансирует правозащитные организации, а спецслужбы, наверняка знающие это, передо мной пока не отчитываются (думаю, это серьезная и временная ошибка со стороны спецслужб). Сразу отмечу, что правозащитники, стоящие на позициях «антипсихиатрии» (есть такое течение, зародившееся в США не от хорошей жизни в американской психиатрии), частенько заявляют, что психических болезней нет, их выдумали психиатры, чтобы зарабатывать большие деньги на людях, получивших психиатрические диагнозы. Я избегаю таких правозащитников, а на бесплатные лекции для них у меня сил и средств нет, да и слушают они обычно лишь самих себя и то не очень внимательно...

Могу назвать позитивным опыт общения с санкт-петербургской Гражданской комиссией по правам человека, возглавляемой Романом Чорным. Роман Чорный по образованию врач и признает, что психические болезни пока отменить невозможно и больных с такими расстройствами в мире немало, но права их следует соблюдать, так же как власти не следует подступаться с психиатрическими диагнозами к политическим оппонентам. В этом наши позиции совпадают. В течение последних двух-трех лет ГКПЧ, так звучит аббревиатура возглавляемой Р. Чорным организации (вначале я испугался сочетания этих букв, но Роман Владимирович успокоил меня, заверив, что они не те, у кото-

рых две последние буквы располагались в другой последовательности), подняла вопрос о поправках к Закону о психиатрической помощи, разработанных ГКНЦСиСП им. Сербского, касающихся определения тяжелого психического расстройства, недобровольного лечения без санкции суда и проведения сомнительных экспериментов на людях. Подробно с протестом и аргументацией ГКПЧ можно ознакомиться в докладе «Кризис в сфере душевного здоровья» (СПб., 2004 г., с. 33–34). В тот период на эти инициативы ГКНЦСиСП им. Сербского я откликнулся «Комментарием к Пояснительной записке к проекту Федерального закона “О внесении изменений и дополнений в Закон РФ “О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании”».

Вот вкратце суть моего «Комментария».

1. Современный Закон – благо, и при неформальном человеческом отношении к больному он «работает».

2. Введение «нового вида недобровольной госпитализации – краткосрочной, на срок не более 10 суток, без обращения в суд, но под динамичным контролем врачебных комиссий»(!?) открывает перспективу для установления настоящего «закона мафии».

3. «Сбалансированный подход к решению вопроса об испытаниях на психически больных новых медицинских методов и средств, в том числе лекарственных препаратов» – этот пункт изменений и дополнений в закон вызывает во мне ту же музыкальную гамму, как исторически известное «об окончательном решении» какого-нибудь, к примеру, психиатрического вопроса.

Если предложившие этот звучный тезис авторы готовы (как это бывало в истории медицины) начать «испытания лекарственных препаратов» лично с себя, то я с энтузиазмом поддерживаю их. Тем более что при испытании качественных препаратов есть шанс, что они излечатся от этого примитивного псевдозаконотворческого бредообразования. Во всяком случае, если подобные «инициативы» еще когда-нибудь взбаламутят некачественные номенклатурные мозги, то правозащитники, опираясь на поддержку надзирающей за исполнением Закона прокуратуры, всегда могут сослаться на Комментарий к закону и его редактора Татьяну Дмитриеву-97 (надеюсь, ее позиция с 1997 года не изменилась), чтобы отстаивать право Человека.

Владимир Пшизов

Виктор Файнберг

В этот день он был один в кабинете. Волин наслаждался редким одиночеством, когда можно было сконцентрироваться и привести в порядок истории болезни, а заодно и мысли, в обычные дни терзаемые бабьими пересудами. Полдень. В стол впились лучи осеннего солнца, поделенные оконной решеткой на вытянутые прямоугольники. Потихоньку стала двигаться работа, от которой папки историй болезни прибавляли в объеме.

Открылась дверь, и медсестра положила на стол еще одну историю. «Новенький, что ли?» – «Да, с первого отделения. Базедова болезнь». Волин читает на обложке: «Файнберг Виктор Исакович». Внушительный акт экспертизы. Во всяком случае, по объему. Статья 190-1. Психопатология: стойкие антисоветские установки, не поддающиеся коррекции, инакомыслие... В общем, ясно. Обычная скука. Хотя бы импровизировали чуть-чуть. Что читать одно и то же. Встал, выглянул в коридор, окликнул медсестру. «Файнберга приведите».

В кабинет вошел мужчина чуть выше среднего роста. Бритый наголо, смуглый брюнет. Под полосатой пижамой угадывался крепкий скелет. Прямо посаженная голова. Чуть выпученные темные глаза. Небольшой, аккуратной формы с горбинкой нос. Он сразу же показался

Фрагмент главы из книги В. Пшизова «Синдром замкнутого пространства (Записки судебного психиатра)», вышедшей в Санкт-Петербурге в 2002 году. В книге отражены события конца 1960-х – начала 70-х годов, происходившие в стенах тюремного здания на Арсенальной ул., дом 9 в Ленинграде, в психиатрической больнице специального типа МВД СССР. Со времени ее открытия в 1949 году тут осуществлялось принудительное лечение «особо опасных» психически больных. Свое пребывание в этом заведении описывали генерал Петр Григоренко, писатель Владимир Буковский, литератор Юрий Айхенвальд. Публикуется отрывок из главы об известном диссиденте В. Файнберге.

Волину совсем другим, непохожим на остальных в пижамах со стрижкой под ноль. «Ему бы прическу, да глаза чуть поуже, и парень хоть куда», – подумал Волин.

– Присаживайтесь, – указал он на стул.

– Благодарю, – Файнберг сел.

– Виктор Исакович, не вдаваясь в психиатрическую сторону вопроса, расскажите, пожалуйста, в чем вы провинились перед нашим законом?

– Перед законом – ни в чем, – у Файнберга баритон; говорит серьезно, с достоинством, не рисуясь. Свойство это его или поза – сразу не понять. – А перед самодержавием грешен.

– Тогда видоизменяю вопрос: чем вы не угодили хозяевам закона?

– Именно хозяевам, – улынулся Файнберг. Верхних зубов спереди у него не было. – Я осмелился выразить свое отношение к оккупации Чехословакии.

– Конкретнее, если можно.

– Пожалуйста... Нас было семь человек. После оккупации Чехословакии мы вышли в Москве на Лобное место и подняли транспаранты с требованием убрать советские войска с территории чужого государства. Нас туда никто не звал, и чехам ничто не угрожало, кроме восстановления гражданских свобод... Я уверен, что их опыт окажет влияние и на наше развитие.

– Расскажите поподробнее, что было дальше.

– Дальше было все как по писаному. Мы с Павлом Литвиновым и еще пять человек остановились на Красной площади. Было воскресенье. Рядом прогуливались много приезжих.

– Как реагировали они на это? Вас кто-нибудь поддержал?

– Нет. Люди спрашивали, зачем мы это делаем, жалели нас, советовали убраться поскорее, чтобы нас не убили.

– Долго удалось вам простоять?

– Минут десять... Набежали тут представители народа в одинаковых костюмах, быстренько поломали транспаранты и побили нас вручную. Видите, мои зубы... Я их лишился сразу. Это шпики из ГБ. Специалисты поработали, чувствовалось... Несколько человек из них остались с нами, а другие исчезли. Вероятно, у них не было с собой машины. Ну, машина скоро прибыла, и нас побросали в нее, как дрова. Вот, собственно, и все...

– Как к вам относились во время следствия?

– Неплохо. Надзиратели были вежливые, не в пример вашим. Давали читать книги, разрешалось писать.

– А к психиатрам попали многие из демонстрантов?

– Нет... По-моему, я один.

– Чем обязаны?

– Видите ли, – смуглое лицо Файнберга чуть потемнело. (Краснеет, видимо, подумал Волин.) – Был у меня в жизни эпизод, когда я столкнулся с вашими коллегами. Мы жили на Украине, во время антисемитской компании... Помните дело врачей. Тогда я подвергался со стороны сверстников нападкам и издевательствам и, в отличие от многих еврейских мальчиков, не ответил покорностью, а дрался как петух. Ситуация вокруг меня так накалилась, что это сделало мою учебу в школе невозможной. Я попал к психиатру, получил диагноз, как будто шизофрения... Пришлось некоторое время быть под наблюдением ваших коллег. Кстати, никакого лечения мне не проводилось.

– Значит, вас не лечили?

– Нет. Все прошло само. Мы переехали в Ленинград. Политическая обстановка как раз изменилась. Да и народ здесь покультурнее, более терпимы.

– Был... Говорят...

– Ну, все-таки.

– Виктор Исакович, вы как будто уже привлекались к судебной ответственности?

– Да.

– По какому поводу?

– Однажды пьяный офицер милиции оскорбил мое национальное достоинство. Короче говоря, назвал меня жидом. Я избил его, и как будто крепко.

– И дальше?

– Дальше ничего... Следствие и суд оправдали меня.

– Смотрите, какой вы драчун.

– Что делать, доктор? Рецидив шизофрении.

Волин молчал. Молчал и Файнберг. Потом врач, потеревив рукой подбородок, приналег на стол, приблизив лицо к больному.

– Виктор Исакович, смотрите, какая вещь получается: русский, вернее, советский народ постоянно оскорбляет ваше национальное достоинство. Причем сам народ против власти не выступает. Ведь она народная, добровольно самоизбранная. Не так ли?

– Ну конечно же, – благодушно согласился Файнберг.

– Так вот. А вы выступаете против власти от имени народа, который вас не поддерживает. Извините, вы, еврей, от имени русского народа, – закончил Волин доверительным тоном.

– Видите ли, доктор, речи такого свойства мне уже приходилось слышать и вне этих стен, и внутри них. Я считаю, что так могут творить трусы и приспособленцы. Я родился на этой земле и чем-то ей обязан, какая бы она ни была. Народ нас не поддерживает. Это правда. Не поддерживает сегодня. Через 10–15 лет все может измениться. Самосознание развивается не сразу и не у всех. Наша цель была показать остальному миру, что не все поддерживают эту оккупацию. Пусть семь человек, но думают иначе. Вернее, иначе думают сотни тысяч, а выразили их мнение семь. Вы ведь тоже мыслите не лозунгами с заборов.

– Допустим, что мне нечем крыть. Но вы должны понять, Виктор Исакович, что я на своем месте: психиатр спецбольницы, офицер МВД. Кстати, я не звал вас сюда.

– О да, резонно, – засмеялся Файнберг. – И я к вам не просился. Единственное, чего я сейчас хочу, – это отбывать срок в лагере с моими товарищами. Впрочем, вас лично я ни в чем не виню...

Еще пауза. И Волин продолжает:

– Виктор Исакович, возвращаясь к форме. Вы для меня всего лишь новый больной. В соответствии с нашими целями я обязан опросить Вас... Прошу прощения заранее, если вопросы кажутся бестактными. Бестактность – это профессиональное качество психиатра.

– Согласен. Препятствовать не буду. Что же касается приставки «без», то ее можно добавить еще ко многим корням слов применительно к советской психиатрии. Не в ваш лично адрес, доктор, поймите...

– Все комплименты на наш счет и составляют ту надбавку к зарплате, которую у нас называют 30 процентов «решеточных» или «за моральный ущерб». В сумме зарплата до уровня американского безработного все равно не дотягивает, но можно работать и за идею. Ну что ж... Мы с вами познакомились. И если нет вопросов у вас, то на сегодня все.

– Вопросы есть. Мне нужны книги, бумага и ручка. Богом молю – и газеты... Хотя в них и нет информации... Как у вас с этим? На первом отделении меня жутко ограничивали.

– Все, что позволяет наш режим, я позволю.

– Как много это, доктор?

– В общем, вы получите свои книги, бумагу и ручку. В отношении вашего гипертиреоза... Завтра будет терапевт, займется этим... Что ж, лечитесь, сумасшедший Файнберг. Кстати, о сумасшествии... Голоса-то вы хоть слышите? Галлюцинации какие-нибудь есть? – остановил Волин уходившего.

Файнберг рассмеялся:

– Ха-ха-ха! Благодарю вас. В институте Сербского такими мелочами не интересовались. Разве мало антисоветского бреда и инакомыслия?

– В общем-то, вполне достаточно, – согласился Волин. Лицо Файнберга, остававшееся мягким в процессе беседы, вдруг, посерьезнело: – Еще одна маленькая просьба: скажите надзирателям, чтобы не «тыкали» мне, а обращались как положено, на вы. И если хотят запереть меня в камеру, то пусть за рукав не хватают. Одного, с наглой физиономией, я уже предупредил. Если слов будет мало...

– Хорошо, хорошо... Они же знакомы с вашей биографией. Я предупрежу их. Впрочем, они – это народ, который вы защищаете... не проснувшийся.

Беседа закончилась. Волин несколько минут смотрел в окно, пытаясь правым глазом разделить солнце пополам с помощью железного прута оконной решетки. Плясала решетка... Не слушалось солнце. Оно уже приближалось к противоположному углу окна, и квадратные тени на полу исказились, превращаясь в параллелограммы. Вячеслав Александрович открыл историю болезни и кратко записал психическое состояние нового больного. Запись немудреная, кроме дежурных, набивших оскомину «сознание ясное, в окружающей обстановке и собственной личности ориентирован правильно», обозначил ядро психопатологии: «высказывает стойкие антисоветские установки, которые коррекции не поддаются». Подумал, постучал концом авторучки по лбу, поморщился. Добавил: «Сожаления по поводу содеянного не высказывает». Потом сидел, тер руками виски. Старался найти внутри себя какую-нибудь определенную мысль, но все заслонило странное чувство. Он не мог обозначить это чувство словами... Встал, походил по ординаторской, тихо поговорил вслух сам с собой: «Ориентирован в собственной личности. Он ориентирован... Это несомненно. А я?.. Не высказывает сожаления. Значит, ориентирован. Он знает, кто он... Он знает, чего хочет... Добьется ли? Видимо, решил: волков бояться... А я? А я?»

Владимир Пшизов

Профессиональный профиль

В приемном покое чудотворной больницы на Пряжке мы оформляем клиента, которого только что вылутили из его ниши в коммунальной квартире. На «скорой психиатрической» презентов, как это случается с врачами больниц или поликлиник, обычно не дают. Но устоявшийся процент умельцев в этих подачках и не нуждается: если есть что, возьмут сами.

«Подарки» бригадам бывают другие, и это слово непременно надо заключить в кавычки. К примеру, сегодня нашего клиента можно считать таким подарком. Постоянная нехватка кадров, и, как уже привыкли, мы снова работаем вдвоем. В бригаде фельдшер-одногодок, высокий, жилистый, с тонкими усиками под острым носом.

Мы на Разъезжей улице, за два дома от улицы Марата. Летний вечер, в носу городская уличная пыль. На тротуаре несколько человек. Молодая женщина и девочка-подросток, увидев «Скорую», подбегают к нам: «Наш сосед-алкоголик снова сошел с ума и забаррикадировался в квартире, теперь нам в свою комнату не попасть». «Сейчас проверим», – мы поднимаемся на второй этаж, женщина кричит вдогонку: «Осторожно, у него топор!» Хорошо, будем осторожно... Звоню в дверь – без ответа, стучу ногой. Слышен возбужденный, на высокой ноте голос: «Что нужно? Кто такие!?» – «Открывай! “Скорая помощь”! Надо поговорить». – «А-а-а, убивать приехали, с автоматами!» Слышен, словно кувалдой, стук в дверь. Гвозди, что ли, заколачивает? Двери старые, крепкие. Ясно, вызываем милицию.

Отделение милиции рядом; прибегает потный, не вполне трезвый майор с двумя помощниками. Выслушав нас, он исчезает за подмогой.

Публикуется фрагмент книги В. Пшизова «Психиатру ум не нужен. Записки психиатра «Скорой помощи» (СПб., Невский курьер, 2005. 198 с.).

Прибывшие две группы милиционеров, по три человека в каждой, приступают к операции. «Так, пожарные не нужны, здесь второй этаж. Если прыгнет, ничего, не разобьется. А вы, доктор, отодвиньтесь с машиной в сторону!» – командует майор. Ну, что ж, мы отдвинулись... Согласно инструкции опасный живой объект с признаками ненормального поведения должен быть обезврежен правоохранительными структурами и предоставлен нам для осмотра.

Через час, а время перевалило за восемь вечера, колотившие в запасную дверь черного хода милиционеры выяснили, что клиент вогнал в нее большие гвозди – костыли, и штурм из-за этого пока отложен. Прошло еще около часа... За это время делирант-алкоголик выбил несколько окон, выходящих во двор. На шум стали собираться посторонние граждане, предпочетшие телепрограммам живую натуру. Я изредка покрикиваю на них: «Отойдите, не стойте под окнами, это опасно!» Реагируют вяло.

«Надо применить гранаты со слезоточивым газом», – решает руководитель операции. Пока кто-то из его подчиненных убегает за гранатами, четыре человека размочалили дверь с черного хода, проделав в ней лаз, и пошли на приступ. Послышались крики, глухой выстрел и пронзительный визг, по-видимому, нашего клиента. «Ну вот, наверное, придурка ранили, теперь с ним в реанимацию тащиться, – ворчит фельдшер Георгий, – а, может, убили, тогда мороки меньше, только констатация смерти, да вызовем труповозку...»

На некоторое время все стихает... Около десяти часов вечера, под окнами на улице и во дворе уже целая толпа. Люди смеются, обмениваются своим пониманием происходящего. Появляется старший лейтенант, участник штурма. «Ну, что?» – спрашиваю я. – «Глухо... размахивал топором, мы стрельнули в воздух – никакой реакции... Решили отойти, надо будет гранатой с “черемухой” попробовать».

Стоим, ждем майора, который снова куда-то исчез. Старший лейтенант курит, минут пятнадцать слышен только оживленный говор зевак... Потом старший лейтенант обращается ко мне:

- А что, такие действительно опасны?
- Ну, вы же видели... Сознание неясное, ваши выстрелы для него – ноль, он в другом мире... Конечно, опасен. А почему вы спрашиваете?
- Да там, видите ли, наш сотрудник остался в квартире, с нами не успел отступить.
- Оружие-то хоть у него есть?
- Да ну, какое там оружие.
- Извините, а как же вы его одного оставили? – удивляюсь я.

– Так он успел в соседнюю комнату заскочить... Наверное, там зарылся.

Итак, с нашим алкоголиком заложник, да еще сотрудник милиции. Впрочем, я операцией не команду.

– Все, щас решим вопрос в корне, – слышен голос майора. Он и его подчиненные прибыли с гранатами.

У парадной двери майор оставляет сотрудника с пистолетом, остальные со двора идут на черный ход. Через несколько минут раздался глухой взрыв, какие-то возгласы... Мы ждали результата. Я пошел во двор, где должна была появиться группа штурмующих. Вокруг меня все время бегали какие-то подростки. «Пошли отсюда, здесь опасно! Идите свой телевизор смотреть», – крикнул я на них. «А че там делать, здесь круче», – пискнул кто-то сзади.

Наконец, из внутренней парадной появились трое милиционеров, протирая глаза: «Вот черт!... Ничего на него не действует, хоть бы глазом моргнул на “черемуху”, надо что-то еще придумать». Вновь откуда-то возник трезвеющий майор. Он не плакал, поскольку не был в зоне штурма, осуществляя общее руководство.

Около 11 часов вечера. Когда слезотечение у милицейского наряда поубавилось, майор твердо скомандовал: «Все, идем в последний раз! Вот, прикрывайтесь матрацем, я одолжил у соседей. Стреляйте ему по ногам, не до утра же нам тут реветь. Кстати, а где этот, что там забыли? В соседней комнате? Ну, пусть сидит пока тихо».

Все заняли свои места, группа из трех человек скрылась в парадной. По их лицам я понял, что это последний штурм. Раздались треск, гул, выстрел и два взрыва, один за другим. Во дворе уже собралось несколько десятков любопытных, царит всеобщее возбуждение: «Наверное, замочили придурка!».

Из парадной внутреннего двора появились три милиционера: один впереди нес топор, двое позади него за волосы и пояс брюк тащили тщедушное усохшее существо запущенного вида, весом не более пятидесяти килограммов. Руки у него были связаны на спине, по-видимому, его же ремнем. Полувисая на милицейской тяге, он часто перебирал тонкими ножками и осипшим голосом повторял: «Только не убивайте! Я ни в чем не виноват, все расскажу!»

– Вот, ваш клиент... Черт, столько провозились, – сказал, обращаясь ко мне, старший лейтенант. – Он меня по руке ударил, может быть, взглянете, доктор?

– Конечно.

На предплечье кроме небольшого покраснения ничего не было, кость цела.

– Хотите, мы вас в приемный покой больницы подвезем, там снимок сделают, – предложил я.

– Да не нужно, спасибо... Он, кажется, только обухом зацепил, – отказался старший лейтенант.

– Все, доктор, мы свое дело сделали... Ребята, всем в смену! Там уйма заявок ждет, – скомандовал майор.

В это время ремень на запястьях алкоголика развязался и клиент дернулся было в сторону, но Георгий схватил его за шею «на хомут»: «Черт! Даже связать толком не могут». Придушив клиента, фельдшер вытащил тесьму «сухого галоперидола» и закрутил запястья алкоголика так, что они посинели.

– Ну, вперед!

– Вы, доктор, посмотрите, у него вроде бы голова разбита, – сказал на прощанье старший лейтенант. Фельдшер пошевелил длинные сплюснутые волосы алкоголика. – Да... Тут, похоже, рваная рана, но кость, кажется, не задета. Все равно – хирургия.

Положив тщедушного террориста на носилки лицом вверх, мы попытались разобраться с его раной, но работать было невозможно. Толпа окружила машину, кто-то заглядывал в окна, пытались открыть дверь.

– Я отъеду, доктор, а то чего-нибудь сломают или колеса проколют, – предложил водитель. Мы отъехали метров пятьдесят, но несколько энтузиастов последовали за нами. Пришлось увеличить дистанцию отрыва от толпы, оставив ее в разочаровании.

Алкоголик извивался на носилках, несмотря на то, что мы привязали его к ним за руки и за ноги: «Ой! Только не убивайте! За что?» Голову осмотреть не удавалось. Мы уже пятый час были на вызове, и все это отняло много сил. Я решил использовать психотерапию и, приблизив лицо к его уху, закричал:

– Молчи! Не переживай, тебе нечего бояться! Ты уже мертв, ты на том свете! Посмотри внимательнее: это тот свет, а не этот! Понимаешь? Тот свет! Смотри, здесь все по-другому! И ничего страшней с тобой уже произойти не может, ты мертв, это тот свет! Так что привыкай, хуже не будет... Ты уже в раю или в аду, черт бы тебя побрал!

Я громким голосом повторял эти краткие сообщения, а наш клиент, вытаращив наполненные ужасом глаза, слушал и смотрел то на меня, то на невразумительное убранство салона нашей машины, в которой не просматривалось ничего медицинского, вероятно, считая это веским доказательством присутствия на том свете. Времени как раз хватило, чтобы рас-

смотреть рану, выстричь вокруг нее волосы, промыть перекисью водорода и соорудить видимость повязки. Поутихнув, алкоголик вдруг спросил:

– Куда мы едем?

– В хирургию, гондон ты грязный, а потом – в дурдом, – сообщил ему фельдшер.

На рай это было не похоже, мы ехали молча.

В приемном покое соматической больницы врачи упросили нас не оставлять у них клиента, чтобы не возиться с наблюдением и лечением, обещая быстро зашить рану.

– Там пустяки, это 10–15 минут, – уговаривала нас женщина-хирург.

Мы согласились подождать, но попросили постричь и обрить наголо нашему террористу ровно полголовы от средней линии влево, там, где находилась рана, которая, кстати, оказалась несерьезной и даже повязки не потребовалось. Хирурги наложили швы и сделали наклейку.

– Вот, ваше – вам! – радостно возвратила дежурный хирург нашего клиента.

Атмосфера боя, волнения и все эти медицинские процедуры истощили нашего подопечного, и потенциал его безумия уменьшился, конечно, вместе с общей жизненной энергией. Теперь с «того света», о котором я его уведомил ранее, он немного передвинулся в «этот».

– А чего это мне такую прическу сделали? – заглянув в приемном покое в зеркало, вдруг задал он осмысленный вопрос.

– Тебе вообще башку надо было оторвать, – сообщил ему свою позицию фельдшер. – Час ночи, а мы с семи вечера с таким дерьмом возимся.

– Ну, убить – это не за что, а остальные волосы, пожалуйста, достригите, – продолжал демонстрировать делирант возможности своего разума.

– Ох, учить таких надо! – дернул фельдшер клиента за связанные кисти рук.

– Георгий, бесполезно... Сколько его сегодня учили и на том, и на этом свете. Едем.

«Теперь все по закону..., даже нас заставили эту дребедень выучить.., ну, не все, конечно, а так, некоторые статьи тоже знать нужно», – бубнит дежурная сестра, оформляя трясущегося делиранта. Борясь с одолевающим ее мраком сна, дежурный врач, старое существо с давно угасшими в стенах сумасшедшего дома эмоциями, покачивая кудрявой мужской прической, так что посторонний не сразу смог бы определить половую принадлежность ее обладательницы, невнятным голосом спрашивает нашего клиента:

– Понос был?

– Чего? Когда? Какой понос? – вздрагивает делирант.

– Какой, какой?... Жидкий стул за последние три дня был?

– А-а-а, стул... Вообще никакого не было.

– Распишитесь! – сует врач больному под нос бумажку.

– За что? – снова вздрагивает алкоголик.

– За то, что не было поноса, и что к нам приехали, – разъясняет врач.

– Так я же приехал не сам, меня арестовали... А чего тут написано? – дрожа всем телом, разбирает террорист по складам слова в бумаге. – Согласен на добровольное лечение... Тут про понос ничего нету... А на какое-такое лечение!? Я не согласен!

– Ну и не надо, – выхватывает у него врач бумажку, – тогда вместо трех дней пролежишь месяц, – угрожающе сообщает старое существо в белом халате.

– А за что месяц-то? – испуганно спрашивает алкоголик, отмахиваясь от кого-то и стряхивая нечто, невидимое другим.

– А за то... Кто согласен лечиться, того быстро выписывают, а кто не согласен, того долго лечат. Кто не согласен на дурдом, тот через комиссии пойдет и через суд... Так судья-то все равно психиатров спросит: больной или здоровый, лечить или не надо, хотя у нас здоровых не бывает, – бубнит себе под нос дежурный врач. – Кто на дурдом согласен, тот отсюда быстро выйдет, даже если и больной... Нам-то зачем держать человека, с которым мы договорились и который все понимает..

Но несогласный уже не слышит угроз и уговоров, он видит нечто более страшное, выползающее из-под стула...

«Ну, давай, милая! Ты хоть поворачивайся сама... Ну и грязищи на тебе... Да шевелись ты! Вон еще этот господин трясун на очереди». Толстая медсестра с копной жестких, крашенных в белый цвет волос и маленькая кривоногая санитарка моют за перегородкой голую неподвижную шизофреничку. Медсестра направляет на больную струю воды из шланга, а санитарка помогает смывать грязь шваброй, обмакивая ее в таз с раствором стирального порошка: «Такую ценность приходится на тебя расходовать... Ведь это нам для мытья полов выдают... Никто же дополнительно ничего не выпишет», – бормочет санитарка.

Одежда сданного нами «террориста с того света» настолько пропиталась слезоточивым газом «черемуха», что мы дорабатывали смену со слезами на глазах, на самого же террориста этот газ, кажется, не произвел должного впечатления.

**Любовь Виноградова
Юрий Савенко**

Попытка выхолостить очередной демократический закон

В 1992 году Россия впервые обрела Закон «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», который, предписывая судебную процедуру в отношении всех недобровольных мер, на деле гарантировал свободу и личную неприкосновенность любому человеку, которого попытались бы изолировать, объявив сумасшедшим. Этот Закон был выстрадан опытом двадцатилетней беспрецедентной по масштабам практики использования психиатрии для дискредитации, запугивания и подавления правозащитного движения 1960–1980-х годов, но осуществился благодаря давлению мирового сообщества. Его принятие лишь спустя 80 лет со времени первого проекта 1911 года было связано с полицейской традицией отечественной психиатрии. Это значит, что главная задача психиатрии мыслилась как защита общества и государства от психически больных, а не здоровье и защита самих психически больных от злоупотреблений.

С принятием закона 1992 года, вменившего международный правовой минимум для психически больных, отечественная психиатрия в области медицинского права из последней стала первой среди других медицинских дисциплин. Однако эпоха реформ в психиатрии 1988–1994 годов сменилась, особенно с началом войны в Чечне, стагнацией и ухудшением многих законов. Появившийся в 1999 году законопроект «О внесении изменений и дополнений в Закон “О психиатрической помощи...”» грубо сужает круг недобровольных мер, требующих судебной процедуры, то есть покушается на основное демократическое завоевание психиатрической службы, стержень ее реформ. Причем, это было сделано тогда, когда в целом ряде регионов, после десятилетия труд-

---

Л. Виноградова – директор Российского исследовательского центра по правам человека.
Ю. Савенко – президент Независимой психиатрической ассоциации России.

ных попыток с места в карьер перейти с тоталитарных на правовые рельсы, механизм закона «О психиатрической помощи...» заработал.

В комиссии, работавшей над «улучшением» законопроекта, члены Независимой психиатрической ассоциации России составили уже не 1/3 и не 1/4, как в комиссиях по разработке Закона о психиатрической помощи, а 1/12, то есть выполняли роль фигового листка. Перевес в комиссии получили сторонники приоритета государства, а не личности больного. В результате, еще в первых выпусках «Независимого психиатрического журнала» за 1999 и 2000 годы были опубликованы наше «Особое мнение», замечания и предложения к новому законопроекту «О внесении изменений...». Однако они не были учтены. После того как в сентябре 2001 года этот законопроект был снят с чтений, он был ухудшен в еще большей мере (ст. 17).

Укажем наиболее грубые ухудшения Закона.

1. **Судебная процедура откладывается на 10 дней**, если комиссия врачей сочтет психическое расстройство кратковременным. Казалось бы, разумно: ведь сама судебная процедура занимает до 8 дней (48 часов на комиссию врачей, 24 часа на ее заявление в суд и 5 дней на вынесение судебного решения). Но это для постороннего формального взгляда. Для больного, не дающего добровольного согласия, чье психическое расстройство оказалось длительнее 10 дней, это значит находиться в стационаре недобровольно по усмотрению врачей не менее 16 дней (ст. 32, ч. 4).

2. **Судебная процедура отменяется**, если психически больной нуждается в лечении, но не способен дать на него осознанное согласие, хотя основания для недобровольной госпитализации отсутствуют и хотя он не признан недееспособным (ст. 11, ч. 5).

3. **Санкции судьи не требуется** для освидетельствования беспомощных больных, если условия не позволяют обеспечить их необходимым наблюдением и уходом (ст. 24, ч. 2). Эта поправка была бы приемлема при уточнении: «в результате одинокого проживания», без него открывается дорога злоупотреблениям со стороны родственников.

4. **Снимается запрет на проведение испытаний медицинских средств и методов лечения** в отношении тяжелых психически больных, к которым не применяются принудительные меры медицинского характера. Требуется лишь согласие Комитета по этике в области охраны здоровья граждан. Согласие самого больного не нужно (ст. 11, ч. 7). Не нужно и соответствия Принципам защиты психически больных Генеральной Ассамблеи ООН (XII.1991).

5. **Снимается** необходимая прежде **санкция врача** при использовании мер физического стеснения и изоляции при недобровольной госпитализации (ст. 30, ч. 2).

б. Ограничиваются полномочия общественных организаций, так как только «лечебно-профилактическим учреждениям» предоставляется право защищать интересы больных, в том числе в суде. Здесь требуется формулировка «лечебно-профилактическим учреждениям и общественным объединениям» (ст. 18, ч. 1).

7. Резко снижается уровень гарантий финансирования психиатрической помощи с правового на правительственный, который по опыту недавних лет составлял 0,2%. Вместо финансирования психиатрической помощи «в размерах, обеспечивающих гарантированный уровень и высокое качество психиатрической помощи» законопроект предлагает ограничиться «программой государственных гарантий оказания гражданам бесплатной медицинской помощи, утвержденной Правительством РФ в установленном порядке». Это фактически отказ от гарантий (ст. 17).

Судебная процедура, которая многим психиатрам кажется излишней, громоздкой, на самом деле фундаментальна по своему значению. Это фактически то же самое, что с критерием вменяемости. Одинаково звучащий текст «мог осознавать и мог руководить своими действиями» имеет медицинский и юридический аспекты понимания, которые независимы друг от друга и должны интерферировать. Без юридического рассмотрения в судебном порядке всех вопросов, касающихся свободы и личной неприкосновенности психически больных, психиатрия останется полицейской.

Всевластие Комитета по этике в области охраны здоровья граждан при этом вообще вызывает содрогание. Никакая вывеска не может заменить полной прозрачности и общественного контроля в таком деле, как испытание на людях.

Снятие санкции врача в мерах физического стеснения при недобровольной госпитализации благословляет современную жестокую практику вместо борьбы с ней.

Устранение общественного контроля, вытеснение общественных организаций, подмена их управляемыми людьми, правовое закрепление формулировок, где общественные организации вообще не существуют, – общая тенденция последних лет.

Закон о психиатрической помощи обязал государство гарантировать высокое качество психиатрической помощи и подробно сформулировал конкретные положения, необходимые для этого. Не прошло и 10 лет со времени принятия закона, причем и в эти годы мы видели грубейшие нарушения всех гарантий, отказ финансировать даже статью, служащую гарантией всего Закона (ст. 38), что не повлекло никаких санкций, – и гарантии фактически отменяются.

Хорошо видна общая тенденция: максимально сузить судебную процедуру, отстранить общественные организации, развязать руки санитарам, отказаться от гарантий финансирования.

В сентябре 2003 года была предпринята повторная попытка организовать в Государственной Думе первые слушания по законопроекту «О внесении изменений и дополнений в Закон “О психиатрической помощи...”», однако в последний момент они были сняты вносившим его председателем Комитета по охране здоровья граждан академиком РАМН Н.Ф. Герасименко. Причиной этого стал шум в прессе, невыигрышный в предвыборный период в отношении непопулярных поправок. Авторы поправок уклонились от публичной дискуссии о существовании изменений Закона.

Сегодня мы вновь наблюдаем подготовку к пересмотру закона о психиатрической помощи, координируемую Государственным центром социальной и судебной психиатрии им. Сербского.

7 июля 2005 года в Орловской психиатрической больнице специализированного типа с интенсивным наблюдением был организован «круглый стол», посвященный «защите прав пациентов, находящихся на принудительном лечении, и общественной безопасности». Среди участников – главный врач этой больницы Татьяна Котова, заведующий отделом Государственного центра социальной и судебной психиатрии проф. В.П. Котов, один из лидеров орловских правозащитников Дмитрий Краюхин.

Актуальная тема, показательная больница, приглашение правозащитников и ведущего специалиста Центра им. Сербского, казалось бы, обеспечивали конструктивное рассмотрение предмета. Но сенсацией, тотчас растиражированной, стало совсем другое – заявление Дмитрия Краюхина, что закон о психиатрической помощи «морально устарел, каким бы прогрессивным он ни был вначале».

Напомним еще раз: руководство Центра им. Сербского дважды (в 2001 и 2003 годах) пыталось внести на обсуждение Государственной Думы РФ поправки к закону о психиатрической помощи, грубо ухудшающие права пациентов. Дважды правозащитному сообществу с помощью журналистов удавалось предотвратить обсуждение этих поправок. На осень 2005 года Центр им. Сербского запланировал третью попытку протащить те же поправки, среди которых, например, возможность врача недобровольно стационарировать и лечить человека в течение 10 дней, если, по его мнению, расстройство является кратковременным. Уже избирательно собраны положительные отзывы из регионов.

По мнению Независимой психиатрической ассоциации России, закон о психиатрической помощи, несмотря на несколько досадных ухудшений, не только был, но и остается прогрессивным. Он был принят с опереже-

нием, под давлением зарубежного сообщества, и потребовалось несколько лет, чтобы психиатры и суды привыкли по нему работать. Пересматривать его в нынешнее время, время грубого отката назад всех демократических завоеваний, значит наверняка ухудшить закон. За примерами далеко ходить не надо: во что превратились после внесения поправок закон о свободе совести, закон о СМИ и многие другие? Задача сегодняшнего дня – не изменение закона, а организация жесткого контроля за его исполнением. Нынешний текст закона это позволяет.

Правозащитник, заявляющий, что закон морально устарел, вольно или невольно подыгрывает представителям полицейской психиатрии, для которой главное – безопасность общества и государства, а не права больных. Такой правозащитник забивает мяч в собственные ворота.

Права человека в области психиатрии – слишком сложная тема, чтобы решать ее без участия или, по крайней мере, предварительного обсуждения конкретных вопросов с психиатрами-правозащитниками.

Общероссийская общественная организация «Независимая психиатрическая ассоциация России»

НПА России – негосударственная профессиональная и правозащитная организация, создана в марте 1989 года. С октября 1989 года является членом Всемирной психиатрической ассоциации.

В настоящее время НПА России насчитывает около 600 членов в 54 регионах страны.

Приоритеты Ассоциации выработаны на основании анализа профессиональных причин злоупотребления психиатрии в 60–80-е годы. Это:

- разгосударствление, демонополизация и децентрализация психиатрической службы;
- реальное укоренение правовой основы психиатрии;
- утверждение новой научной парадигмы с учетом примата клиницизма и феноменологического метода.

Деятельность НПА распространяется на все основные направления психиатрии: научно-практическое, законотворческое, контрольное, экспертное, образовательное, издательское, общественное.

С момента организации Ассоциации были созданы общественная приемная и независимая экспертная комиссия, которые ведут три раза в неделю бесплатный прием всех, кто считает, что их права были нарушены в связи с психиатрией.

Юрий Александров

Больные или преступники?

7 июля в орловской психиатрической больнице специализированного типа с интенсивным наблюдением состоялся «круглый стол» на тему «Защита прав пациентов, находящихся на принудительном лечении. Социальная реабилитация и общественная безопасность».

Жуткое положение, в котором оказались и пациенты, и сотрудники орловской психиатрической больницы специализированного типа с интенсивным наблюдением, побудило главного врача этого учреждения Татьяну Котову открыть двери для журналистов и правозащитников. Раньше как-то не принято было приглашать в такие заведения посторонний люд. Но, видимо, настолько допекла ситуация Котову, что впервые в России она решила показать и рассказать, как и чем живут больные и сотрудники ее заведения. Кроме правозащитников и журналистов в заседании «круглого стола» приняли участие и коллеги Котовой – психиатры из других больниц, научные работники, чиновники областной администрации, представители Росздрава России и печально известного особенно среди диссидентов института им. Сербского. Приехал и представитель Уполномоченного по правам человека РФ.

Больниц, подобных этой, в России всего семь. И все они расположены в европейской части России. Поэтому почти половина пациентов Котовой и ее коллег (а всего в больнице 817 пациентов) – жители Бурятии, Тывы, Якутии и т.д.

Подобные заведения больницы созданы для того, чтобы лечить людей, совершивших опасные, порой жуткие преступления, но которые попросту не осознавали того, что они делают. Таких лиц суд, признавая невменяемыми, освобождает от уголовной ответственности и направляет на принудительное лечение.

А преступления они совершают жуткие. Одних серийных убийц, то есть тех, на счету которых по два и более трупа, здесь пятнадцать чело-

век. А простых, если можно так выразиться, убийц здесь почти половина. Те же, которые никого жизни не лишили (или не успели), также весьма опасны для общества. Это и грабители, и разбойники, и наркоманы и растлители детей. И при всем при том, повторяюсь, это больные люди.

При направлении на лечение суд не устанавливает конкретный срок в течение которого больные должны лечиться. Все зависит от запущенности больного, от качества лечения, от наличия медикаментов и т.д. Средний срок пребывания в этом заведении – чуть больше трех лет. (Для сравнения: в Англии подобные больные находятся в условиях «медицинской несвободы» 7 и более лет.) После того как комиссия в составе нескольких врачей решит, что пациент пришел в норму, его выписывают. Дальнейшее лечение он получает либо амбулаторно, либо в психических стационарах. А всего больных, которым назначено принудительное лечение, в России на начало этого года было 20 452 человека, из которых 5078 – особо опасные, которые и проходят лечение в больницах типа орловской.

С горечью Татьяна Котова, кстати, Заслуженный врач России и кандидат медицинских наук, говорила о том, что качество лечения больных могло быть много лучше, если бы государство озаботилось этими людьми.

Психиатрия, как считает Котова, не может и не должна работать изолированно от общества. А вот программ по социальной реабилитации больных пока никем не разработано. Своими силами сотрудники орловской больницы разработали и проводят различные программы трудовой и социальной реабилитации. С пациентами занимаются социальные педагоги, проводятся музыкальные занятия, арттерапия, регулярно посещает священник. Все это, конечно, дает свои плоды. Но, как свидетельствуют специалисты, эта работа (равно как и лечение) должна продолжаться и после выписки больного. А вот этого как раз и нет. Рецидив заболеваний очень высок – 70%. Но, как предостерегали выступавшие специалисты, по этому показателю никак нельзя судить о качестве лечения.

Дело в том, что, как уже сказано выше, лечение у таких людей должно продолжаться чуть ли не пожизненно. А вот если Котова и ее коллеги человека, так сказать, поставили на ноги и выписали, но дальнейшего лечения он не получает или получает, но с различными нарушениями, то вот тогда и возникает этот самый рецидив, и человек может вновь совершить какое-нибудь общественно-опасное деяние.

Не секрет, что в нашей стране социальная работа не только с такими больными, но и с другими категориями социально незащищенных

граждан, например, инвалидами, детьми-сиротами и т.д., находится если и не на нуле, то очень близко к этой отметке. Именно поэтому, а также из-за отсутствия новых медицинских препаратов класса нейролептиков, и обусловлен такой высокий рецидив. Но, повторяюсь, вины Котовой и ее коллег в том нет.

Что касается лекарств, то, по словам Котовой, больных лечат устаревшими и малоэффективными препаратами. В этом смысле медицина остановилась где-то на семидесятих годах прошлого столетия. А купить современные препараты – нет денег.

Не выдерживают никакой критики и жилищные условия. На таких пациентов, даже по скромным российским меркам, должно приходиться не менее 7,5 квадратных метров жилой площади, здесь же – всего 3,62. Когда нас повели по корпусам, сам убедился, что койки стоят вплотную одна к другой, для тумбочек же в некоторых палатах вообще нет места.

Проблема в орловской больнице еще и в том, что здесь содержится большое количество туберкулезных больных. По норме психотуберкулезнобольных должно быть 90 человек, а их – 186. И это еще хорошо, так как несколько лет назад здесь была поистине эпидемия туберкулеза, еле справились.

Совершенно не решен на государственном уровне вопрос с отправкой выписавшихся по домам. На это попросту не выделяют денег. А если, например, человека надо отправить в Якутию, то стоит это очень приличных денег. Приходится «отрывать» от других статей бюджета, например, от тех же лекарств.

Но, пожалуй, самая большая проблема, о которой говорили Котова и ее коллеги, это обеспечение безопасности как самих больных, так и персонала.

Дело заключается в том, что в свое время охрану таких учреждений, а также надзор внутри больницы, осуществляло МВД, а конкретно – те подразделения, которые занимались заключенными. После того как уголовно-исполнительная система перешла в ведение Министерства юстиции, эту функцию также передали тюремщикам. Но по существующему законодательству Федеральная служба исполнения наказаний попросту не имеет права этим заниматься, так как психические больные не относятся к заключенным. Соответственно, в базовом законе «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания» ничего не говорится о том, что тюремщики должны охранять спецпсихбольницы. Пока что они их охраняют, но только снаружи. От осуществления надзора внутри больниц сотрудники УИС отказались уже давно. А это, считает Котова, чревато последствиями. В других подобных

больницах уже имели место случаи и захвата заложников из числа персонала, и убийства, и различного рода нападения. «У нас пока Бог миловал», – говорит Котова.

В качестве персонала здесь работают в основном женщины. Ночью, например, на 50–70 опасных больных приходится медсестра да семидесятилетняя санитарка. Что они могут сделать с разъяренным больным? Котова старается, конечно, каким-то образом выкручиваться. Принимает на работу санитаров, завлекая их различными благами. Но зарплата – мизер. Квалифицированный врач, например, получает чуть больше 5000 рублей, а санитар(ка) – 1200.

От этого страдают и сами больные. Ночью бабушка-санитарка их не может выводить из палат в туалет. Приходится больным справлять нужду в различные емкости внутри самой палаты. Насколько это удобно, судите сами.

Явный «прокол» в законодательстве почему-то никто не спешит поправить. А и всего-то нужно добавить пару строчек в закон «Об учреждениях и органах исполняющих уголовные наказания» о том, что сотрудники УИС осуществляют охрану и надзор в таких заведениях. Кстати, на семь подобных больниц всего-то необходимо порядка тысячи человек надзорсостава. Учитывая, что в УИС трудится 350 000 сотрудников, тысяча на охрану больниц – это мизер. «С кем только я по этому поводу не говорила, – недоумевает Котова, – даже с президентом разговаривала! А воз и ныне там!»

В недостаточной степени защищены и права пациентов. О совершенно жутком случае собравшимся рассказала как сама Котова, так и орловский адвокат Вячеслав Панкратов.

...В мае прошлого года санитар избил больного. Не просто стукнул раз или два, а избил основательно. А затем позвал еще двоих «коллег». Человека оттащили подальше от камер видеонаблюдения и поглумились как хотели. А вечером процедура повторилась. Что-то на видеопленке все же оказалась, да и свидетелей было немало.

Котова, не смотря на тяжелое положение с кадрами, глаза закрывать не стала и примерно наказала «воспитателей в халатах».

Но вот парадоксы нашей правоохранительной системы. «Обиженные» уже второй год судятся с больницей, и «правда» пока на их стороне.

Несмотря на многочисленные доказательства вины санитаров, следователь Марков не усмотрел в их действиях состава преступления. Дело кочевало по различным инстанциям, и, наконец, судья своим постановлением обязал прокуратуру возбудить уголовное дело. Прокуратура, «потянув резину», дело все-таки возбудила, но через некото-

рое время все тот же Марков вновь не усмотрел в действиях санитаров криминала и, соответственно, дело прекратил. Как считает адвокат, делается это умышленно с тем, чтобы через какое-то время, за истечением срока давности, уголовное дело уже невозможно было бы возбудить по закону. Такая вот «законность» получается.

С заключительным словом выступил профессор Вячеслав Котов. По его мнению для того, чтобы психиатрия полностью выполняла свои функции с высоким результатом и с наименьшим рецидивом, государство должно решить три задачи: укрепить материальную базу, разработать и внедрить целый ряд различных социально-реабилитационных программ и решить вопрос с охраной. По сути, профессор Котов повторил все то, о чем так ярко рассказывала главврач больницы.

После, так сказать, «теоретической» части участники «круглого стола» прошли по больнице. Действительно, мужчин работает очень мало. Но атмосфера в целом дружелюбная. Заключенные-больные с удовольствием общались и фотографировались. Один так даже обиделся, когда я начал фотографировать весьма колоритного больного, практически полностью татуированного. «И меня, – кричал обидевшийся, – и меня, у меня тоже много». Создалось впечатление, что общение с внешним миром здесь весьма ограничено. Да оно и понятно. Одни боятся сюда приходить, другие брезгают, третьи еще что-то. «Мы с удовольствием принимали бы всех, кто хотел бы с нами сотрудничать и помогать», – говорит Котова. Пока же здесь довольно частый гость только местный орловский правозащитник Дмитрий Краюхин. На вопрос о том, что может дать конкретно для этой больницы организованный «круглый стол», Краюхин ответил: «Польза, на мой взгляд, от данного конкретного мероприятия – это то, что прозвучит информация о проблеме, о том, что эта проблема существует и что ее нужно решать. Пока мы не сделаем первого шага, не скажем “проблема есть”, ничего мы решить не сможем».

А решать придется. И чем быстрее решение будет принято, тем лучше будет и для больных, и для медперсонала, и для всех остальных. Ведь лечатся здесь вовсе не какие-то там марсиане, а наши с вами сограждане.

Валерий Абрамкин

Темные игры открытого мероприятия

Мошенники

«Круглый стол» под названием «Защита прав пациентов, находящихся на принудительном лечении, социальная реабилитация и общественная безопасность» проходил 7 июля в Орле, точнее, в орловской психиатрической больнице специализированного типа с интенсивным наблюдением, или «на орловском спецу» – так исстари называют это заведение арестанты.

По названию «круглого стола» сразу понял, что говорить будут, главным образом, про деньги.

На «круглом столе» главным образом про деньги и говорили, а вовсе не о правах психзаключенных. Мы записали и расшифровали не только дискуссии, но и кулуарные беседы. Могут дать проверить: 63% всех разговоров – про деньги.

Из фонограммы «круглого стола» (цитирую дословно):

Несмотря на все старания, тут больные находятся в очень тяжелых жизненных условиях. Они находятся в палатах, где койки стоят одна к другой, у них нет никакой мебели. Они выходят в туалет (и курят. – В.А.) только по сигналу медперсонала. Если персонал не реагирует, там стоят ведра, и все свои нужды они делают в эти ведра. Можете представить, если человек живет в этом отделении 7–8 лет. Каким он выйдет, кого мы получим? Вот тут стоит вопрос: а почему наши больные живут в таких тяжелых условиях? Почему наше государство не заботится о наших больных?

Даже то, что больные не выходят в туалет, когда им нужно... разве я могу в чем-то упрекнуть главврача, если у нее на ночь в

отделении остается две женщины, которые должны уследить за 70 психически больными, тяжелыми, агрессивными и т.д. Я не могу ее упрекнуть, что персонал не выводит их в туалет.

Никому из участников «круглого стола» не пришло в голову, что в десятки раз дешевле устроить в палатах канализацию (скажем, в большинстве СИЗО до этого додумались, и даже в камерах на четыре человека стоит унитаз), чем в два с половиной раза (так считают психиатры) увеличивать количество медсестер, которые «будут давать сигнал» на то, чтоб пациент вышел, уж простите, пописать. Может быть, тогда удастся подсократить маленько медперсонал, дающий разные «сигналы», тогда и на «нижнюю мебель» (то бишь табуретки) хватит, и на верхние «шконки» (кровати второго яруса).

Нарушение прав человека в области психиатрии уже давно вызывает обеспокоенность не только в России, но и в других странах. В 1998 году в Берлине по инициативе известных общественных организаций был проведен «Международный суд над психиатрией», который более известен под названием трибунал Фуко».

В России в последние годы было принято несколько судебных решений, признавших грубейшие нарушения принципов справедливости и прав человека. Чаще всего, суды признавали незаконным помещение в психиатрические заведения людей против их воли. Наиболее известным стало решение Европейского суда по правам человека, вынесенное в октябре 2003 года по делу «Раскевич против Российской Федерации». Страсбургский суд рекомендовал России изменить законы о принудительном психиатрическом лечении. Тамара Раскевич, которая долгое время принудительно содержалась в психиатрической больнице Екатеринбурга без достаточных на то оснований, получила по решению суда компенсацию в размере трех тысяч евро.

Известно, что в массовых убийствах так называемых «психически неполноценных» в фашистской Германии принимали непосредственное участие психиатры¹. 300 тысяч человек было убито в концлагерях по программе «Т4», разработанной профессором психиатрии Альфредом Кохом и юристом Карлом Биндиным, под лозунгом: «Уничтожить жизнь, недостойную жизни». Эти массовые убийства были приравне-

¹ Лишь четыре психиатра из сотен палачей-психиатров были осуждены в ходе Нюрнбергского процесса. Остальные наказаны не были и вернулись к психиатрической практике после войны. Все они работали непосредственно в концлагерях и своими руками уничтожали «дефективных».

ны к «медицинской терапии». Мне бы хотелось понять, как к такой «медицинской терапии» относятся российские психиатры.

Наша советская психиатрия имела тоже не очень хорошую репутацию. В частности, из-за того, что институт им. Сербского по заказу КГБ давал в ходе психиатрических экспертиз такие заключения по делам инакомыслящих, после которых психически нормальных людей на неопределенный срок («на вечную койку», как говорят арестанты) помещали в психиатрические больницы.

В частности, семь таких инакомыслящих находилось и в Орловской психиатрической больнице. Некоторых из них я лично знаю – это совершенно здоровые люди...

Советскую психиатрию во всем мире называли «карательной», наши психиатры признавали «невменяемыми» сотни инакомыслящих, обрекая их на долгие годы содержания, по сути, в нечеловеческих условиях. Достаточно вспомнить таких известных людей, как генерал Григоренко, математик Леонид Плющ, участница демонстрации против ввода войск в Чехословакию в 1968 году Наталья Горбаневская, известный правозащитник и публицист Владимир Гершуни, который провел в психбольницах 10 лет (из них пять лет на орловском спецу) и другие. Всего, по оценкам экспертов, 50% инакомыслящих направлялись институтом им. Сербского и другими психиатрическими экспертными учреждениями в психушки. Экспертизы, проведенные вашими западными коллегами по десяткам дел инакомыслящих, признавали их психически здоровыми.

О высоком накале полемики можно судить по короткому фрагменту выступлений на дискуссии. Главным моим оппонентом был руководитель научного центра имени Сербского профессор Вячеслав Павлович Котов.

Из фонограммы круглого стола.

В. Абрамкин: Я все-таки не могу хоть пару слов не сказать о прозвучавших здесь утверждениях, что диссиденты, в большинстве своем, были сумасшедшими. Вы не могли бы конкретные фамилии назвать?

В. Котов: Есть понятие врачебной тайны, поэтому я назвать не могу – мне закон не позволяет.

В. Абрамкин: Я таких не знаю. Ни одного!

В. Котов: Все, кого я знаю, действительно были больные люди. А для чего сейчас мы поднимаем этот вопрос?

В. Абрамкин: Я считаю, это совершенно уместный вопрос. Мне, например, крайне важно понять: насколько вы, психиатры, сами внутренне изменились? Продолжаете ли вы практику постановки диагнозов по заказу, например, ФСБ и т.д.? Если вы даете «заказ-

ные» заключения, ставите неточные, необоснованные диагнозы, значит, такие люди не должны попадать в спецпсихбольницы. Учреждения такого и подобного типа оказываются переполненными. Поэтому и средств не хватает.

Блаженная Наталья...

А теперь слово Наталье Горбаневской, которая дала интервью для радиопередачи «Облака» в октябре 2005 года.

В 1975-м меня выпустили в эмиграцию. Я встречалась неоднократно с британскими психиатрами, а еще больше – с французскими. Во Франции существовал комитет психиатров. В 1977 году состоялся очередной конгресс Всемирной ассоциации психиатров, и советские психиатры, пренебрегая, кстати, врачебной тайной, на которую они так любят ссылаться, прислали наши акты экспертизы на Запад. И французские психиатры вместе со мной изучали подряд, страница за страницей, мой акт экспертизы. В анамнезе, в частности, было написано: «Не будучи замужем, родила двух детей». Во Франции это вызвало у психиатров просто шок. И еще две знаменитых фразы, я их больше всего люблю. Первая (к тому времени я уже несколько месяцев сидела в тюрьме): «Судьба детей ее не беспокоит». Им, видите ли так показалось...

Вторая: «Говорит монотонно». Они мне ставили диагноз, и нужно что-то было придумать. Шизофрения поражает либо волю, либо интеллект, либо эмоции. Очень трудно было придумать что-то насчет воли и интеллекта. И тогда они мне записали «эмоциональное уплощение, говорит монотонно».

Именно по той же причине во время экспертизы мне не было задано ни одного вопроса о стихах. А я ужасно боялась, уже готовилась... Они мне скажут: «А вы считаете себя поэтом?» Но я буду говорить: «Знаете, я пишу стихи, и ничего о себе не считаю»... Чтобы мне не приписали манию величия. В моих стихах, в их природе никогда не существовало эмоциональной уплощенности. Так они и придумали: «говорит монотонно». Французские психиатры и это сумели оценить. Пришлось им посмеяться... Когда все закончилось, один из них сказал: «Мы должны ехать к нашим советским коллегам на выучку, потому что перед нами чудесный случай излечения от шизофрении²».

² После Казанской спецпсихбольницы с интенсивом Наташу Горбаневскую признали выздоровевшей. Таков был заказ КГБ, уж сильно большой шум был на Западе.

А настоящая шизофрения, будь она вялотекущая или шустробегущая, неизлечима. Ее можно смягчать, могут быть периоды ремиссии. Излечить от шизофрении нельзя, можно только помогать шизофренику прожить свою жизнь и даже довольно полноценно.

А потом Марат Вартанян (известный психиатр 70-х годов. – В.А.), выступая по радио, которое вещало из Советского Союза на Францию и франкоязычные страны, сказал, что очень многих диссидентов (кажется, кроме меня, он назвал Плюща и Файнберга) пришлось класть в больницы уже западным психиатрам. Это полное вранье. Никого из нас не пришлось класть в больницы. Я знаю случай Юры Титова, которого в Союзе бросили в психиатрическую больницу, но не через институт Сербского и не через суд. Он действительно мается по психиатрическим больницам – выходит, потом снова ложится – и которому французские психиатры как-то помогают. Но о нем речь не шла, поскольку он через институт Сербского никогда не проходил.

Вопрос следует ставить так, как ставил его наш друг Алик Вольпин. Он говорил: «На самом деле неважно, здоровый ты или больной. За высказывание своих убеждений не должны судить ни здорового, ни больного». И я с ним согласна. Однако получилось так, что все время приходилось разбираться в этом вопросе. Потому что, если ты здоровый, то тогда нам обеспечивалась защита психиатров, а не просто западной общественности.

За два с лишним года, что я просидела, я написала всего шесть стихотворений. Ведь я не пишу, я наговариваю стихи. И потом только записываю. Когда я сидела в институте Сербского, досочинила одно стихотворение, начатое еще на воле. Два стихотворения я написала в тюремной камере, в Бутырках. Ни в институте Сербского, ни в казанской больнице я не могла не то что наговаривать стихи, а даже тихо шевелить губами. Помните, у Мандельштама: «губ шевелящихся отнять вы не могли». Позже, вспоминая старые времена, я написала: «шевеливший тем, чего им не отнять».

А у меня эти шевелящиеся губы отняли, потому что я просто боялась: если я буду шевелить губами, эти санитарки и сестры запишут: «Разговаривает сама с собой, ухудшение состояния»...

Вот это стихотворение с зачином, который должен был бы почти петься: «Судьба детей ее не беспокоит» – фраза из акта экспертизы. Я думаю, что в нем действительно сказано все.

Судьба детей ее не беспокоит...
Серебристым пропетая кларнетом,
утеряла окраску угрозы,
но не вылиняла добела при этом.

Хорошо, когда дышат за стеною
сыновья, а не сокамерницы рядом,
хорошо просыпаться не стеная,
глядя в явь, не пропитанную ядом.

Хорошо не ощупывать извилин,
нет ли сдвига, это ты или не ты, мол,
не осевший вдыхать из-под развалин
прах того, что дай-то Бог, невозвратно.

Еще скажу о положении «невменяемых» уголовников, то есть признанных невменяемыми. Я помню, Софья Васильевна Каллистратова, когда мы приходили, она давала всякие советы. И потом говорила: «Все-таки помните, что ваши процессы, по сравнению с процессами уголовников, это – образец правозаконности». Обращение с нами, политическими невменяемыми, по сравнению с невменяемыми уголовниками, было тоже образцом правозаконности. Ни к кому из них не приходил адвокат, никогда и ни к кому!

Орловский спец – еще...

Не только психиатры, но и местные правозащитники внаглую утверждали, что орловский спец – учреждение более открытое, чем ГУИНовские зоны. Я имел возможность проверить утверждения местных правозащитников. Прошелся по разрешенному реабилитационному корпусу, все «пациенты» при нашем появлении вставали, как по команде, и хором скандировали: «В учреждении все нормально, благодарим персонал, от интервью для «Облаков» господину Абрамкину (нюхом, что ли, они почуяли, что я – Абрамкин из «Облаков») отказываемся, пользуясь нашим конституционным правом...»

Даже самые замшелые тюремщики таких «потемкинских деревень» мне уже лет пятнадцать не устраивают.

Роман Чорный

Психиатрическая зачистка

В Санкт-Петербурге на проспекте Энгельса проживала Зоя Николаевна Н-ва – труженица тыла. После смерти своего мужа, участника и инвалида войны, она осталась одна в двухкомнатной квартире. Несмотря на преклонный возраст, Зоя Николаевна сама себя обслуживала, поддерживала хорошие отношения со своими родственниками и соседями. Жила бабушка спокойно до тех пор, пока не прописала в квартиру свою племянницу, поверив обещаниям проявлять о ней заботу и после смерти похоронить, однако в данном случае имелось роковое обстоятельство: племянница до этого пятнадцать лет проработала врачом-психиатром в психиатрической больнице, расположенной около станции метро «Удельная».

Зоя Николаевна прописала племянницу к себе в ноябре 2003 года, а в апреле 2004 позвонила своей сестре и сказала, что «продала ей квартиру, но без денег». После этого разговора сестры никак не могли дозвониться до Зои Николаевны. Они предприняли поиски и обнаружили ее в 28 отделении психиатрической больницы на Удельной. На руках у Зои Николаевны были синяки, и она рассказала сестрам о том, как оказалась в психушке. Поначалу племянница всячески издевалась над ней, била. Затем инсценировала «острый психоз»: разбросала по квартире вещи, рассыпала соль и крупу, вызвала бригаду психиатров и... Зою Николаевну увезли.

Сестры Зои Николаевны обратились за разъяснениями к лечащему врачу. Тот сказал, что у нее, собственно, никакого психического заболевания нет! После этого Зоя Николаевна была незамедлительно вы-

---

Р. Чорный – исполнительный директор НП «Гражданская комиссия по правам человека» (Санкт-Петербург).

писана из больницы. Однако дома ее поджидала племянница К. со своим многолетним опытом предоставления психиатрического «лечения».

Она отбирала у Зои Николаевны пенсию, оскорбляла ее, не выпускала из квартиры, морила голодом, не давала встречаться с родственниками – то есть использовала почти весь «боевой» арсенал врача-психиатра. Иногда Зое Николаевне удавалось вырваться из своей квартиры и попросить соседей о защите, а также позвонить от них родственникам с просьбой приехать к ней на помощь. Родственники поначалу пытались убедить К. прекратить издеваться, но, не добившись успеха, начали обращаться в милицию и прокуратуру. Пока милиция и районная прокуратура отказывала родственникам Зои Николаевны в возбуждении уголовного дела, племянница-психиатр времени зря не теряла. Она переоформила квартиру на свою дочь и поместила теперь уже совершенно «лишнюю» тетю в психиатрическую больницу на «Удельной» — на отделение № 17, которым заведует ее близкая подруга В. Б-ова. На этом отделении Зое Николаевне быстренько поставили диагноз «сосудистая деменция» (старческое слабоумие на фоне поражения сосудов головного мозга), оформили необходимые документы и отправили в один из психоневрологических интернатов для принудительного проживания там.

Таким образом, на февраль 2005 года история Зои Николаевны N-вой выглядит следующим образом. Она – заслуженный человек – стала жертвой мошенничества со стороны своей племянницы, лишилась своей квартиры, понесла материальный ущерб на сумму около 1 400 000 рублей, подверглась насилию, получила ярлык психически больной. Этот ярлык отнял у нее право распоряжаться не только своей собственностью, но и собой. Теперь Зоя Николаевна вынуждена проводить дни в общей палате психоневрологического интерната – на иждивении государства и под «охраной» психиатров!

...В Гражданскую комиссию по правам человека (СПб) пришло письмо из психиатрической больницы № 3 им. Скворцова-Степанова. Писал нам молодой человек, находящийся там на принудительном лечении.

Его знакомство с психиатрией произошло в 1982 году. Его хотели направить в спецшколу за прогул школьных занятий в течение 4-х месяцев. Маме посоветовали отправить мальчика в психиатрическую больницу № 9. Участковый психиатр из Выборгского ПНД дал направление, и психиатрическая скорая увезла мальчика в психбольницу № 9. В психушке парень оставаться не хотел, но в приемном покое его уговорили. Сказали, что в ПБ он пробудет пару недель. Придя на отде-

ление, парень не захотел раздеваться. Медсестра позвала двух старших ребят, они «заломали» мальчику руки и насильно раздели. Вскоре после этого пришла медсестра и сделала укол: три или пять кубиков какого-то лекарства, скорее всего аминазина. Мальчику были сделаны назначения: галоперидол, аминазин, можептил. Это сильнодействующие психотропные препараты с массой побочных эффектов, которые мальчик испытал на себе. Описанный курс лечения мальчик получал в течение четырех (!) месяцев.

После выписки парень попадал в детскую психбольницу еще дважды. Когда парню исполнилось 14, его стали направлять в психиатрическую больницу № 3 на подростковое отделение, а после 18-ти – на взрослые отделения. Написавший нам считает, что жаловаться куда-либо в то время было бесполезно. Раз тебя направил участковый психиатр, есть согласие родственников, то «сиди и не рыпайся». Причиной направлений в «психушки» были отказы принимать «лекарства», ходить на прием к психиатру.

...Е-ву Н.Н. в ПНИ №10 заведующий 5 отделением Ульянов В.В. «для коррекции поведения» назначал психиатрическое «лечение». Е-ва раздевали, отбирали одежду и укладывали в кровать «спать». Насильно делали инъекции препаратов. От психотропных препаратов возникали судороги мышц шеи, ног и рук.

...П-на Андрея зав. 5-ым отделением Ульянов в наказание за конфликт уложил «спать» на 2, 5 мес. У него была отнята вся его одежда, и он лежал в кровати голым. В течение месяца П-ну делали уколы аминазина, еще полтора месяца держали на таблетках. Он был доведен до попытки суицида, после которой его срочно отправили в психиатрическую больницу им. Кащенко.

...В ПНИ №3 16 мая 2005 г. в закрытой палате умер М. М-ин, 21 года. По сообщениям проживающих в ПНИ-3 друзей М-на 13 мая между ними заведующим 6 отделением Бойковым произошел конфликт. По указанию Бойкова М-ну были сделаны уколы аминазина и каких-то еще препаратов, при этом двое других проживающих были использованы для физического «усмирения». В закрытую палату М-ин был доставлен в инвалидной коляске избитым и без сознания. В течение последующих дней его не кормили и не поили. Хотя ему и приносили пищу, самостоятельно он есть не мог.

Вот такие истории...

Наталья Горбаневская

Позорное наследие

С Виктором Некипеловым в Москве мы как-то разминулись (да и жил он не в Москве – во Владимирской области), и увидела я его только в Париже, куда он приехал, прямо скажем, умирать. Карательная психиатрия как таковая над ним формально вроде бы не поупражнялась – в 1974 году психиатрическая экспертиза в институте Сербского (о пребывании на этой экспертизе и рассказывается в документальной повести «Институт дураков») завершилась для него, по нашим понятиям, благополучно. Его не признали невменяемым и не отправили в одну из тех «психиатрических больниц специального типа», которые, не знаю с чьей легкой руки, презрительно именуют «психушками» и для которых существует правильное название: психиатрическая тюрьма, а на тюремном жаргоне куда более метко: «вечная койка». Однако поставленный ему во время второго срока диагноз «канцерофобия» (а кто может ставить диагноз «фобии», как не психиатры?) привел к тому, что рак был смертельно запущен.

И все-таки, появившись в Париже, уже серьезно больной, слабый, он весь светился. Он чуть ли не сразу попал («как Чацкий...») на форум «Литература без границ», проводившийся Французским ПЕН-клубом и Интернационалом Сопротивления, и помню, как нежно, по-братски со мною встретился.

Институт Сербского, где Виктор Некипелов пробыл на экспертизе два месяца (видно, колебались, решали, пустить ли его «по психам», но время было такое, когда обвиняемых по делам, ставшим более или менее громкими, стали чаще признавать вменяемыми, а на «вечную койку» загоняли провинцию, людей, о которых никому ничего или почти ничего не было известно), он описывает на удивление спокойно, сдержанно, деловито и конкретно. И это действует гораздо сильнее, чем безудержная эмоциональность и «поэтика эпитетов» (так я когда-то называла склонность не-

которых самиздатских авторов покрепче вмазать противнику), способные если не оттолкнуть читателя (а тем более сегодняшнего), то, по крайней мере, вызвать некоторое недоверие. Это не значит, что у автора – он же герой повествования – нет эмоций, но и чувства свои, чаще горькие, он описывает с той же мужественной сдержанностью.

Институт становится у Некипелова настоящим объектом исследования. Писатель рассказывает обо всем, что только можно было узнать, углядеть, услышать о жизни этого печально прославленного заведения – Института судебно-психиатрической экспертизы имени Сербского. В предисловии к книге он пишет:

«Я попытался рассказать обо всем, что увидел в этом любопытном, окутанном мраком безвестности учреждении, являющемся своеобразным гибридом советской системы террора и советской медицины.

Конечно, мои записи страдают досадной неполнотой, ведь я побывал в институте не в качестве журналиста-репортера, а в качестве обыкновенного, связанного по рукам и ногам бесправного экспертного зэка.

Я почти ничего не смог рассказать о структуре института и организации его работы, назвать по фамилиям всех врачей даже своего отделения, ибо в институте они тщательно скрываются. Но что-то я все-таки увидел и понял.

Насколько мне известно, в нашей бесцензурной литературе почти нет достаточно полных сведений об институте имени Сербского, хотя интерес к этому печально славному учреждению, конечно, велик. Так, может быть, мои записи хоть в какой-то степени восполнят этот пробел, а главное – призовут к действию кого-то более знающего и опытного.

Я рассматриваю свою работу как часть коллективного труда по преданию гласности и, следовательно, обезвреживанию одного из зловещих островов советского ГУЛАГа, сегодняшней цитадели наивысшего бесправия и бесконтрольных опытов над беззащитным арестантским мозгом – института имени Сербского в Москве».

На мой взгляд, Некипелов оценил свою книгу слишком скромно. «Что-то», которое он «увидел и понял», – это все-таки очень много. Рассказы о сосидельцах и дневниковые записи (трудно себе даже представить, каким чудом писался, а затем попал на волю этот дневник) перемежаются главками о судебно-психиатрической экспертизе – в ее замысле и структуре, о методах ее проведения, о врачах, санитарках, сестрах, о быте этой тюрьмы (так как это тоже тюрьма), о тех, кто «косит», то есть симулирует, и даже о том, как правильно «закопить». О прибытии в «тихий Кропоткинский переулочек» и о возвращении в Бутырку. И, разумеется, о том, как проводилась его собственная экс-

пертиза. Побывав в том же институте Сербского лишь на женском «спецу» (две камеры-одиночки), где никого и ничего не видишь, я не знала и малой части того, что рассказано в этой книге...

Но, может быть, такая книга нужна и интересна только мне да еще горстке читателей, переживших опыт – или скорее подопытность – карательной психиатрии? Или же – только мне и несколько большему числу тех, кого интересует любое, а тем более такое основательное свидетельство о советском прошлом? Нет, думаю, и этого мало, когда пытаешься определить сегодняшнее значение книги Виктора Некипелова. При этом я отнюдь не собираюсь во всем соглашаться с автором вступительной заметки к книге Игорем Гиричем, руководителем общественной организации «Помощь пострадавшим от психиатрии» (издавшей эту книгу). Он заушает и всю психиатрию в целом, смыкаясь в этом с западными течениями «антипсихиатрии», и всех психиатров, которые непременно становятся «злодеями <...> когда им самим понадобятся жертвы». По мнению И. Гирича, только в этом, в безнаказанной возможности злодея измываться над жертвой, и состоит вся суть психиатрии.

Предвидя возможные возражения, И. Гирич перечисляет тех, «кому это выгодно», кто предпочитает не замечать, что в области психиатрии «бесчеловечность, жестокость, беззаконие – были и остаются ежедневными». Я, по его классификации (правда, не знаю, чем мне это выгодно), вхожу в «большую массу простых людей», третью категорию после самих психиатров и государства: «Если им не пришлось испытать на себе “терапию дурдомов”, то они вполне могут придерживаться мысли о необходимости психиатрической системы. Именно о необходимости, то есть о невозможности обществу прожить без нее». Испытав на себе – по счастью, сравнительно коротко – вышеназванную «терапию» в Казанской психиатрической тюрьме, я тем не менее думаю о тех людях, кому психиатрия нужна: о действительно больных.

Как-то в разговоре со мной философ Александр Пятигорский сказал: «А знаете, ведь настоящие больные – они знают, что они больны. Им очень тяжело, и они ждут помощи». Я, конечно, согласилась, ибо этих настоящих больных я своими глазами видела в Казани. Там им, конечно, помогали плохо: больница-тюрьма – не лучшее место для настоящей (без кавычек) терапии. Но это не значит, что, как пишет И. Гирич, «психиатрия без насилия существовать не может» и не несет больным, как и всякая медицина, исцеления или хотя бы облегчения.

Сразу замечу, что выводы, которые И. Гирич сделал из книги Виктора Некипелова, – целиком на его собственной совести. Некипелов, профессионально причастный к медицине (дипломированный фарма-

цвет), вероятно, по меньшей мере удивился бы, прочтя этот текст как издательское предисловие к своей книге.

Однако вернемся к теме книги. Если говорить о «системе» и о сегодняшнем дне, то нельзя не отметить: хотя в начале 90-х на волне дошедших наконец до советской и российской печати разоблачений карательной психиатрии положение во многом изменилось к лучшему, однако институт Сербского, в прошлом оплот этой системы психиатрических преследований, вновь решительно повернул к прошлому.

На сайте «Медмедиа.ру» это положение охарактеризовано сжато и точно: «Принимая во внимание изменения в СССР, в 1989 году Всемирная психиатрическая ассоциация (ВПА) возобновила членство Всесоюзного общества психиатров, но обязала его выполнить несколько важнейших условий, а именно: публично признать имевшие в Советском Союзе место злоупотребления психиатрией в политических целях; реабилитировать пострадавших от карательной психиатрии; принять закон о психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании; не чинить препятствий процедурам инспекционной деятельности ВПА в СССР; обновить руководство официальной советской психиатрии. *Ничего из этого сделано не было.* (Курсив мой. – Н. Г.)

Ныне институт Сербского возглавляет экс-министр здравоохранения Татьяна Дмитриева. Она, в частности, известна следующей точкой зрения: «Мы сейчас обращаемся к историям болезни тех людей, которые проходили по статьям 70 и 190-1 – антисоветская деятельность. Все-таки, в основном, это были люди с психическими расстройствами разного уровня».

Помню, о новом (тогда еще новом) директоре Института Сербского говорил мне после одной из своих первых поездок в Москву Владимир Буковский. За давностью не вспомню подробностей, но хорошо помню, что он был доволен встречей: Татьяна Дмитриевна вроде бы признавала нашу правоту, собиралась повернуть работу института на новые рельсы. Повернула же в конце концов на старые. И, конечно, это не чисто личный поворот в убеждениях и мнениях, который с каждым может произойти, а ясное ощущение, что теперь – можно. Что в нынешней атмосфере можно спокойно повторять позавчерашние обвинения и обелять всю печальную – точнее бы сказать, гнусную — историю института Сербского с конца 50-х, когда Хрущев впервые «озвучил» будущую карательную психиатрию, заявив, что у нас политзаключенных нет, а есть лишь уголовники и сумасшедшие, и до конца 80-х.

Та же Татьяна Дмитриева в двойном качестве – директора института Сербского и депутата Государственной Думы (фракция, разумеется,

«единороссов») – упорно проталкивает поправки к закону «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», принятому в 1992 году и действительно знаменовавшему резкий отход от практики карательной психиатрии, особенно в том, что касалось насильственной госпитализации. (Система специальных психиатрических больниц была реорганизована еще раньше, в 1989 году: из ведения МВД они перешли в Министерство здравоохранения, став действительно больницами – пусть со всеми недостатками, свойственными государственной системе здравоохранения.) О законе, принятом при Ельцине, на том же сайте говорится:

«Принятый в 1992 году на волне критики советской карательной психиатрии “Закон о психиатрической помощи” оказался вполне прогрессивным даже бывшим диссидентам, отсидевшим в отечественных “психушках” не один год. Он построен на балансе двух понятий — прав человека и безопасности. Законом предусмотрены исключительные случаи, когда больной может представлять угрозу для себя или окружающих, и в этих случаях предусмотрена принудительная госпитализация. Во всех остальных требуется либо согласие пациента, либо решение суда».

Однако поправки, подготовленные не кем-нибудь, а коллективом института Сербского, фактически ликвидируют «баланс прав человека и безопасности» — в пользу, разумеется, своеобразно понимаемой безопасности. Надо сказать, что даже в нынешней Думе эти поправки не дошли до одобрения: летом прошлого года в закон были внесены лишь некоторые косметические изменения. Может быть, сыграло роль то, что в 2003 году обсуждение поправок началось на фоне проигранного Россией в Европейском Суде по правом человека деле жительницы Екатеринбурга, принудительно госпитализированной – в нарушение закона – без суда.

Однако, как мы узнаём из более свежих материалов, авторы поправок не уgomонились. Не далее как в декабре прошлого года сайт «Агентура.ру» со ссылкой на газету «Русский курьер» сообщал, что «на первом Национальном конгрессе по социальной психиатрии “Психическое здоровье и безопасность в обществе” обсуждается вопрос о внесении изменений в законодательство. Поправки предлагает внести Татьяна Дмитриева – член политсовета партии “Единая Россия” и директор Государственного научного центра судебной и социальной психиатрии им. Сербского. По сведениям газеты, она предлагает помещать пациента в психиатрическую больницу против его воли на 30 суток без решения суда. Сейчас по закону недобровольная госпитализация возможна лишь на 5 дней. Необходимость этих драконовских по-

правок в закон будет аргументироваться пресловутой “безопасностью общества и борьбой с терроризмом”. Фактически речь идет о возрождении принудительной психиатрии советского образца...».

Одновременно продолжается обеление практики карательной психиатрии, которую институт Сербского возглавлял теоретически и практически (конечно, «следуя линии партии»).

Совсем недавно директор Центра содействия реформе уголовного правосудия Валерий Абрамкин, выступая на «круглом столе» в бывшей Орловской спецбольнице, призывал психиатров к отказу от позорного наследия:

«Психиатры работают в очень сложной сфере. Они используют методы, которые оказывают глубинное влияние на личность человека, при этом возникает много сложнейших проблем и вопросов. Например, насколько обосновано такое вмешательство в психику человека?

Известно, что психиатрия имеет дурную славу. Я могу напомнить, что психиатрами было уничтожено 300 тыс. человек с 1939 по 1945 год (в Германии). И наша советская психиатрия имела тоже не очень хорошую репутацию. В частности, из-за того, что институт им. Сербского по заказу КГБ давал в ходе психиатрической экспертизы заключения по делам инакомыслящих, после которых психически нормальные люди на неопределенный срок помещались в психиатрические больницы.

Семь таких инакомыслящих находилось и в Орловской психиатрической больнице. Некоторых из них я лично знаю – это совершенно здоровые люди. <...>

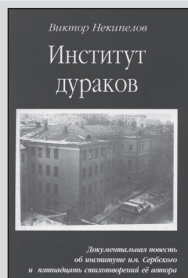
Я надеюсь, что такие дискуссии, такие встречи, такие контакты помогут в дальнейшем предотвратить использование психиатрии в карательных целях. Тогда, возможно, будет преодолено это позорное наследие и наша психиатрия будет иметь другую репутацию».

И что же? Как сообщал 4 октября Центр содействия реформе уголовного правосудия (в передаче «Облака», посвященной книге Виктора Некипелова), «напоминание о психиатрических репрессиях вызвало всеобщее негодование психиатров. Причем представители Главного научного центра социальной и судебной психиатрии (так сейчас называется институт Сербского) утверждали, что диагнозы инакомыслящим ставились правильные, большинство диссидентов и в самом деле были шизофрениками. Более того, психиатры признавали инакомыслящих невменяемыми якобы с благородной целью – спасти их от тюрьмы». Ну, этот аргумент мы в свое время слышали. Достопамятный Даниил Романович Лунц, говорят, в частных разговорах тоже щеголял этим: «Мы их от тюрьмы спасали, а они, неблагодарные...». Участвуя

по долгу службы в работе комиссий, решавших вопрос об «освобождении» (точнее, обычно о переводе из больницы специального типа с больницу общего типа – на продолжение принудительного лечения в смягченных условиях), профессор Лунц, безусловно, видел (если даже предположить, что раньше не знал), что всё это тюрьмы: тюремные стены, тюремная охрана, тюремный режим (правда, два часа прогулки) – вся разница с той тюрьмой, от которой он «спасал», состояла в том, что в той тюрьме не «лечили» ни электрошоками (как в Казани 19-летнюю листовочницу из Сыктывкара Лизу Морохину), ни инсулиновыми шоками, ни психотропными препаратами.

Однако нынешние врачи из института Сербского даже превосходят советских своим «благородством». Когда-то профессор Марат Вартанян, сам в институте Сербского не работавший, но служивший чем-то вроде посла и адвоката карательной психиатрии перед западной публикой, говорил в передаче французской редакции Московского радио, что такие-то и такие-то зэки, за которых на Западе заступаются, на самом деле так больны, что западные психиатры были вынуждены их госпитализировать. Никто из названных, в том числе автор этих строк, не только не был госпитализирован, но и встречался с западными психиатрами лишь в совместной борьбе против советских психиатрических репрессий. Поэтому разоблачить эту ложь было легко. Теперь же, когда Валерий Абрамкин попросил профессора Вячеслава Котова, представлявшего на «круглом столе» институт Сербского, назвать конкретные фамилии тех диссидентов, которые, по утверждениям психиатров – участников «круглого стола», были сумасшедшими, тот «благородно» ответил: «Есть понятие врачебной тайны, поэтому я назвать не могу, мне закон не позволяет, – а затем уверенно прибавил: – Все, кого я знаю, действительно были больные люди».

Отказ посмотреть в глаза прошлому, рассчитаться с ним – опасная вещь. И для душевного здоровья отдельного человека – как пациента или потенциального пациента, и для самого психиатра, и для душевного здоровья общества. Вот почему книга Виктора Некипелова, к сожалению, не устарела и не перешла в разряд чисто исторических свидетельств.

Виктор Некипелов.

Институт дураков.

Документальная повесть «Институт дураков» и
избранные стихотворения.

Барнаул, «Помощь пострадавшим от психиатрии»,
2005. 180 с., илл.

«Дураки едят пироги» (Практический статус невменяемого)

В советской криминальной практике вменяемость и невменяемость – понятия правовые, то есть юридические. Человек, совершивший преступление, признается вменяемым, если он сознает обстоятельства и общественные последствия совершенного. Дело рассматривается судом, и в случае доказательства и признания вины выносится обвинительный приговор с мерой наказания. Если же совершивший преступление не отдает себе отчета в совершенном и не сознает опасности своих действий из-за душевной болезни, он не может быть привлечен к уголовной ответственности. Такой человек признается больным, а не преступником, и к такому человеку в соответствии со статьей 11 УК РСФСР «могут быть применены обязательные меры медицинского характера по постановлению суда», то есть меры принудительного лечения. Заметьте, «могут быть применены по постановлению суда». Значит, могут быть и не применены? По правде говоря, часто так и бывает. Например, когда преступление не очень серьезное или совершается, даже и повторно, человеком, уже состоявшем на психиатрическом учете. В последнем случае обвиняемый несколько дней содержится в камере предварительного заключения, а за это время суд отправляет повестку официальным опекунам задержанного с предупреждением и, если это необходимо, со взысканием суммы стоимости причиненного ущерба, после чего обвиняемый отпускается. В тяжелых случаях суд выносит постановление о необходимости обязательного лечения либо в больнице общего типа, либо в специальной психиатрической больнице. Но это постановление не является наказанием за совершенное уголовное преступление, хотя и выполняется репрессивным аппаратом, а рассматривается как «обязательная административная мера»¹. Освобожде-

¹ В п. 1 ст. 403 УПК РСФСР говорится: «Принудительные меры медицинского характера, не будучи мерами уголовного наказания, тем не менее являются мерами государственного принуждения и могут назначаться только судом».

ние от наказания за уголовное преступление, совершенное человеком в состоянии невменяемости, пропагандистски выдается советским правосудием за торжество гуманности и законности.

Но оставим пропаганду в стороне. Как относится к возможности заменить каторжный труд в лагере госпитализацией в психиатрическую больницу сам преступник, уголовный преступник?

Ну и что, думает он, «дураки едят пироги». Ему не нужно будет работать, в его пайке всегда будут молоко и мясо, вместо вертухаев будут врачи, постель будет чистой, он сможет лежать на койке и дремать, медсестры все сделают, у него будет право на посылки и свидания почти каждый день, и он сможет прогуливаться в саду... Есть только одно неудобство в этой жизни: он должен будет каждый день пить таблетки, от которых он будет спать или хуже... но такова цена небесных благ. Однако можно найти выход. Можно научиться обманывать сестер и разными ухищрениями не глотать таблетки... например, положив под язык и потом выплюнув, выкашлянув. В спецбольницах это, конечно, труднее, но ведь не лагерь же, не лагерь и не тюрьма! Для человека, которому грозит большой срок, искушение довольно сильное: пять лет больницы или пятнадцать в лагере?..

Признание невменяемым дает, кроме того, множество преимуществ после освобождения. Опять же – не надо работать, так как пребывание в больнице влечет за собой получение инвалидности второй или третьей группы с пособием на жизнь. Опять же – не несет уголовной ответственности за последующие преступления... Эй вы, дураки! Идемте позабавимся! Можно пить и гулять в свое удовольствие, сумасшедшему все простится. Говорят даже, что сумасшедший не обязан платить за причиненный ущерб, если у него нет официального опекуна.

И у каждого преступника есть это заветное желание – быть признанным невменяемым. Я расспрашивал многих в лагере и тюрьме, и из тех, с кем разговаривал, кто знал о существовании психиатрического рая, не было ни одного, кто бы о нем не мечтал.

Но как туда попасть? Русский человек, может быть, и не очень умен, но у него есть практическая жилка, особая сметливость, если к тому же дело касается попадания в рай. Здесь много возможностей для изобретательного ума. Как всегда, на первом месте врожденные актеры, за ними – дурной пример заразителен – идут их последователи, подражатели. Большая часть арестованного уголовного мира борется с остервенением за место в рядах психов.

Естественно, отбор тоже безжалостен. Гонка жестока. Едва ли один из десятка стартующих пересекает линию финиша. Мои цифры основаны на

моих наблюдениях и не могут служить документом, но я предполагаю, что 85 или даже 90% направленных в психбольницы душевно здоровы. 95% людей из 4-го отделения института имени Сербского были здоровы. А из тех, кто был признан больным, может быть, только 25 или 30 % были действительно больными. Руководство справляется с этой проблемой очень просто: оно закрывает глаза на нее, афишируя при этом на весь мир свою «гуманность». Для высоких чинов, сидящих в кабинетах, даже удобно такое положение: процент душевнобольных увеличивается из года в год, и это соответственно увеличивает материальные возможности стационаров; но главное – процент преступности по статистике падает. «В социалистическом обществе не может быть социальной основы для нарушения закона» – такой лозунг на красном полотне длиной три метра висел во Владимирской следственной тюрьме № 1. Если нарушения законов и преступность все-таки еще существуют, то они лишь «пережитки капитализма»... или следствие психиатрического заболевания. Судя по недостатку мест в психбольницах, больных в стране слишком много. Леонид Плющ свидетельствует, что в Днепропетровской спецпсихбольнице на трех человек приходится две кровати. Даже в институте Сербского в отделениях № 2 и № 6 я видел людей, спавших на полу из-за недостатка коек.

Структура института

Я мало что могу сказать о структуре института в целом. Официально он называется Центральным научно-исследовательским институтом судебной психиатрии имени профессора Сербского (ЦНИИСП) и находится в ведении Министерства здравоохранения СССР. Однако у него есть и другой, негласный, опекун, чей титул не обозначен на вывеске, – Министерство внутренних дел СССР. Не знаю, в каких конкретных формах осуществляется его влияние, но вот одна из них: весь персонал института имеет воинские звания войск МВД, врачи – офицерские, сестры и няньки – видимо, сержантские. Уже одно это обстоятельство (подкрепленное, конечно, соответствующей зарплатой) повышает бдительность и усердие медицинского персонала, усиливает его ретивость по части выполнения государственных задач.

Во главе института стоит действительный член Академии медицинских наук профессор Морозов. Не знаю его воинского звания по таблице МВД, но судя по тому, что его подчиненный, по сути всего лишь заведующий отделением, Лунц, как говорили осведомленные люди, имеет звание генерал-лейтенанта, звание Морозова должно быть не малым.

Кроме Министерства внутренних дел, институт Сербского не может не курироваться – через Прокуратуру СССР – и Министерством юсти-

ции. Забегают в него, конечно, или позванивают (это касается как раз 4-го отделения) и из всевластного КГБ.

В составе института, насколько я знаю (видел на картонке с номерами телефонов в сестринской комнате), семь отделений. Одно из них (5-е) – женское. Еще знаю, что 7-е отделение – алкогольное (алкогольные психозы), оно как-то особняком стоит и помещается в отдельном здании во дворе и работает будто бы только на московских алкоголиков.

Что касается остальных отделений, то я совершенно не знаю, по какому принципу они выделены. Предполагаю, что по характеру заболеваний. Наше, 4-е отделение, очевидно, шизофреническое. Ну, может быть, более узко: вялотекущая шизофрения, у нее ведь по советской классификации много различных форм. Это можно предположить хотя бы потому, что через 4-е отделение проходили все «политические», а у них, как правило, всегда «шизофрения».

Какие же ярлыки на 1, 2, 3 и 6-м отделениях? Ну, может быть, где-то «паранойя», где-то «маниакально-депрессивные психозы», где-то «эпилепсия»... Или другие варианты шизофрении, скажем, «галлюцинаторно-бредовая» или «кататоническая»?.. Не знаю, не бывал. Но из нашей партии, привезенной из Бутырок 15 января (около 25 человек), многие попали в 1 и 2-е отделения. Они самые большие в институте (в первом, кажется, около ста человек) и скученные, это там спят в коридорах и на полу. А всего в институте пребывает одновременно около 300 человек. В каждом отделении свои врачи, сестры, нянйки. Даже дежурные прапорщики (один человек на отделение, сменяются каждые восемь часов), хотя они подчиняются своему начальству, в отделениях одни и те же.

Кроме основных своих задач – практической экспертизы и науки – институт является учебной базой как для студентов, так и для различных семинаров, курсов усовершенствования и т.п., причем сразу по двум ведомствам – медицинскому и юридическому. В институте где-то есть большой, на 150–200 человек, зал, в котором проводятся лекции с демонстрацией больных.

К сожалению, там я тоже не бывал.

Встреча с Лунцем

Однажды нянйки несколько тщательнее провели в палатах приборку. Прибежала сестра – потыкала пальцем в паутину. Зэки-натуральщики налегли с утра на паркет.

Было часов около одиннадцати, я читал, сидя на койке.

Вдруг в палату быстрыми шагами, почти бегом, влетел седовласый большеголовый человек в белом халате. Выпученными, а еще и увеличенными

стеклами очков глазами и вздутыми щечками он напоминал большого мопса. Он и влетел, как мопс, круто развернувшись на кривых ногах. Остановившись передо мной, с возгласом «Ну-с!» – резко постучал правым указательным пальцем по левому, клянусь, звук был точь-в-точь такой, как если бы мопс, усевшись, постучал обрубок хвоста по полу.

Я встал. Незнакомец сквозь стекла очков буравил меня взглядом. Через некоторое время в палату так же быстро вошла незнакомая женщина в очках и с тетрадкой в руке, а за ней – наша дневная сестра, кудрявенькая Женя.

– Вот это тот больной, Даниил Романович, о котором мы вам рассказывали, – произнесла, запыхавшись от бега, женщина с тетрадкой.

Я понял, что передо мной знаменитый Лунц, и кровь бросилась мне в голову.

Мы стояли молча, уставившись друг другу в глаза, как два деревенских парня, играющих в гляделки.

– Вы окончили фармацевтический институт? – резко спросил он.

– Простите, но я не знаю, с кем говорю. Вы не представились.

– Зовите меня Даниил Романович.

– Так вы Лунц?

– Именно. Именно так, – отчеканил он, продолжая сверлить меня взглядом. – Так какой фарминститут вы окончили? Московский?

– Харьковский.

– А еще вы окончили литературный институт?

– Чувствуется, что вы знакомы с моей биографией.

– Кое-что, кое-что. Скажите, а кто был вашим творческим руководителем в институте?

Я подумал: видимо, проходили уже перед ним студенты или выпускники литературного института. Ну да, конечно, Данилов из Ленинграда... мой друг Гоша Беляков... Сколько еще неведомых...

В палату вошло еще несколько врачей.

– Вы же все равно его не знаете, – ответил я. – Сергей Александрович Поделков.

– Он больше, э-э-э, педагог, чем поэт?

– Это вы так считаете?

– Разумеется, мнение сугубо личное. Да, да, да.

Я заметил, что он не сводит глаз с моей руки. В левой руке у меня были очки, и, разговаривая с Лунцем, я машинально крутил их, держа за дужки. Я вспомнил утверждение Игоря, что такое непроизвольное монотонное движение часто расценивается врачами как один из признаков шизофрении, и быстро оборвал его, скрестив руки на груди.

– Ну хорошо. Мы еще будем беседовать с вами. Часто и долго беседовать.

Тоже глядя прямо ему в глаза, не убирая скрещенных рук, я медленно покачал головой, выражая отрицание.

– Что, нет? – вздернул головой Лунц. – Нет?

– Нет, – тихо, но отчетливо ответил я.

– Почему?

– Потому что глядя на вас, я вижу перед собою – детей Леонида Плюща, – ответил я негромко и медленно, смотря ему в самые зрачки – зеленые и мертвые.

Резко вскинулась кудлатая голова. Щелкнули челюсти мопса. Однако он держал себя.

– Ну, это вам так кажется. Хорошо. До свиданья. Вопросы ко мне есть?

Я спросил, буду ли оставлен здесь на второй месяц, как обещает врач.

– Посмотрим в понедельник, – ответил Лунц. Еще я спросил, скоро ли, наконец, состоится прогулка. Сказал, что лежу здесь уже месяц без глотка воздуха.

– Что вы, это по лужам-то? Февраль... грипп... – он явно смешался. – Нет, это опасно, опасно...

– А вам не кажется, что месяц без воздуха – это более опасно?

Но Лунц уже не ответил – он бежал из палаты, сопровождаемый своей свитой. Они обошли и другие палаты, правда, ни у одной кровати не задержавшись так долго, как возле моей.

Позже я узнал, что это был первый обход Лунца после возвращения его из-за границы, кажется, из Венгрии. Что-то насаждал он там?.. Я думал: интересно, а в западные, в так называемые «капстраны» он ездит? И уютно ли ему там? Ведь в 1973–1974 годах особенно высока была волна протестов за рубежом против психиатрических репрессий в СССР. И имя Лунца поминалось там, наверное, часто. Это была моя первая и, по сути, единственная продолжительная встреча с Лунцем. Никаких бесед, ни долгих, ни коротких, между нами так и не состоялось.

После его ухода в палате еще долго пахло собачьей шерстью.

Эммануил Гушанский

Из записок судебного психиатра

Безмотивных поступков и безмотивных преступлений не бывает – всегда человек в своих действиях руководствуется либо осознанными, либо неосознанными мотивами, находит оправдание своим поступкам или ссылается на их чуждость и непонятность, если мотивы с его точки зрения постыдны.

Умение осознать мотивы своих поступков связано с рефлексией, способностью осознать и превратить в феномены свои переживания. Так как мы осознаем себя только в зеркале других, лучший способ контролировать свои мотивы и «властвовать собой» – это способность к осознанию и пониманию мотивов других людей, то сочувствие, которое «дается нам как благодать». То, что женщины на порядок реже совершают криминальные агрессивные действия, наверное, связано с прирожденной женской способностью анализировать поведение других, пусть даже такой анализ основан на нарциссизме и эгоцентризме. Маскулинизация женщин, их отрыв от привычной зависимости от отношений и обретение других (в том числе наркотических) зависимостей приводит, в частности, к росту криминальных действий.

Осознание мотивов своих поступков и отношений находится в связи с ответственностью, так как включает в себя общественную оценку, а, следовательно, совместимость с правовыми и моральными нормами. Неспособность понимать свои и чужие мотивы сопровождается отсутствием эмоциональных связей и несет в себе скрытую опасность.

Э. Гушанский – врач-психиатр, кандидат медицинских наук. Участвует в работе «Мемориала», «Гражданского содействия», является психиатром-экспертом в Бюро независимой экспертизы «Версия».

Л. всегда отличался живостью, не имел устойчивых интересов, был доброжелателен с товарищами, легко вовлекался в совместное времяпрепровождение с ними, занимался игровым спортом (футбол, хоккей), но не стремился к высоким достижениям. Семья жила в достатке, отец – работник ГАИ, мать – владелец небольшого магазина, обеспечивали детей всем необходимым и приучили Л. к мысли о том, что деньги никому не достаются «честным» путем и за деньги можно купить все. В последние годы отец Л. злоупотреблял алкоголем, из-за чего между родителями возникали ссоры, но пьянство отца, который любил рассказывать своим сыновьям о продажности женщин и своих сексуальных успехах, не отражалось на благосостоянии семьи. Учился Л. посредственно, после окончания 9 классов приобрел специальность автомеханика и устроился на работу в должности милиционера патрульно-постовой службы. В свободное от работы время он, установив по мобильной связи контакты с девушками, договаривался о встречах, разъезжал с ними на своей машине, вступал с ними в связи, за соответствующую плату и доплату «экспериментировал» с ними в технике половых сношений. Длительных привязанностей у него не было; он вел специальный дневник с записями телефонов и физических особенностей девушек и гордился своими успехами у них. С помощью мобильного телефона он установил связь с К., который предложил ему «расширить свой кругозор» и заняться коллективным сексом. Они встретились, К. предложил Л. сесть в его машину и «отправиться по одному адресу». Предварительно они выпили по банке пива. В салоне машины К. стал хватать Л. за колени, обнял его и пытался поцеловать, предложил «попробовать» вступить с ним в гомосексуальную связь. Л. охватило омерзение, он стал сопротивляться и, когда К., приставив к горлу Л. нож, пытаясь его изнасиловать, Л. вырвал у него нож и нанес К. этим ножом несколько десятков ранений, большинство из которых оказались смертельными. Он не помнит о своих действиях и действиях К., не помнит, сколько ранений нанес ему, испытывал чувство отвращения, озлобленности, обиды за то, что К. принял его за «продажную тварь», страх за свою жизнь, воспринимал К. как опасного и реального врага. Подробностей происшествия он не помнит, считает, что на некоторое время «потерял контроль за своими действиями», «очнувшись», увидел, что они с К. во время борьбы вывалились из машины и он лежит в луже крови рядом с К., и попытался оказать ему помощь, но, убедившись, что «уже поздно», поехал на машине К. домой и там уснул. На следующий день он явился с повинной в милицию.

Очевидно, что «немотивированные» и неадекватные действия Л. связаны с отсутствием у него привязанностей и эмоциональных связей, неспособностью анализировать и понимать собственные побуждения и мотивы поступков других, чувством обиды и униженности за то, что его приняли за такую же «продажную тварь», каких он и за людей-то не принимал, и проецированием своего оскорбления и унижения на К., который для него олицетворял образ врага, реально угрожающего его жизни. Подсознание мобилизовало сознание и организовало преступные действия, которые Л. расценивает как защитные.

Вместе с тем наличие у Л. неосознанных мотивов вовсе не свидетельствует о том, что он совершил «умышленное» убийство, предполагающее заранее обдуманый замысел, планирование, подготовку, адекватное переживаемой угрозе жизни использование средств защиты. Подсознательные мотивы нашли свое выражение в аффективно-импульсивных действиях, при которых, согласно С.Л. Рубинштейну, «разрядка определяется не целью, а только причинами, ее порождающими, и поводом, ее вызывающим».

Л. был осужден за умышленное убийство.

***

Криминальный конфликт при совершении умышленных, осознанных действий возникает на пересечении интересов сторон, глубоко убежденных в правильности и обоснованности своих поступков.

На пустынной улице Москвы глубокой ночью скучали сотрудники патрульно-постовой службы. Они изнывали от предгрозовой духоты, расстегнули мундиры, сняли головные уборы. На повороте показалась машина, следовавшая с превышением скорости. Водитель машины Д. не отреагировал на требование остановиться. Милиционеры сели в машину, преградили путь, а когда Д. остановился, выволокли его из машины, бросили на землю и стали избивать ногами. Убедившись, что Д. не оказывает сопротивления и голова его залита кровью, милиционеры решили направить его на медицинское освидетельствование для установления факта алкогольного опьянения. Врачу, проводившему освидетельствование, они сказали, что Д. управлял машиной в нетрезвом виде. Врач не расспрашивал Д. о происшествии, констатировал у него «шаткость походки», «запах алкоголя изо рта», заторможенность, учащение пульса и расширение зрачков. Какие-либо клинические признаки опьянения у Д. в акте медицинского освидетельствования описаны не были. Исследование алкоголя в выдыхаемом воздухе с помо-

щью аппарата «Алкометр» выявило содержание алкоголя, соответствующее легкой степени опьянения, причем через 20 минут при повторном исследовании содержание алкоголя оставалось тем же (существуют закономерности снижения содержания алкоголя в крови, о котором врач не знал и которое не выявил «Алкометр», недостаточно чувствительный и, видимо, неисправный). Через два часа после медицинского освидетельствования милиционеры составили протокол о том, что Д. превысил скорость и оказал сопротивление при задержании. Об избиении в протоколе не упоминается. Утром следующего дня Д. обратился в травмпункт, где у него констатировали телесные повреждения на голове, лице, туловище и конечностях. В тот же день в районной поликлинике ему выдают больничный лист в связи с легким сотрясением мозга и последствиями побоев. Д. обратился в суд с требованием прекратить против него административное расследование и жалобой на причинение ему сотрудниками милиции телесных повреждений. Суд отклонил жалобу, так как не мог «рассматривать жалобу до вынесения решения об административном нарушении». В течение трех недель Д. лечился по поводу последствий травмы головы и по прошествии трех месяцев продолжает жаловаться на головные боли, головокружение, особенно при перемене погоды, утомляемость и плохой сон (долго не засыпает, вспоминая о перенесенном унижении, кошмарные сновидения, в которых воспроизводятся сцены задержания и унижения). Через два месяца после происшествия суд вынес решение об административном правонарушении и на полтора года лишил Д. права управлять автомашиной. Во время судебного заседания милиционер постовой службы отрицал факт избиения Д., уверял, что Д. был пьян, как «почти все, кто нарушает правила движения», и ссылаясь на данные медицинского освидетельствования. Врач, допрошенный в суде, не помнил о данном факте и утверждал, что «если так написано в акте, значит, так оно и было».

Двадцатилетний Д. ранее в пьянстве замечен не был. Он отличался тихим нравом, пассивностью, внушаемостью, неумением отстаивать свои интересы. Ранее он работал милиционером в службе по охране метрополитена, но после условного осуждения за участие в коллективном угоне автомобиля (без цели хищения) уволился по собственному желанию, работал дворником и «подрабатывал», развозя пассажиров на своей автомашине. В день происшествия он спиртные напитки не употреблял, лишь за 12–14 часов до этого выпил дома бокал пива. Ночью у его жены начались родовые схватки, он повез ее в роддом. Схватки оказались ложными, но ее оставили в роддоме, а ему рекомендовали

не волноваться и ехать домой. Он спешил, так как хотелось хоть немного поспать, а на работу нужно было успеть к восьми утра. Человек, преградивший ему дорогу, был без форменной фуражки и жезла, а форма из-за темноты была неразличима, поэтому он обогнул его и продолжал движение. Когда он остановился перед преградившей путь милицейской машиной, его вытащили из салона, бросили на землю, били ногами по лицу, голове и туловищу и повезли, как оказалось, на медицинское освидетельствование. Он не сразу сообразил, что с ним говорит врач, который его ни о чем не спрашивал, не проводил телесный осмотр, лишь пощупал пульс и предложил подышать в трубку.

Д. смирился с приговором, у него много забот в связи с рождением ребенка. Он надеется в будущем работать в милиции. Последствия травмы головы и стрессового психического расстройства со временем пройдут. Д. надеется в будущем работать в ГАИ – там можно хорошо зарабатывать.

В данном случае обе стороны действовали умышленно и осознанно. Сотрудники ГАИ уверены в том, что каждый «нарушитель» или задержанный ими «по подозрению» пьян и, если он не настроен на дачу взятки, должен быть наказан. Акт опьянения и отсутствие свидетелей при избивании задержанного – гарантия их безнаказанности. Врачи, которые в течение рабочего дня сталкиваются с сотнями случаев опьянения, всегда на стороне милиции, ибо для них существует «презумпция опьянения» и им «некогда» заниматься конкретным выяснением обстоятельств.

Д. был взволнован, стремился как можно скорее возвратиться домой, неотреагировав на требование остановиться, так как принял милиционера за хулигана, который может отнять машину и избить его. Действия обеих сторон конфликта были умышленными. Разнонаправленность интересов заключается в неумении и нежелании обладающей силой и властью стороны понять поведение слабой стороны, которая не умеет и не может отстоять свои права и защитить свои интересы.

***

Психологическая зависимость является компенсаторным механизмом тревоги, неопределенности, неспособности принять решение и нести ответственность за свои поступки. Обратной стороной зависимости как формы несвободы является стремление к свободе, попытка хотя бы на время «отвязаться» от своей связанности и рабства. Лучшим и надежным способом такого иллюзорного обретения свободы является алкогольное или наркотическое опьянение, дающее ощущение

ние независимости и разрешающее тягостные проблемы. Фактически лучшим способом лечения алкогольной или иной наркотической зависимости является опьянение, когда на время зависимость исчезает, становится эфемерной. Всякий наркоман или алкоголик мечтает избавиться от рабства и «вылечиться», прибегая при этом к методу «подобное подобным». Всякая зависимая личность стремится избавиться от тягостной и унижающей его связи и доказывает свою «самостоятельность» во время конфликтов с психологически доминирующим партнером, получая при этом мазохистское «удовольствие» и усиливая свою зависимость. Иногда это плохо кончается.

Т. рос слабым, запуганным (отца раздражала его пугливость, он часто его бил, издевался над его тупостью, несообразительностью, привязанностью к матери, неумением «постоять за себя»). Учился он плохо – трудно было сосредоточиться, не было устойчивых интересов. С подросткового возраста стал выполнять поручения лидеров, ябедничал, приносил им украденные дома деньги, спиртные напитки, «травку». С 15 лет стал в компании сверстников курить анашу, одурманивание ею вызывало легкость, чувство свободы и «приобщенности к коллективу». С 17 лет стал употреблять героин. Дважды привлекался к ответственности за «распространение» наркотиков, ему назначалось принудительное лечение от наркомании в местах лишения свободы. После последней «отсидки» устроился на работу грузчиком в продовольственный магазин, общался с алкоголиками, которым приносил по их просьбе вино и бутылки. Они его «надоумили» заменить наркотики водкой, но алкогольное опьянение, к которому он стал прибегать все чаще, не давало такого чувства легкости и беззаботности, как героин. «Друзья» познакомили его с Р., ставшей его «любовницей». Он привязался к ней, выполнял все ее причуды, своим родственникам говорил, что «сильно ее любит», отдавал ей заработанные деньги и страдал от «тягостности» их отношений. Она пила почти ежедневно, в состоянии опьянения становилась грубой, требовала, чтобы он вступал с нею в половую связь, была «ненасытной», обзывала его «импотентом». Иногда между ними возникали пьяные драки. Т. стал жить у Р., отдавал ей заработанные деньги, терпел ее издевательства и страдал от «тягостности» этой связи. Однажды Р. пришла домой вечером в небольшом «подпитии» и послала Т. за водкой. Она пила до поздней ночи и требовала, чтобы Т. составил ей компанию, но он «нанюхался» героина (после принудительного лечения он опасался вводить героин внутривенно) и пил мало и неохотно. Будучи совсем пьяной, она стала требовать, чтобы Т. всту-

пил с нею в связь. «Связь» не удалась, она обзывала его импотентом, кляла, пыталась избить, стала одеваться, чтобы уйти к соседям от «плохого любовника». С этого момента Т. стал не вполне четко воспринимать происходящее – черты лица Р. изменились, стали стертými и страшными, рот искривился, губы стали странно шевелиться, голос стал дребезжащим, будто «не от нее исходил». Он почувствовал, что «лицо как иголками колет», «жар прилил к голове, сердце колотилось, в голове пульсировала кровь, время пошло странно». Помнит, как схватил нож, «в голове все плыло». О нанесенных Р. множественных ударах ножом Т. не помнит. «Очнувшись», Т. увидел, что Р. лежит на полу в луже крови, рядом с нею – нож. Он «почувствовал небывалое облегчение», у него возникла слабость, он дошел до комнаты, упал на кровать и «отключился». Проснувшись, Т. позвонил соседке и попросил ее прийти к ним, потому что Р. «стало плохо». Соседка увидела, что Р. мертва, и вызвала милицию. Т. попросил соседку «забрать нож, так как я мог им убить скорее всего» и попросил ее принести ему «бутылку пива и четвертинку водки, так как меня всего трясет».

В крови трупа Р. был обнаружен этиловый спирт, концентрация которого соответствовала «тяжелой алкогольной интоксикации у живых лиц». Выявленные у Т. следы алкоголя в крови свидетельствовали о том, что в момент убийства он находился в состоянии легкого алкогольного опьянения и наркотического одурманивания.

Ключевыми для понимания состояния Р. в момент убийства были его слова об «облегчении» от «тягостного» чувства зависимости и услужливость подсознательных механизмов сознания, которые снизили четкость его восприятий, вызвали явления дереализации, деперсонализации и частичного запамятования своих действий и переключили восприятие на субъективные ощущения. Убийство Р. стало апофеозом освобождения Т. от зависимости. <...>

Трибунал Фуко

В 1960-х годах оформилось движение «антипсихиатрия», в основе которого лежало убеждение, что психиатрические больные не страдают «душевыми болезнями», но, по сути, являются индивидами, которые не признают традиционную систему верований или представления о реальности, разделяемые большинством людей в их конкретной культуре. Сторонники этого движения иногда упоминают «миф о душевной болезни», пользуясь при этом названием книги психиатра, профессора Томаса Саса «Миф о душевной болезни», положившей начало острой дискуссии о существовании и состоянии психиатрии.

В 1998 году Т. Сас и его единомышленники провели в Берлине «Трибунал Фуко о состоянии психиатрии» (названный в честь философа Мишеля Фуко, который в «Истории безумия в классическую эпоху» (1961) и других книгах развил понятие безумия как социальной конструкции, навязывающей такую дефиницию нормальности, которая в высшей степени полезна для отправления власти над телами граждан.

Можно было бы назвать этот трибунал общественными слушаниями, однако проводился он в соответствии с общепринятой судебной процедурой. Мы публикуем в сокращении часть документов этого трибунала.

Цель трибунала

заключается в протесте против насильственного помещения в психиатрические лечебницы и лечения и против общепринятого медицинского определения безумия, в силу которого индивиды лишаются их самоопределения и самой сущности их достоинства медицинскими работниками, которые имеют свой особенный взгляд на общество и которые в осуществлении своих профессиональных обязанностей преследуют своекорыстные интересы. Рука об руку с этими медицински-

ми работниками действует система правосудия как их пособник и как легализующий орган. В результате психиатрия оказывается крупным сегментом общества, выведенным из-под всякого общественного контроля, которому обыкновенно подчинен любой орган исполнительной власти в демократическом конституционном государстве.

Психиатрия в конце концов не является карательным институтом, но тем не менее она допускает произвол врачей, обладающих такой нецивилизованной властью как физическое наказание (например, привязывание пациента к кровати) и использование психотропных средств. Все это диаметрально противоположно свободопорождающим функциям современного демократического государства.

В таких условиях необходимо выработать новую концепцию безумия, которая способствовала бы изменению сложившейся ситуации и удовлетворяла бы интерпретации безумия, предложенной Фуко.

Формирование трибунала

Истцы:

Проф. Томас С. Сас (Сиракьюз, Нью-Йорк), проф. социологии Гербург Тройч-Дитер, юрист и политолог проф. В.-Д. Нарр.

Требования истцов:

создание должности профессора безумия в Институте философии при берлинском «Свободном университете», кандидаты для которой будут отбираться центром Вернера-Фусса;

прекращение всех попыток отыскать генетические причины безумия или попыток их «лечить»;

уравнение в статусе безумия с такими явлениями, как гомосексуализм; переобучение психиатров в консультантов для наркоманов в рамках программы трудотерапии;

отмена законов о принуждении для душевнобольных (Psychisch Kranken Gesetze);

прекращение оказания любых обязательных услуг «фондами больных» с таким пониманием, что вместо этого застрахованное лицо должно иметь свободу выбора по вопросу личного страхования для оказания ему психиатрических услуг;

принятие закона, признающего «законы об унаследованном здоровье» незаконным нацистским законодательством;

исключение из списка ВОЗ следующих видов заболеваний (в том числе и всех сопутствующих понятий): шизофрения, маниакально-депрессивный психоз, пограничное состояние.

Ответчики:

Проф. Крукенберг (медицинский инспектор, Бремен) и другие лица по его выбору.

Жюри:

Лица, ставшие жертвами насилия в психиатрии, отобранные редакцией «Irren-Offensive»¹ или подготовительной группой трибунала, в частности Кейт Милле.

Судебный пристав: философ проф. Дитмар Кампер

Томас Сас

Дело против психиатрического принуждения

Для совершения насильственных или несправедливых деяний правительству не достаточно обладать волей или даже властью, в этих деяниях должны непременно проявиться привычки, идеи и страсти эпохи.

Алексис де Токвиль

Политическая история по большей части представляет собой рассказ о властителях, совершающих насильственные или несправедливые действия против своего народа. Примеров не счесть: на ум тут же приходят восточный деспотизм, инквизиция, советский ГУЛаг и нацистские лагеря смерти. Принудительная психиатрия относится к этой же категории.

Когда Токвиль писал о «несправедливых деяниях», он говорил как сторонний наблюдатель, рассматривавший санкционированное государством насилие как лицо незаинтересованное. С точки зрения инсайдера, санкционированное государством насилие является, по определению, справедливым. Конституция Соединенных Штатов признает принудительные каторжные работы справедливой и гуманной экономической политикой. Во всем цивилизованном мире люди в настоящее время признают принудительную психиатрию справедливой и гуманной терапевтической политикой. Прибегая к модной правозащитной риторике, один видный психиатр называет включение «права на лечение» – изящный эвфемизм для принудительного лечения наркотиками и так называемого «участия в пациенте помимо его санкции» – в систему социальных обязательств «политикой, более реалистически и гуманно уравнивающей право на болезнь с правом на спасение».

В современной западной медицине утвердился моральный и правовой принцип, гласящий, что тело индивида является его собственностью и что медицинское вмешательство без разрешения пациента равносильно физическому насилию и нанесению побоев. Часто цитируемое решение Верховного суда США от 1891 года определяет, что «никакое право не является более священным или более тщательно охраняемым, в рамках общего права, чем право каждого индивида на владение и контроль над своей личностью, свободной от всякого ограничения или вмешательства со стороны других индивидов... Право на свою личность, можно сказать, является правом полного иммунитета, то есть правом быть предоставленным самому себе».

В 1928 году судья Верховного суда Луис Д. Брандайс повторил эту знаменитую формулу. Он заявил: «Творцы нашей Конституции стремились дать американцам защиту для их верований, мыслей, эмоций и чувств. Они даровали нам, в защиту от правительства, право быть предоставленным самому себе – право всеобъемлющее и наиболее ценное цивилизованными людьми».

Трудно примирить эти мнения с практикой принудительной психиатрии, если только не признать, что диагноз душевной болезни автоматически исключает «пациента» из категории человеческих существ, обозначаемых термином «личность». Однако такая интерпретация становится несостоятельной в свете мнения, сформулированного в 1964 году Главным судьей Верховного суда (тогда окружным судьей) Уорреном Бергером, что право быть предоставленным самому себе приложимо к «иррациональным» психическим больным не менее, чем ко всем прочим. <...>

Недавнее судебное решение, утвердившее право на отказ от лечения непсихиатрических болезней, служит в поддержку моего утверждения, что такое право распространяется также и на отказ от лечения психиатрических заболеваний. В 1993 году тюремный врач в Калифорнии «инициировал *ex parte*² судебное разбирательство с целью добиться права использовать хирургический катетер для кормления и лечения полностью парализованного заключенного, отказывавшегося от подобного лечения». Суд постановил: «Право на отказ от медицинского лечения является основополагающим и фундаментальным», равно как и неотъемлемым от понятия информированного согласия. Право лица на личное независимое решение отказаться от медицинского лечения не противоречит здравому смыслу, то есть медицинской рациональности... Поскольку решения в области здравоохранения

² В интересах одной стороны и в ущерб другой (*лат.*).

сущностно связаны с субъективным ощущением благосостояния, государство не придерживается безоговорочного и унифицированного принципа сохранения жизни ценой личной автономии. Как утверждение общего характера, заявление о том, что индивид существует ради блага государства, разумеется, противоречит нашему фундаментальному тезису о том, что роль государства состоит в обеспечении максимальной личной свободы, или выбора, или поведения».

Данное решение знаменательно по двум причинам. Во-первых, потому что физическое состояние, которое врач предложил лечить, заключалось в отказе пациента от пищи, что само по себе не является в чистом виде болезнью, и потому что вмешательство в состояние пациента, которого добивался врач, заключалось в питании этого пациента, что не является в чистом виде формой медицинского лечения. Во-вторых, потому что в данном случае суд недвусмысленно предоставил индивиду принципиальное право на иррациональный отказ от лечения. Эта конкретизация была чересчур запоздалой и мы ее игнорируем на свой страх и риск. Врач подвергает сомнению рациональность поведения и компетентность своего пациента только лишь в случае, когда пациент не согласен с решением врача предпринять некие действия в отношении пациента или непосредственно с пациентом. А как же иначе? Как же может врач подвергать сомнению рациональность поведения и компетентность пациента, если тот соглашается с ним, не оспаривая разумность своего поведения? Следовательно, если иррационально действующий заключенный имеет право не подвергаться принудительным действиям со стороны врача, то на каком основании можно отказать в таком же праве незаклученному, обладающему правом считаться разумно действующим индивидом? <...>

С учетом всей истории психиатрии, опыт Холокоста предлагает нам один урок, который мы до сих пор обходили своим вниманием. Урок заключается в том, что aberrации национал-социалистической медицины, которые мы все единодушно осуждаем, представляют собой гипертрофированный вариант такой стратегии решения конфликтов, к которой склонны все современные государства, а именно стратегии, которая ищет медицинско-терапевтические решения для своих морально-социальных проблем (терапевтические государства). Германия и Соединенные Штаты – и многие другие современные государства – удовлетворяют данному критерию. <...>

Систематически применяемое мошенничество и принуждение требует легитимизации. Ранее эту функцию исполняли церковь и госу-

дарство, представлявшие и осуществлявшие проект Бога для праведной жизни. В наше время ту же функцию выполняют медицина и государство. Поэт У. Х. Оден выразил эту ситуацию так: «Отличие и новизна нашей эпохи состоит в том, что первостепенная цель политики любого развитого общества не является, строго говоря, политической по своей сути, что сегодня к человеческим существам относятся не как к личностям и гражданам, но как к человеческим телам... Сегодня во всех технологически развитых странах, какой бы политический ярлык они на себя ни навешивали, политика в основном преследует ту же цель: гарантировать каждому члену общества, как психофизическому организму, право на физическое и душевное здоровье».

Пока идея душевной болезни продолжает служить способом легитимизации психиатрического мошенничества и принуждения, психиатрия, объединяющая целый комплекс описываемых медицинским языком актов принуждения и их обоснований, – не может быть реформирована, а тем более отменена. Поэтому для тех, кто выступает против психиатрического принуждения и его обоснований, принципиальным противником является медицинская моральная и политическая легитимизация психиатрии, которая для нее является важнейшим источником власти.

Власть есть способность добиваться подчинения. Ее источником является насилие сверху и зависимость снизу. Под принуждением я понимаю правовую и/или физическую способность лишать другого человека жизни, свободы и собственности или угрожать подобным «наказанием». Под зависимостью я понимаю желание или потребность иметь защитника или благодетеля.

Парадигматическое применение психиатрического принуждения является осуществлением мнимого диагностического или терапевтического вмешательства в жизнь индивида против его воли, санкционированное государством как способ защиты индивида от безумия и защиты общества от безумца. Отсюда вытекает, что основным источником психиатрического господства является физическая сила. Другим его источником является зависимость, то есть потребность безвластного индивида в обеспечении его комфортом и заботой теми, кто облечен властью. Принудительное психиатрическое вмешательство основано на насилии, добровольно санкционированное психиатрическое вмешательство – на подчинении. Уравнивать или смешивать эти два типа психиатрических отношений столь же абсурдно, как уравнивать или смешивать изнасилование и секс по взаимному согласию. Я являюсь противником принудительного психиатрического вмешательства отнюдь не потому, что считаю их безусловно «пагубными» для

пациентов, но потому, что я протестую против применения государственного аппарата принуждения с целью вовлечения индивидов в психиатрические отношения против их воли. Точно так же я поддерживаю добровольно санкционированное психиатрическое вмешательство вовсе не потому, что я полагаю безусловно «благими» для пациентов, но потому, что я возражаю против использования власти государства для вмешательства в договорные отношения между желающими вступить в такие отношения совершеннолетними гражданами.

Когда кошмарный образ мира в оруэлловском «1984 году» выявляет всю свою жуткую очевидность, О'Брайен так объясняет Уинстону функциональную анатомию власти:

Никто не захватывает власть с намерением потом ее отдать. Власть – это не средство, а цель. Никто не устанавливает диктатуру с целью защитить революцию, революцию совершают с целью установить диктатуру. Предметом преследования является само преследование. Предметом пытки – пытка. Предметом власти – власть. Теперь ты начинаешь меня понимать?

Империя психиатрической власти существует уже более трехсот лет и она ежедневно становится все более всеобъемлющей. Но мы пока еще даже не начали отдавать себе отчет в ее существовании, и еще меньше – понимать ее роль в нашем обществе.

Рон Лайфер, д-р медицины

Критика психиатрии и приглашение к диалогу

Медицинская модель является доминирующей парадигмой психиатрии. За последние сорок лет она стала мишенью нарастающей критики. Что такое медицинская модель? Почему она стала объектом критики? Медицинская модель не является научной концепцией или теорией. Ее нельзя подтвердить или опровергнуть фактами. Модель есть концептуально-лингвистическая конструкция, метафора. Деревянная модель самолета – метафора настоящего самолета. Это не настоящий самолет. Это отображение, подчеркивающее сходство и игнорирующее различия. В глазах может вспыхнуть огонь, но он не обжигает. Медицинская модель есть метафора, которая описывает психиатрию, психиатров и психиатрических пациентов языком медицины. Медицине не требуется медицинская модель. Это стандарт, по образу которого пси-

хиатрия себя моделирует, – точно такой же, каким настоящий самолет является для игрушечного. Медицинская модель проецирует метафоры заболевания на пациента и метафоры медицины на психиатра. <...>

2. Медицинская модель как идеология

Идеология есть набор идей, которые акцентируют факты, способствующие утверждению определенных общественных интересов, и затушевывают факты, им противоречащие. Медицинская модель выдает себя за научную категорию, но функционирует как идеология. Это идеология, потому что она акцентирует сходство между болезнью как медицинским фактом и душевным заболеванием, а именно утверждает, что и то другое подразумевает страдания и недееспособность. И она затушевывает их различия, а именно то, что страдания и недееспособность больных с медицинской точки зрения проистекает из ярко выраженных изменений телесного характера, в то время как страдания и недееспособность душевнобольных не имеют ярко выраженных телесных проявлений, а выражаются в речи, ощущениях и общественном поведении. Перевод дискуссии о человеческих страданиях в русло мозговых проблем и характеризует медицинскую модель психиатрии именно как идеологию. <...>

5. Медицинская модель как основа профессиональной идентичности психиатров

Идеологии поддерживают и упрочивают общественные интересы и, в свою очередь, поддерживаются и упрочиваются этими интересами. Медицинская модель служит обществу как идеология, которая оправдывает скрытый общественный контроль. Она также служит интересам психиатров, поддерживая их профессиональную идентичность как врачей. Медицинская модель служит для обеспечения личных, профессиональных и экономических интересов психиатров. Не будь медицинской модели, не было бы и медицинской психиатрии. Если душевная болезнь и впрямь «существует», тогда психиатры являются полноправными членами медицинского братства. Если же душевная болезнь не «существует», если сам этот термин не более чем метафора, использующая язык медицины для оценки и описания мыслей, чувств и поведения, тогда психиатров нельзя считать «настоящими врачами». Медицинская модель служит личным интересам психиатров, а те, в свою очередь, пропагандируют медицинскую модель. Критики медицинской модели угрожают идентичности психиатров и по этой причине ими игнорируются, замалчиваются и преследуются

б. Принудительно-медицинская психиатрия делает и распространяет ложные выводы

Психиатры заявляют, что так называемые «душевные заболевания», например шизофрения, депрессия и биполярная болезнь, имеют нейрохимические или генетические причины. В журнальных статьях и частных беседах, однако, они допускают, что эмпирические данные носят «предположительный, а не очевидный характер». Для психиатров эти данные являются предположительными, потому что в их интересах так их трактовать. Для нейтральных же наблюдателей их заявления вовсе не являются научно верифицируемыми. Критики подвергали сомнению психиатрическую методологию, заявления и выводы, но высказанные ими мнения заглушаются, преследуются и игнорируются. Например, психиатры заявляют, что «причиной» депрессии является низкий уровень серотонина в мозгу, печально известный «биохимический дисбаланс». В качестве доказательства этого заявления обычно приводится реакция на определенную разновидность медикаментов, так называемых антидепрессантов. Антидепрессанты являются стимуляторами. Называть их «антидепрессантами» все равно что называть фонарик «антизатемняющим инструментом». Если отвлечься от того факта, что роль серотонина и других синаптических переносчиков все еще до конца не выяснена, и даже если согласиться с утверждением, что уровень серотонина понижается в состоянии депрессии, нужно задать вопрос: это причина или следствие? Существует масса эмпирических данных о том, что душевные события могут изменять мозговые события. Почему же эта проблема оставлена без внимания?

Смерть любимого человека обычно вызывает чувство депрессии, которое называется скорбью. Эта депрессия вызвана низким уровнем серотонина или утратой? Увлекательное спортивное состязание может повысить уровень катехоламина у массы зрителей. Тогда чем же вызвано это массовое возбуждение – повышением уровня катехоламина или драматизмом состязания? «Антипсихозная» таблетка может ограничить способности музыканта к игре на фортепьяно, но точно так же она может ограничить «шизофренические» нетрадиционные мыслительные структуры. Означает ли это непременно, что игра на фортепьяно и мышление есть результат действия нейрохимических реакций?

Мне как частнопрактикующему психиатру часто звонят люди с просьбой вылечить их от «биохимического дисбаланса». Я спрашиваю их, проходили ли они тест, выявляющий этот дисбаланс. Обычно следует ответ «нет» – потому что такого теста просто не существует. Тогда я спрашиваю их, знают ли они, какие именно химические составляющие разба-

лансированы. Обычно они понятия об этом не имеют. Тогда я спрашиваю, откуда они знают, что у них химический дисбаланс. И они говорят, что либо им об этом сообщил лечащий врач, либо им страдает, по ее словам, их тетушка, либо они видели передачу по телевизору. Так называемый «биохимический дисбаланс» – единственная известная мне болезнь, передающаяся посредством слухов. Утверждение, что депрессия является болезнью, – это пропаганда, распространяемая психиатрией и государством и продаваемая фармацевтическими компаниями, которые объединились в государственно-научный альянс.

7. Принудительно-медицинская психиатрия вступила в сговор с фармацевтическими компаниями и страховым бизнесом для продвижения медицинской модели

Медицинская модель служит интересам фармацевтической промышленности, провозглашая, что душевные заболевания являются болезнями мозга, поддающимися лечению с помощью таблеток, которые производят, рекламируют и продают фармацевтические компании. Фармацевтическая промышленность, в свою очередь, финансирует исследования, обучение, образование и профессиональные журналы, обеспечивающие поддержку медицинской модели. Основой развития психиатрических теорий являются таблетки. Фармацевтическая промышленность выделяет миллионы долларов психиатрам на исследования психотропного воздействия таблеток, от чего выигрывает фармацевтическая промышленность. За счет ее рекламы финансируется выпуск психиатрической периодики, в которой публикуются положительные результаты таких исследований. Она дает деньги на обучение психиатров в научных центрах и на повышение квалификации психиатров на конференциях и семинарах, которые ратуют за употребление психотропных таблеток. Фармацевтические компании тратят от восьми до тринадцати тысяч долларов на каждого врача в нашей стране на подарки, питание, гонорары за лекции, гонорары за консультации, проезд первым классом на конференции и бесплатные образцы своей продукции. В подобных случаях обычно говорят, что деньги покупают влияние. Но психиатры отрицают, что деньги, получаемые ими от фармацевтической промышленности, влияют на их мышление и практику.

Компании по уходу за недееспособными также поддерживают применение медицинской модели в психиатрической практике и вносят свой вклад в медицинизацию человеческих проблем. Ведь задачей таких компаний является прием оплаты за психиатрические услуги. Это означает, что каждый пациент, которого наблюдает психиатр, уча-

ствующий в программах ухода за недееспособными, должен получить психиатрический диагноз. Тем самым жизненные проблемы пациента сразу же переводятся в медицинскую плоскость и рассматриваются как болезнь. Часто компании по уходу за недееспособными заставляют практикующих психиатров применять психотропные медикаменты, которые, по их мнению, экономят время и деньги. Психотерапевтов, не признающих медицинскую модель и вместо применения психотропных таблеток обучающих пациентов преодолевать свои трудности путем анализа жизненных проблем, наказывают – исключая их из программ профессионального страхования от врачебных ошибок.

Фармацевтическая промышленность и индустрия помощи недееспособным образуют мощный тандем в поддержку медицинской модели. Государство, выступающее за применение медицинской модели, потому что она оправдывает скрытый общественный контроль, является еще одним партнером этого союза единомышленников. Национальный институт психического здоровья, поддерживающий медицинскую модель, является научно-исследовательским инструментом государства. Государство финансирует общественные психиатрические лечебницы, где пациенты содержатся принудительно. Системы здравоохранения «Медикейр» и «Медикэйд» свято верят в истину психиатрических диагнозов. Очень плохо, что психиатрия, государство и частная промышленность объединили свои усилия в поддержке медицинской модели. Но еще хуже, если говорить о будущем нашего общества, что эти сложные взаимоотношения до сих пор не изучены должным образом. <...>

8. Медицинская модель размывает понятие персональной ответственности

Когда человек кончает с собой, чаще всего это объясняют тем, что он страдал от депрессии, вызванной химическим дисбалансом. Таким образом, самоубийство из моральной проблемы становится проблемой медицинской. Список обусловленных (и, соответственно, извинительных) мыслей, настроений и поведенческих особенностей длинен и быстро удлиняется. Сюда входит тревожность, угнетенное состояние, самоубийство, убийство, гнев и агрессия, фобии, навязчивые состояния, булимия, анорексия, сексуальные отклонения, сексуальное воздержание, разного рода зависимости, различные формы ухода от жизни и навязчивость, болтливость, стыдливость, возбуждение, лень, бессонница, сонливость, гедонизм, ангедония, эгоизм, ненависть к себе, бунт и конформизм. Чем больший спектр мыслей, эмоций и поведенческих особенностей объясняется с помощью медицинской модели,

тем больше размывается в обществе понятие о личной ответственности. А чем большей эрозии подверглась этика личной ответственности, тем сильнее должно быть государство для контроля за отклоняющимся поведением. Таким образом, эрозия личной ответственности с неизбежностью ведет к тоталитаризму.

9. Психиатрия вносит свою лепту в подавление и сужение горизонтов сознания

Психиатрия вносит свою лепту в подавление и сужение горизонтов сознания, интерпретируя человеческое поведение как следствие мозговой деятельности, тем самым закрывая глаза на мир души и смысла. Если все человеческие мысли, чувства и поведение могут быть сведены к мозговым процессам и телесным функциям, что же тогда произойдет с личностью? Что произойдет с выбором и целью? Амбицией и надеждой? Трагедией и комедией? Воображением и любовью? Законом и этикой? Если наши мысли, чувства и поступки есть не более чем нейрохимические возмущения, тогда мы утратили свою человеческую сущность. Все наши предания обесмыслены. Мы отбросили возможность познать себя. И утратили способность себя излечить.

Перевод с английского Олега Алякринского

Вердикт трибунала Фуко

Мы считаем, что психиатрия – не желая отказываться от использования насилия и принуждения – виновна в преступлениях против человечности: преднамеренном унижении достоинства, лишении свободы и жизни. Чаще всего это делается посредством юридической категории «психически больной», что позволяет полностью нарушать права человека, гражданские права и законы естественной справедливости.

Далее, психиатрия не может претендовать на звание искусства врачевания, так как она нарушила клятву Гиппократа, применяя вредные химические препараты, которые вызвали, в частности, всемирную эпидемию тардивной дискинезии, а также другие вмешательства, которые мы считаем пытками: принудительное лишение свободы, насильственное введение препаратов, привязывание к койке, электрошок, все формы психирургии, амбулаторный надзор.

Такая практика и идеология во время эры нацизма позволила психиатрам прийти к систематическим массовым убийствам пациентов-заключенных под предлогом «лечения».

Психиатрия не только не желает отказаться от влияния, которое она получила от государства в ходе истории, но даже принимает на себя роль высокооплачиваемого и уважаемого средства контроля над обществом – роль международной полицейской силы, силы подавления политических и социальных разногласий.

Мы признаем психиатрию виновной в сочетании насилия и неподотчетности; это – классическое определение тоталитарных систем. Мы требуем отмены законов о «психически больных», что станет пер-

вым шагом к тому, чтобы сделать психиатрию подотчетной обществу. С этой целью должна быть осуществлена компенсация за тот вред, который она причинила. Также должны быть созданы общественные организации как гуманная и достойная альтернатива психиатрии.

Основания для вердикта

Защита говорит о терапевтической необходимости в применении психиатрического принуждения, и, если необходимо, физической силы. Однако защита признаёт, что в «хороших психиатрических учреждениях» принуждение используется как можно меньше. Очевидно, что принуждение не является терапевтическим средством – скорее, оно зависит от типа используемой психиатрии. Мы осуждаем все формы психиатрического принуждения как нарушение прав человека.

Законы о «психически больных» предписывают психиатрическое принуждение в случае опасности для самого больного или для окружающих. На практике это широко нарушается. Вопрос этот – всего лишь вопрос оценки опасности, ведь не было совершено никакого преступления. Это значит, что применяется лишение свободы в превентивных целях.

Защита характеризует пациента как «психически больного», потому что его способность помочь самому себе снижена. Она считает, что такой человек должен быть лишен определенных социальных прав из-за ослабления его способности чувствовать и вести себя так, как ожидает от него общество.

Мы считаем, что общепринятое определение болезни неудовлетворительно. В этом случае такое учреждение как «психиатрическая больница» не может предложить никакой помощи.

Мы считаем, что медицинское лечение должно проводиться только на добровольной основе.

Особенно опасно то, что многие судьи имеют предубеждения и соглашаются с экспертными оценками психиатров.

Пациенты, пережившие психиатрическое «лечение», имеют право требовать материальную компенсацию за причиненные им боль и страдания.

Берлин, 2 мая 1998 года

Томас Сас

Освобождение посредством притеснения

Сравнительное исследование рабства и психиатрии

Одно из наиболее ярких воспоминаний моего детства – это принуждение. Мне было шесть лет, и я не хотел идти в школу. Почему я должен идти в школу? Потому что, говорили мне, все дети моего возраста идут в школу, и потому, что это для меня хорошо. Я так не чувствовал. Мне это казалось наказанием.

Позднее я узнал, что людей, которые совершают плохие поступки, запирают в плохих местах; что есть два вида плохих людей – преступники и сумасшедшие, а также два вида плохих мест, куда их запирают – тюрьмы и психиатрические больницы. Так что по поводу психиатрических больниц одна вещь была мне очевидна всегда: это *очень* плохие места. Люди, которых туда запирают, говорят, что эти места плохи. Дело значительно ухудшают те, кто их туда запирает, утверждая, что эти места – хорошие и что они особенно хороши для тех, кого там заперли.

Согласно утверждениям властей, душевнобольные – больны и опасны, их следует госпитализировать ради их собственного блага и ради защиты общества. Сумасшедшему место в сумасшедшем доме. Только сумасшедший спросит: *почему?*

Когда я стал врачом и решил обратить внимание на психиатрические проблемы, недобровольный правовой статус пациента психиатрической больницы стал в моих глазах *определяющей* характеристикой психиатрии как медицинской специальности в отличие (в те времена) от психоанализа, который заключался в слушании и говорении и запрещал затрагивать пациента иначе, как крайне осторожно, дрожащими руками.

Фрагменты из книги, подготовленной к печати Гражданской комиссией по правам человека (Москва).

В настоящее время издательство «Ультра.Культура» готовит издание книги доктора Томаса Саса «Фабрика безумия».

Почему психиатры запирают безвинных душевнобольных и объявляют некоторых преступников «невиновными»? Почему психиатры заявляют, что душевнобольных «госпитализируют» и «лечат», вместо того чтобы говорить, что их «запирают» или «лишают свободы», или что они «лишены ответственности и поэтому с ними обращаются так, как если бы это были младенцы или дурачки»? Почему люди называют лиц, помещенных в сумасшедшие дома, «больными» и говорят, что у них заболевание мозга, даже несмотря на то, что патологоанатомы не могут обнаружить ни единого свидетельства такой болезни?

Все современные общества признают законно установленное подчинение людей, именуемых «душевнобольные», представителям государства, именуемым «психиатры», как незаменимую общественную практику и нравственно похвальное медицинское установление. Никто не воспринимает эту практику в качестве формы систематического притеснения.

Никто не подвергает сомнению тот факт, что принуждающие полицейские практики служат интересам общества, но не интересам индивида, задержанного полицией. Однако немногие допускают, что принудительные психиатрические практики служат интересам общества, но не интересам лиц, которых задерживают психиатры. Такое отрицание оправдывает последствия двух образцовых процедур психиатрии – принудительной госпитализации и защиты по невменяемости. Принудительная госпитализация – законная процедура для лишения невинных граждан свободы путем заключения их в психиатрических учреждениях против их воли. Защита по невменяемости – это правовая процедура для освобождения виновных индивидов от ответственности за преступления с последующим их заключением в психиатрических учреждениях.

Дети и другие зависимые индивиды вынуждены взаимодействовать с бесчисленными лицами, которых они, возможно, предпочли бы избежать, – например, братья и сестры, учителя, родители, школьные товарищи, наставники, психологи и священники. Напротив, в свободном обществе взрослые обладают фундаментальным правом общаться с другими или избегать их. Следует признать, что есть люди, с которыми взрослые люди иногда *вынуждены* общаться, например, с полицейскими и агентами налогового ведомства. К списку таких людей принадлежит и психиатр, с одним важным отличием: люди не рассматривают полицейского, который арестовывает грабителя, в качестве благодетеля преступника. Однако они воспринимают, или предполагается, что они должны рассматривать пси-

хиатра, который ставит диагноз человеку в депрессии и лишает его свободы, как благодетеля задержанного.

Как недобровольное порабощение отличается от добровольного труда, так и недобровольное психиатрическое лечение отличается от добровольного медицинского лечения. Рабство и психиатрическое лечение опираются на принуждение; добровольный труд и медицинское лечение опираются на сотрудничество. Психиатр-рабовладелец рассматривает пациента как индивида, которого душевная болезнь лишила морального суждения; пациенту требуется лечение против его воли, ради его собственной выгоды. Опирающийся на договор медицинский врач рассматривает пациента как морально ответственное лицо, обладающее теми же правами и той же ответственностью, что и он сам; каждый из них свободен от принуждения другим, и каждый отвечает за свое поведение.

От основания сумасшедших домов в XVII веке и до начала XX века все обитатели лечебниц для душевнобольных в США были «сертифицированы» – что означает освидетельствованы и госпитализированы по закону против своей воли. «До 1881 года, – пишет Говард Зонана, профессор психиатрии в Йельском университете, – идея добровольного поступления в больницу человека, признаваемого душевнобольным, была немислимой». Еще в 1940-х годах, когда я был студентом-медиком в Цинциннати, добровольных пациентов в психиатрических больницах штата Огайо не было.

Словосочетание «certifiable lunatic» («тот, кто может быть сертифицирован как сумасшедший») указывает на близкую связь, существующую между безумием и недееспособностью. Тот, кто может быть сертифицирован как сумасшедший, рассматривается не только как индивид, неспособный осознавать или представлять свои собственные интересы, но также и как сирота или брошенный ребенок, забота о котором в силу несчастья становится обязанностью государства, которое исполняет роль родителя (*parens patriae*). Представители государства должны приютить его, кормить его и контролировать его. На протяжении столетий люди считали, как это формулирует специалист по медицинской этике и профессор философии университета Алабамы в Бирмингеме Грегори Э. Пенс, «что безумный нуждается скорее в “терапевтическом правосудии”, чем в уголовном правосудии. Поскольку безумие – не преступление, для того чтобы поместить в заведение индивида, полагаемого сумасшедшим, не требовалось правовых про-

цедур. Просто считалось, что психиатр, который помещает пациента в учреждение, всегда поступит, исходя из лучших интересов пациента.

Предположение о том, что хозяин-психиатр подобен доброму родителю в том, что он наилучшим образом служит интересам своего психиатрического раба, так, как если бы пациент был его собственным ребенком, – это фикция, необходимая для целостности и существования психиатрического рабства.

В психиатрии XIX века взгляд на сумасшедшего индивида как на больного пациента, страдающего заболеванием мозга, вполне комфортно сосуществовал с взглядом, согласно которому он представляет собой капризное дитя, обладающее телом взрослого человека. Например, Генрих Нейманн (1814–1884), ведущий немецкий психиатр, провозглашал: «С душевнобольным следует обращаться как с ребенком, который плохо себя ведет, и меры, используемые для того, чтобы исправить ребенка, могут быть применены с пользой для сумасшедшего». Нейманн был хотя бы последователен. Он также считал, как это делаю и я, что «наконец, для нас настало время прекратить поиски травы, или соли, или металла, которые в аллопатических или гомеопатических дозах излечат манию, слабоумие, сумасшествие, ярость или страсть. Их не обнаружат до тех пор, пока не будет изобретена пилюля, превращающая капризного ребенка – в хорошо воспитанного ребенка, невежду – в искусственного художника, грубую свинью – в утонченного джентльмена... Психическая деятельность человека поддается изменению не лекарствами, а привычкой, обучением и усердием».

Психиатрические практики обречены оставаться проблематичными и противоречивыми до тех пор, пока мы не можем решить, как нам рассматривать душевнобольных, психиатров и психиатрические больницы. Являются ли душевнобольные ответственными взрослыми, к которым следует относиться как к наделенным моралью людям, или они – недееспособные подопечные государства, которых следует содержать, лишая их свободы? Являются ли психиатры обычными врачами или тюремщиками? Являются ли психиатрические учреждения больницами или тюрьмами?

Фактически, психиатрия представляет собой отрасль права, которая занимается предотвращением и наказанием преступлений и девиантного поведения (отклонений). С точки зрения практики, психиатрия – это раздел медицины, которая занимается диагностированием и лечением заболеваний. В одной из своих ролей психиатр действует в качестве агента общества: он контролирует жизни пациентов и освобождает их родственников и общество от проблем, которые

представляют собой нежелательные индивиды. В другой своей роли психиатр является агентом пациента. Он поддерживает своих клиентов и помогает им справиться с их житейскими трудностями. Первая задача требует принуждать «пациента»; постановка второй задачи представляется невозможной при малейшей угрозе принуждения, не говоря уже о ее действительном исполнении.

Первородный грех психиатрии состоит в ее отказе признать, что отношения между психиатром и недобровольным душевнобольным – это враждебные отношения. Иными словами, психиатр – это двойной агент, который претендует на то, что он служит, беспристрастно и «научно», интересам обеих сторон конфликта: душевнобольного и его психиатрических оппонентов, таких как родственники, работодатели и суды. В этом коренится источник практически каждой проблемы, встающей в законодательстве об умственном здоровье и в политике в области душевного здравоохранения.

Замечание об «опасности для себя и для других» является, номинально, медицинским понятием, оправдывающим – а в действительности требующим – медицинского вмешательства. Тем не менее, как только человек признан «опасным для себя и других», врачи-непсихиатры отказываются лечить его, даже если он соглашается на лечение, а врачи-психиатры настаивают на том, чтобы лечить его, даже против его воли.

Открыто и номинально, психиатры – это врачи, специалисты по медицине; их медицинская природа широко признана и не ставится под сомнение.

Скрыто и в действительности, они – судьи и тюремщики; их роль в качестве агентов судебной системы и системы исполнения наказаний не столь хорошо осознана, часто оспаривается и даже отрицается. Тем не менее нам не требуется проводить семантическое вскрытие слова «опасный», чтобы понять, что объявляя индивида таковым, мы вешаем на него ярлык и выбрасываем его из общества. Мы регулярно используем прилагательное «опасный» вместо предписания «Избегай!», – к примеру, когда называем «опасными» определенные препараты или провода под высоким напряжением.

Мы используем термин «опасность» в качестве средства медико-правовой риторики, чтобы объяснить и оправдать определенные социальные практики. Мы называем лиц, которые переживают галлюцинации или «слышат голоса», опасными, потому что нам нужно оправдать лишение этих людей свободы. Однако мы не называем «опасными» лиц, зараженных вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ) – потому, что мы не хотим лишать их свободы. Больные СПИДом более опас-

ны, и можно показать, что они более опасны для других, чем люди с умственными заболеваниями. Однако врачи имеют весьма ограниченную власть для того, чтобы вмешиваться в жизнь таких лиц, и они не имеют какой бы то ни было власти лечить этих людей против их воли.

К началу XX века разрушительные медицинские последствия курения были установлены и широко известны, особенно врачам. И все же курение было общепринятой практикой среди психиатров и психоаналитиков, среди них был и Зигмунд Фрейд. В 1950-х, когда я был молодым психоаналитиком, все мои коллеги курили. Многие из них умерли от сердечных или легочных заболеваний. Им бы в голову не пришло возлагать на производителей сигарет вину за свою привычку, которую они воспринимали и демонстрировали как символ «психологической зрелости».

Самоубийства не были чем-то исключительным среди пациентов ранних психоаналитиков (как, впрочем, и среди самих аналитиков). Родственники пациента также не додумались бы до того, чтобы обвинить в смерти пациента его аналитика. Еще в 1960-х никто не мог и мечтать о том, чтобы подать на психоаналитика в суд за медицинское пренебрежение, если его пациент убил себя, или, что еще более абсурдно, если его пациент убивал кого-то другого. Адвокаты и судьи еще не знали, что психоаналитики обладают обязанностью принудительно контролировать пациента, и что если им не удалось ограничить его «опасность», психоаналитик виновен в преступной небрежности. В те далекие времена люди все еще считали, что есть фундаментальная разница между защитой свободных взрослых людей от опасных других лиц, что представляет собой долг государства перед гражданами, и защитой свободных взрослых людей от себя самих, что представляет собой долг человека перед самим собой. Более того, идея, будто психиатр всемогущ настолько, что может предсказать поведение свободного индивида и поэтому обязан защищать его от убийства самого себя или других людей, была немислимой.

Чем тверже фигура речи «душевная болезнь» обретает свой буквальный смысл, тем внушительнее становится следующий довод: разрушительные и саморазрушительные поступки, – особенно со стороны людей с психиатрическими диагнозами, – это продукт умственного заболевания; такие действия предсказуемы и могут предотвращаться психиатрами; следовательно, психиатры несут ответственность за неправильное поведение своих пациентов.

Эти идеи повлекли за собой серьезные последствия в сфере права, в психиатрии и во всем обществе. Каждый психиатр и психотерапевт превратился в тайного агента психиатрической системы рабства; каж-

дое официально *частное* отношение пациента и психотерапевта переместилось в сферу *государственной* охраны душевного здоровья и предотвращения «вреда»; каждый психотерапевт, отвергающий законы о донесении, становится действительным или возможным ответчиком по заведомо проигрышному делу о преступном пренебрежении в частной медицинской практике.

Иными словами, принципы и практики системы психиатрического рабства из замкнутого мира отделений для душевнобольных распространились на открытый мир повседневной жизни, – в особенности, на частную практику договорной психотерапии.

Священник, который выслушивает исповедь, не наделен обязанностью защищать третьи стороны от будущих поступков кающегося. Адвокат, защищающий преступника, не обязан защищать третьи стороны от насилия со стороны своих клиентов. Библиотекарь, выдающий книги, не обязан защищать третьи стороны от ущерба со стороны постоянных читателей. Означает ли это, что священники, адвокаты и библиотекари более безнравственны, чем психиатры? Или, может быть, они просто менее коррумпированы и не столь ревностно стремятся быть прислужниками государства? Должно быть абсолютно ясно, что суды назначили психиатров не только защищать душевнобольных от самих себя, но и третьи стороны от душевнобольных – и психиатры с восторгом согласились.

Мы очень далеко зашли. Прежде защита откровений пациента считалась предпосылкой эффективной психотерапии. Теперь предательство пациента государственной власти считается неотъемлемым от законно приемлемой психотерапии.

Если терапевт обязан докладывать о пациентах, которые рассказывают фантазии о том, как причинить ущерб другим, психотерапия превращается из отношения помощи в обманную операцию: вместо заботы о добровольно обратившихся за помощью пациентах частный психотерапевт призван в армию ловцов психиатрических рабов, создающих принудительных рабов-пациентов для психиатрических плантаций. Конечно, в таком законно-психиатрическом климате не может осуществляться ничто, даже отдаленно напоминающее «психотерапию».

Единственный и самый важный вопрос состоит в следующем: какие действия касаются только того, кто их делает, и, следовательно, не должны лежать в поле зрения контроля со стороны закона, и какие действия касаются общества, и, следовательно, правомерно контролируются государством? Джон Стюарт Милль предложил термин «дей-

ствия, касающиеся себя» для первых и «действия, касающиеся других» для последних. Граница между одними и другими часто бывает неочевидной и спорной, однако это различие – один из руководящих принципов свободного общества.

Акты, касающиеся себя, варьируются от чтения книг и религиозной практики – права, в США гарантируемые первой поправкой к Конституции, – до актов поведения, которые потенциально или действительно представляют собой саморазрушение. Акты, касающиеся других, варьируются от возмущения общественного порядка до преступлений, таких как вождение автомобиля в нетрезвом виде, нападение, убийство.

Начиная со второй половины XIX века социалистическая политика и коллективистская идеология общественного здравоохранения вели борьбу за то, чтобы стереть границу между личностью и обществом, между причинением вреда себе и причинением вреда другим. Результатом стало жульническое устранение границ между опасностью для себя и опасностью для других, а также стирание разделения между областью частного, свободной от государственного вмешательства, и сферой общественной жизни, которая подлежит государственному регулированию.

Основным политическим возражением против ключевого психиатрического понятия «опасность для себя и окружающих» является то, что оно объединяет – в единой, по-научному звучащей формуле – два радикально различных вида опасности. Психиатрическая формула «опасность для себя и для окружающих» весьма подвержена изменениям медицинской, политической и социальной моды. До 1973 года гомосексуальность представляла собой такую опасность, а с тех пор уже не представляет. Сегодня такой опасностью считается частное употребление героина, а государственный контроль над ним в форме назначенного судом обязательного приема метадона считается лечением. В то же время вовлечение в небезопасные сексуальные практики и широкий круг рискованных видов поведения, которые считаются спортом, не включены в сферу опасности для общества.

На первый взгляд, словосочетание «опасность для себя и для других» описывает состояние или предрасположенность. На практике же его обычно приписывают индивиду с психиатрическим диагнозом для того, чтобы оправдать лишение его свободы, представить лишение свободы в качестве терапии для болезни, а не наказания за преступление.

Человек с ружьем и человек с открытой формой туберкулеза представляют собой опасности весьма различного характера. Первый в пассивном состоянии не распространяет пули и не причиняет раны; чтобы стать опасным, он должен нацелить ружье на кого-то и выстрелить, то

есть предпринять добровольное действие. Нахождение в одной и той же комнате или в одном и том же самолете с человеком, у которого есть ружье, само по себе не означает опасности для других. А при определенных обстоятельствах именно обладание оружием защищает людей от опасных индивидов. Напротив, дыхание человека с открытой формой туберкулеза распространяет туберкулезные бактерии. Такой человек опасен для других, занимающих одно с ним помещение, просто своим присутствием.

Лечение больных людей является заботой общества только как способ предотвратить распространение болезни. Напротив, цель психиатрии двойственна: предотвращение опасности в отношении себя и других и обещание излечения душевной болезни. И действительно, предоставление душевнобольному лечения, которое пациент, вследствие своего заболевания, отвергает, составляет теперь основное оправдание психиатрического принуждения, как в стенах так и вне психиатрических больниц.

Основным положением английского и американского законодательства является то, что лишать невиновного человека свободы аморально, даже преследуя «благие цели». Лучше, говорим мы, оставить на свободе сотню виновных, чем заточить в тюрьму одного невинного. «Психиатрическая этика» руководствуется противоположными правилами. Контраст между презумпцией невиновности в системе уголовного права и презумпцией душевной болезни в системе защиты психического здоровья показывает несовместимость психиатрической превентивной госпитализации и законного порядка.

Если многовековой спор о психиатрическом принуждении ничему нас не учит, то мы сами себя обманываем, когда обращаем внимание на то, что юристы и психиатры говорят, вместо того чтобы видеть, что же они делают. Как бы это ни называлось, недобровольная госпитализация – это превентивное лишение свободы, маскирующееся под медицинскую процедуру, это психиатрическое устранение и сегрегация тех, кого общество не желает.

Вся система психиатрического рабства целиком покоится исключительно на освященном традицией обмане, будто лишение свободы является лечением. Британский закон позволяет заключать невиновных людей под стражу *только* под предлогом потребности в психиатрическом лечении для болезни, от которой они страдают.

Преступление, совершенное против свободы психиатрического пациента, иллюстрируется следующим фактом: обычный медицинский паци-

ент имеет законное право отказаться от хирургической или медикаментозной терапии даже тогда, когда эта терапия без сомнения полезна, целесообразна и даже необходима для спасения жизни; в то же время психиатрический пациент не может отказаться от лечения, даже когда нет свидетельства в пользу того, что оно улучшит, не говоря уже об излечении, его состояние. В результате государство признает право пациента обычной медицины на *верную* смерть (в результате отказа от лечения смертельного заболевания), но отказывает психиатрическому пациенту в праве на *возможную* смерть (в результате самоубийства).

В отличие от врача общемедицинской практики или хирурга, у психиатра многие из его пациентов не желают быть пациентами вовсе. Хотя в клиентуру обычного современного психиатра входят добровольные пациенты, у него есть и недобровольные; более того, он по-прежнему обладает правом и обязанностью ставить диагноз, задерживать и лечить людей против их воли, *включая тех лиц, которые обращаются к его услугам добровольно*. Иными словами, душевные болезни – не такие, как телесные заболевания, психиатрические пациенты – не такие, как медицинские, а психиатры – не такие врачи, как все остальные. Около ста лет назад Карл Ясперс – знаменитый психиатр, ставший философом, – отметил, что этот простой факт отделяет психиатрию от медицины и ставит под сомнение «рациональное лечение» душевнобольных. «Прием в больницу, – писал он, – зачастую происходит против воли пациента, и, следовательно, психиатр обнаруживает себя в отношениях с пациентом иного характера, нежели иные врачи... Рациональное лечение, в действительности, не является достижимой целью в отношении великого большинства душевнобольных в строгом смысле этого понятия».

Психиатр настаивает, что он – агент своего недобровольного пациента, представляющий его, пациента, наилучшие интересы. Я настаиваю, что интересы принуждающего психиатра и пациента по определению находятся в конфликте между собой. Навязанный психиатр – это противник недобровольного пациента, а не его союзник.

В отличие от иных видов лишения свободы лишение свободы под психиатрическими предложениями считается «лечением».

Несогласие со священником – это свобода религии.

Несогласие с политиком – это свобода слова.

Несогласие с психиатром – это иррациональность, сумасшествие, а также умственная неполноценность.

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 321а
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: 201-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 12.12.2005 г.
Отпечатано в типографии

Тираж 2000 экз. Заказ №
Цена свободная